9[9]1
Б-17

З. П. БАЗИЛЕВА

„КОЛОКОЛ“ ГЕРЦЕНА

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ 1949

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

1960

З. П. БАЗИЛЕВА

„КОЛОКОЛ“ ГЕРЦЕНА

ПРОВЕРЕНО 1967 г.

(1857—1867 гг.)

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

Проверено | 2015

БИБЛИОТЕКА Г. Ш. ВМС СССР

ПРОВЕРЕНО 1986 г.

ОГИЗ
Государственное издательство политической литературы
1949

9(с)1
Б 17

ПРОВЕРЕНО 54 г.

ВВЕДЕНИЕ

В. И. Ленин, говоря о нарастании революционной ситуации в России в середине XIX века, отводит большую роль в первом демократическом подъёме Герцену, его Вольной русской типографии, его «Колоколу», который первым в русской печати нарушил «рабье молчание».

Русский журнал «Колокол», издававшийся А. И. Герценом в Лондоне в середине XIX века, упоминается не только в специальных исследованиях, относящихся к этому времени, но и в популярных брошюрах и учебниках. Однако в нашей историографии до сих пор нет работы, посвящённой «Колоколу» в целом, хотя существование этого журнала было одним из важнейших фактов в русском общественном движении того времени.

О «Колоколе» писали все биографы Герцена и авторы многих монографий и отдельных статей, изучавшие период конца 50-х и начала 60-х годов. Но все эти работы, останавливаясь преимущественно на роли «Колокола» в подготовке крестьянской реформы и на его отношении к польскому восстанию 1863 г., освещают обычно только первый период его деятельности, с 1857 по 1862 г. — период, правда, максимального его распространения и влияния.

А между тем, «Колокол» продолжает выходить ещё целых пять лет, в течение которых в нём публикуется ряд статей по весьма актуальным вопросам современности. Таковы: статья «Концы и начала» (1862—1863),

направленная против западноевропейского мещанства; «Письма к противнику» (1864), разбивающие реакционные тенденции тогдашнего славянофильства; «Порядок торжествует» (1866) — о растущей в России реакции после выстрела Каракозова, и др. Исследователи часто ссылаются на эти статьи, цитируют их, не учитывая самый характер их публикации, т. е. того, что они были изданы не отдельной брошюрой или листовкой, а помещены в периодическом органе и, следовательно, должны были иметь соответствующие специфические особенности.

Игнорирование «Колокола» второго периода его издания доходит до того, что даже в одном из последних по времени «Указателе литературы», изд. 1941 г., составленном Штрайхом («А. И. Герцен», Государственное библиотечно-библиографическое издательство НКП РСФСР), на стр. 19 говорится буквально так: «10.IV — 1865 г. — вышел в свет последний (196-й) номер регулярного русского издания «Колокола», который после этого выпускался случайно». Это утверждение совершенно неверно: «Колокол» и дальше выходил регулярно — два или один раз в месяц. Последний, двойной номер (244—245-й) вышел 1 июля 1867 г.

Такое положение историографии вопроса в значительной степени объясняется тем, что действительно научная разработка вопроса стала возможной лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Вплоть до 1905 г. царская цензура держала совсем, или почти совсем, под запретом имя Герцена, боясь самым упоминанием его воскресить то революционизирующее влияние, которое имели его сочинения на русского читателя в 50—60-х годах XIX века.

В последние годы жизни Герцена и долгое время после его смерти в русской печати допускалась только враждебная Герцену критика; о его деятельности разрешалось упоминать лишь в целях её дискредитации или прямой клеветы. Даже мемуарная литература, обслуживающая, естественно, более узкий круг читателей, должна была часто ограничиваться заменой одиозного для правящих кругов имени многоточием.

И только спустя почти четверть века через рогатки и фильтры цензуры начинает проскальзывать запретное

имя в самой невинной, так сказать, нейтральной трактовке: в общих обзорах литературы, в библиографических заметках [1]. Наконец, и в первой популярной биографии, написанной Смирновым-Соловьёвым, Герцен рассматривается как художник слова и теоретик-философ [2].

Однако во всех этих работах о «Колоколе» почти не упоминается. Даже в биографии Герцена, составленной Смирновым-Соловьёвым, о «Колоколе» сказано лишь вскользь.

Впрочем, второе издание этой же биографии (1905) носит уже некоторые следы новой политической погоды — перед читателями приподнимается край завесы, скрывающей «Колокол»: даются цитаты из статей самого журнала со ссылками на номера «Колокола». Общая же концепция автора остаётся прежней: успех «Колокола» объясняется тем, что в нём Герцен в момент общественной тревоги и брожения дал твёрдую программу освобождения крестьян с землёй и поддержал начинание правительства — вместо программы революции, которую многие от него ждали... После 1861 г. «Колокол» утратил свой raison d'être...» Дополнительную причину утраты «Колоколом» авторитета в либеральных кругах автор видит во влиянии Бакунина, которое особенно сказалось в польском вопросе. Поддерживая мнение Бакунина, «Герцен, — говорит автор, — поставил на карту всё и проиграл её». Вместе с тем автор старается доказать, что общество ошибалось, считая журнал Герцена чем-то вроде революционного подпольного органа, что это поняли и революционные группы, в среде которых «Колокол» тоже утратил своё влияние. Брошюра заканчивается следующей

---

[1] Из сочувственных Герцену публикаций этого времени (как статьи: Белоголового, 1898, Белозерского, 1899, Гершензона, 1903, Б. Некрасовой, 1896 и 1904) особенно надо выделить книгу В. П. Батуринского «А. И. Герцен, его друзья и знакомые», 1904, а также изложение этой книги в статье Н. Ашешова (журнал «Образование» № 1, 1904). Здесь приводятся довольно значительные сведения специально о «Колоколе», но с урезанными цитатами и существенными пропусками.

[2] *Е. А. Соловьёв* (В. Д. Смирнов), А. И. Герцен. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк, Спб. 1898, изд. Павленкова, серия «Жизнь замечательных людей».

патетической фразой: «...В бесполезной борьбе с разъярённой стихией общественного мнения погибла и деятельность Герцена вместе с «Колоколом».

С этой же тенденцией — внушить читателю, что «Колокол» никогда не был революционным органом, — встречаемся мы и в многочисленных статьях, заметках и исследованиях о Герцене, которые появляются после 1905 г., когда цензорский карандаш уже минует имя Герцена и издателю Павленкову удаётся даже выпустить первое (правда, далеко не полное) собрание его сочинений [1].

Даты 1907 г. (50-летие начала издания «Колокола») и 1912 г. (100-летие со дня рождения Герцена) вызывают появление юбилейной литературы. Выразительную характеристику этой литературы даёт В. И. Ленин в своей замечательной статье «Памяти Герцена», создавшей действительно научную базу для изучения идеологии и деятельности Герцена: «Чествует его (Герцена. — *З. Б.*) вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала. Поминает Герцена и правая печать, облыжно уверяя, что Герцен отрекся под конец жизни от революции. А в заграничных, либеральных и народнических, речах о Герцене царит фраза и фраза» [2]. Эта оценка полностью приложима и ко всей «герцениане» 1907—1917 гг.

Кадеты, народники, мирнообновленцы—все стараются придать деятельности Герцена и его журналу свою окраску. Здесь очень показательна статья Родичева «Годовщина» [3] в газете «Речь», специально посвящённая начальному периоду издания «Колокола». Кадетский публицист подаёт «Колокол» прямо как свой либеральный орган, боровшийся за умеренную программу и поддерживавший идущее вперёд, к освобождению крестьян, правительство. Успех «Колокола», по Родичеву, объясняется именно этой поддержкой прогрессивных начинаний правительства и обличительством административных зол. Упадок влияния «Колокола», по мнению автора, был вызван борьбой

---

[1] *А. И. Герцен,* Сочинения и переписка с Н. А. Захарьиной, в 7 томах, Спб. 1905.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 464.

[3] «Речь» № 155, 1907.

Герцена с эксцессами самодержавия, которые и до настоящего времени (т. е. до 1907 г.) имеют место в русской жизни. Эта последняя мысль и даёт основание автору завершить статью следующим восклицанием: «Он здесь, он наш, этот образ свободного человека...» А в мирнообновленческой газете «Слово» некий Вл. Новосёлов в статье «Отзвучавший Колокол» договаривается до такого открытия: «...В разработку всестороннюю и научную вопроса русской реформации (Sic!) «Колокол» внёс огромный вклад» [1].

Статьи Плеханова, печатавшиеся в журнале «Современный мир» в 1911—1912 гг. [2], были посвящены анализу теоретических взглядов Герцена. Не касаясь ни дефектов этих работ, ни их общей значимости, укажу только, что Плеханов берёт в деятельности «Колокола» лишь одну сторону — его роль в освобождении крестьян.

Некоторый интерес представляет для нас рабста Ветринского «А. И. Герцен» [3], по полноте собранных фактов не утратившая своего значения и доныне.

Не представляя собой чего-либо нового в освещении жизни и деятельности Герцена с прогрессивно-демократической точки зрения, эта работа важна для нашего вопроса тем, что в ней автор охватывает весь период издания «Колокола», отводя ему пять обширных глав, и не обрывает изложения на 1863 г. (как это делало большинство других авторов). В книге на основе обильного материала даётся достаточно яркая картина успеха «Колокола», причину которого автор видит прежде всего в помещаемых там статьях самого Герцена и в его руководстве, а затем в участии журнала в подготовке крестьянской реформы. Автор также отмечает, как отражались в «Колоколе» взаимоотношения Герцена с молодым поколением революционеров и изменения его политических взглядов. Ветринский полагает, что решающее влияние Огарёва и Бакунина, сказавшееся в трактовке Герценом польского вопроса, в значительной степени подорвало успех «Колокола» в России. Польскому восстанию 1863 г., с вопросами которого был так связан «Колокол», и

---

[1] Газета «Слово» № 189, 1907.
[2] *Г. В. Плеханов,* Соч., т. XXIII, стр. 354—457.
[3] *Ч. Ветринский,* А. И. Герцен, изд. «Светоч», Спб. 1908.

последним годам издания журнала Ветринский отводит отдельные главы, привлекая новый для того времени материал из переписки Герцена. Но и здесь, как того требовала биографическая установка книги, в центре внимания — сам Герцен, его жизнь, его взгляды, а «Колокол» рассматривается лишь как одно из проявлений деятельности этой исключительно одарённой личности — фрагментарно, поскольку это необходимо для основной цели работы.

Статья того же автора «Колокол» и крестьянская реформа», помещённая в IV томе сборника «Великая реформа», изданном к 50-летию отмены крепостного права, самым заглавием своим указывает на узкие границы темы, а характер сборника предопределяет общую либерально-буржуазную концепцию этого юбилейного издания.

С 1917 г. условия научной работы в корне изменяются. Великая Октябрьская социалистическая революция, создавая совершенно новые пути и масштабы для научно-исследовательской работы, и в отношении наследия Герцена открыла широчайшие перспективы, делая доступными многие фонды ценных первоисточников. Их изучение и подготовка для публикации немедленно привлекли внимание ряда специалистов.

Однако исследователями до сих пор слишком недостаточно использованы имеющиеся возможности для научного анализа и обобщающих построений.

Правда, к 50-летию со дня смерти Герцена, в 1920 г., появляются работы общего характера. Но они представляют собой или краткие юбилейные статьи или популярные книги и брошюры и не вносят значительного вклада в научное исследование жизни и деятельности Герцена. А некоторые из этих работ дают и прямо неверное освещение вопроса, как например, книга Стеклова «Борцы за социализм» и его же биография Герцена, в которых ставится знак равенства между позициями Герцена и либералов и затушёвывается широко демократическая программа лондонских изданий.

Изучение же специально «Колокола» не продвинулось ни на шаг.

Такое отставание в изучении взглядов и деятельности Герцена в значительной степени может быть объяснено общим влиянием М. Н. Покровского на состояние нашей историографии в 20-х годах XX века. Как он сам, так и его последователи недооценивали общественное значение Герцена, видя в нём воплощение лишь одного из течений либерального направления в русском обществе. Правда, впоследствии Покровский несколько изменяет своё отношение к Герцену и признаёт его «первым пропагандистом русской революции»[1]. Но дать деятельности Герцена глубокую и полную оценку он так и не смог.

В 30-х годах появляются исследования литературного и философского творчества Герцена. Однако в отношении изучения «Колокола» некоторый сдвиг наблюдается только в самое последнее время. В 1941 г. была опубликована статья И. С. Смолина «Колокол» (1857—1861)[2]. Автор проделал здесь очень нужную работу: он рассматривает тот период существования «Колокола», который и раньше особенно привлекал внимание историков, — с 1857 по 1861 г. — с позиций марксистско-ленинской методологии. Ставя, естественно, в центре исследования отношение «Колокола» к крестьянскому вопросу, Смолин правильно связывает его с массовым движением в России и рассматривает его трактовку на страницах герценовского журнала как одно из проявлений классовой борьбы, обострившейся в те годы в России. Разбивая традиционные установки старой историографии, автор не обрывает исследования на моменте объявления «Положения 19 февраля 1861 г.», прослеживает деятельность «Колокола» за весь 1861 г. Это даёт ему основание устранить искусственный разрыв, наблюдавшийся у буржуазных историков, между крестьянским вопросом в «Колоколе» и другими явлениями русской жизни, широко отражёнными в журнале. Отсюда — возможность автора показать «Колокол» как действительно революционно-демократический орган.

---

[1] См. предисловие к статье Герцена «Русский заговор 1825 г.», опубликованное в 1926 г.

[2] См. «Учёные записки Ленинградского Государственного педагогического института имени Герцена», т. XXXIX, стр. 5—70.

Отдельные дефекты (например, ошибка в освещении перемены отношений редакции «Колокола» с Тургеневым, а отсюда и вообще с левыми либералами в России, или неверное заглавие приложений «Колокола») не меняют общей ценности работы и объясняются, повидимому, отсутствием в ленинградских книгохранилищах полного комплекта приложений «Колокола» и таких периферийных изданий, как сборник «И. С. Тургенев», изданный в 1940 г. в Орле.

Однако и данная работа, так же как и работы более ранних исследователей, охватывает лишь часть номеров «Колокола» (до 1861 г. включительно); журнал Герцена в целом за всё десятилетие его существования остаётся вне поля зрения историков и до настоящего времени.

Что же касается самого «Колокола», то его текст не только тщательно изучен в указанной статье т. Смолиным, но и в значительном количестве фрагментов опубликован. Это можно лишь приветствовать, так как вообще подлинный текст «Колокола» известен очень небольшому кругу специалистов вследствие того, что журнал Герцена представляет сейчас исключительную библиографическую редкость. Даже в Москве, с её замечательными книгохранилищами, имеются лишь четыре полных комплекта номеров «Колокола» (с 1857 по 1867 г.): 1) в Музее книги Государственной библиотеки имени Ленина (здесь же имеется и микрофильм всех номеров журнала); 2) в библиотеке имени Горького Московского Государственного университета (в фондах Лугининской коллекции); 3) в библиотеке Института Маркса — Энгельса — Ленина; 4) в библиотеке Академии наук СССР. Прибавлений же к «Колоколу» и в указанных книгохранилищах полностью не имеется.

Конечно, известную роль в деле ознакомления со взглядами и подлинными высказываниями «Колокола» играют те работы по отдельным вопросам экономики, литературы и изобразительного искусства в России середины XIX века, которые прибегают к цитированию «Колокола» для углубления своих более узких тем и для характеристики общего развития русской общественной жизни того времени как базы для изучения отдельных её сторон. Такова, например, вышедшая в конце 1945 г. ра-

бота Л. А. Плоткина «Писарев и литературно-общественное движение 60-х годов».

Но всего этого слишком недостаточно вследствие случайности и отрывочности материала.

Не прибавила здесь ничего и литература, появившаяся в 1945 г. в связи с 75-летием со дня смерти Герцена.

Необходимо отметить ещё один весьма существенный факт: до последнего времени творчество и деятельность Герцена изучались главным образом с позиций литературоведческих [1], а между тем совершенно прав Белинский, когда он в письме к Герцену от 6 апреля 1846 г. предсказывает ему место «не только в истории русской литературы, но и в истории Карамзина». И если эти слова Белинского справедливы по отношению к 40-м годам, к ранней деятельности Герцена, то с гораздо большим основанием их можно отнести к более позднему периоду и в особенности к его деятельности, связанной с Вольной русской типографией и изданием «Колокола».

Деятельность эта по существу была основным, центральным делом жизни Герцена. Подготовляя в 1853 г. открытие своей типографии, он писал своему другу Марии Каспаровне Рейхель: «Я, с своей стороны, уверен, что это — лучшее дело моей жизни» [2].

Общеизвестна оценка «этого дела» В. И. Лениным: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено» [3].

Необходимо отметить, что при советской власти уже созданы многие предпосылки, облегчающие изучение вопроса:

1) В 1925 г. окончено капитальное, 22-томное издание

---

[1] *В. Г. Белинский,* Взгляд на русскую литературу 1846 года; *его же,* Взгляд на русскую литературу 1847 года, Соч., т. IV, 1898; *Н. А. Добролюбов,* т. IV, 1937; *П. В. Анненков,* Литературные воспоминания, изд. 1, 1909; *И. С. Нович,* Духовная драма Герцена, 1937.

[2] «Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель и письма к ней Герцена», М. 1909, стр. 96.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 466.

собрания сочинений и писем Герцена под редакцией М. К. Лемке.

2) Издано несколько сборников документов и их отдельные публикации, дополняющие работу Лемке [1]. В этих сборниках наряду с публикациями новых материалов помещены статьи по вопросам, ранее слабо исследованным; таковы, например, статьи Б. П. Козьмина «Герцен и молодая эмиграция» и «Из публицистического наследия Огарёва» и близко связанная с нашим вопросом работа покойного М. М. Клевенского «Герцен-издатель и его сотрудники».

3) Появился ряд статей и в других сборниках, освещающих отдельные стороны издательской и революционной деятельности Герцена и Огарёва. Здесь особенно значительный интерес представляет статья М. В. Нечкиной «Н. П. Огарёв в годы революционной ситуации» («Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. IV, № 2, 1947 г.).

Однако и сейчас не утратили своей актуальности слова А. М. Горького, сказанные им более 30 лет назад: значение Герцена «в истории развития русского общества и русской мысли огромно и до сей поры ещё не оценено полностью во всей широте и глубине» [2].

И в настоящий момент приходится признать совершенно справедливым замечание составителя библиографического описания всех изданий Вольной русской типографии Беркова, что «степень научного изучения продукции этой типографии едва ли не обратно пропорциональна её роли» [3].

Содержанием данной работы будет изучение основных проблем, которые ставились в «Колоколе» за всё 10-летие его существования, и того значения, которое имел журнал в развитии русского общественного самосознания.

---

[1] «А. И. Герцен. Новые материалы», сборник под ред. Н. М. Мендельсона. М. 1927; сборник «Литературное наследство» № 7—8; сборник «Звенья» № III—IV, VI и др. Особенно ценно издание сборника «Литературное наследство» № 39—40 и 41—42.

[2] *М. Горький,* Избранные литературно-критические статьи. ГИХЛ, 1941, стр. 68.

[3] Приложение к переизданию брошюры «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», изд. Академии наук СССР, М.—Л. 1935, ч. II, стр. 9.

Для выполнения этой задачи необходимо, как мне кажется, исходить из двух положений: во-первых, рассматривать журнал *не статически,* как нечто неизменное, а взять его *в развитии,* рассмотреть его эволюцию. Ведь только анализ этапов развития даёт нам понимание того или иного результата, как справедливо указывает сам Герцен в одном из первых своих философских трудов [1]. Как орган, живо откликавшийся на запросы жизни, «Колокол», естественно, не мог замкнуться в раз установленном кругу интересов, но должен был поднимать новые и новые вопросы: «Многое из того, что было ново в 1849, стало в 1859 битой фразой, что казалось тогда сумасбродным парадоксом — перешло в общественное мнение, и много *вечных и незыблемых* истин прошли с тогдашним покроем платья...» [2]

Во-вторых, изучать эволюцию «Колокола» необходимо неразрывно не только со всей деятельностью Герцена, но, что особенно важно, с общими условиями русской общественно-политической жизни того времени, с тем подъёмом классовой борьбы, который нарастает ко времени крестьянской реформы и оказывает решающее влияние на всю деятельность и работу Вольной русской типографии.

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. III, стр. 224—227.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 219.

Глава I

СОЗДАНИЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ И ЕЕ РАБОТА ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ «КОЛОКОЛА» (1853—1857)

1. ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ

Чтобы ясно понять условия возникновения в 1857 г. журнала «Колокол», необходимо предварительно рассмотреть работу Вольной русской типографии в предшествующие годы, так как из неё органически возник и развился «Колокол» и она определила в значительной степени его успех и масштаб распространения.

С внешней стороны уже в самом подзаголовке «Колокола» мы видим указание на эту связь: «Колокол» был задуман и стал издаваться как «Прибавочные листы к «Полярной Звезде». Правда, особые задачи, которые намечало для «Колокола» его руководство, их блестящее выполнение и иные по сравнению со сборниками формы и темпы общения с читателями быстро завоёвывают этому «прибавлению» самостоятельное положение. Но связь между разновремёнными и различными видами продукции Лондонской типографии постоянно усматривается не только во внешнем распределении материала, когда вопросы, вскользь затронутые «Колоколом», глубже освещаются в «Полярной Звезде» или объявление журнального листа переводит внимание читателя на очередную книгу сборника. Гораздо существеннее наличие этой связи в общих принципах направления издательства.

Определить это внутреннее единство продукции Вольной русской типографии можно, лишь уяснив себе принципиальную основу деятельности Герцена.

При решении поставленного вопроса о существе деятельности Герцена нами может быть использован двойной критерий.

С одной стороны, мы имеем классический анализ Ленина, с другой — оценку субъективную — в определении самим Герценом центрального ядра своей деятельности.

В первых же словах своей известной статьи к 100-летнему юбилею со дня рождения Герцена — «Памяти Герцена» — Ленин подчёркивает «великую роль» Герцена в «подготовке русской революции» [1]. Далее он раскрывает, в чём состояла эта роль, оговаривая колебания и ошибки Герцена, и, суммируя, заканчивает статью точным указанием: «Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории;— учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*» [2].

Ленин, характеризуя деятельность Герцена, подчёркивает его великую роль (несмотря на ошибки и заблуждения) в подготовке русской революции путём разработки революционной теории и «обращения к массам с *вольным русским словом*».

При сопоставлении этой характеристики с замечательными словами Ленина о выстраданной Россией правильной теории — марксизме и о жадном полувековом искании её русской передовой мыслью ясно становится, какое место отводит Ленин Герцену в этой «беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [3].

---

1 *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 464.
2 Там же, стр. 469.
3 *В. И. Ленин,* Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 175.

В то же время как красноречивое дополнение мы имеем многочисленные высказывания Герцена о том, какое значение он придаёт развитию передовой самостоятельной русской мысли, сколько сил он отдаёт и ещё готов отдать для пробуждения её в молодом поколении и широких массах.

Ещё в первые годы своей эмигрантской жизни, после крушения надежд на успех революции 1848 г., Герцен ставит вопрос, собственно говоря, риторический, так как он и тогда, в 1851 г., и позднее не сомневался в положительном ответе на него: «Не следовало ли всеми способами стараться призвать русский народ к сознанию своего пагубного положения...» [1]. Когда же много лет спустя влияние Герцена на многочисленных читателей в России стало фактом, основная цель его деятельности остаётся неизменной: сделать вольную русскую печать достоянием широких народных масс. «...О, если-б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!» — обращается он к «усмиряемому» после освобождения крестьянству. В то же время, глубоко ценя и теоретические, философские искания русского ума, Герцен бережно относится к их выводам, даже когда и не разделяет их; перепечатывая в «Полярной Звезде» первое «Философическое письмо» Чаадаева, он заявляет: «Каждый памятник развития русской мысли... свят и дорог» [2].

А в письме Герцена и Огарёва к Бакунину от 1 сентября 1863 г. прямо подчёркивается как центральная задача их деятельности участие «в развитии русской мысли и гражданственности» [3].

Это признание не только своевременности, но и необходимости настойчивой работы по выработке и подъёму русского национального самосознания, передовой, а по историческим условиям тогдашней России — революционной русской мысли, красной нитью проходит через всю деятельность Герцена, его литературное творчество, его организационную работу по издательству и, наконец, массовую агитацию через листы «Колокола».

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 390.
[2] «Полярная Звезда», книга 6, стр. 141; *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 56—57.
[3] «Литературное наследство» № 41—42, стр. 79.

Такое страстное устремление к поставленной цели было особенно значительно своей органической связью с решающим фактором всей жизни Герцена — его всепоглощающей *любовью к родине.*

Поднять самосознание своего народа, помочь развитию присущих ему сил и дарований — в этом видел Герцен не только путь к необходимой победе русского народа над царизмом, но и утверждение подобающего нашему народу почётного места в семье других народов.

Этой цели была подчинена вся деятельность Герцена; она наложила основной отпечаток на работу Вольной русской типографии, ею было пронизано и всё 10-летнее существование «Колокола».

2. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ В ЛОНДОНЕ И ЕЁ ЗАДАЧИ

В 1853 г. Герцену удаётся осуществить свою давнюю мечту — организовать русскую бесцензурную печать.

Мысль об этом встаёт перед ним тотчас после разгрома революции 1848 г. силами всеевропейской реакции.

«Ещё в 1849 году я думал начать в Париже печатание русских книг, — говорит Герцен в обращении к русским читателям 21 февраля 1853 г., — но, гонимый из страны в страну, преследуемый рядом страшных бедствий, я не мог исполнить моего предприятия. К тому же я был увлечён; много времени, сердца, жизни и средств принёс я в жертву западному делу. Теперь я себя в нём чувствую лишним» [1].

В этом Герцен признаётся тогда же друзьям, оставшимся в России:

«Я ни во что не верю здесь», кроме движения и, однако, «я остаюсь... Остаюсь затем, что борьба *здесь*... открытая», что здесь она гласная, и вот из-за этого голоса, из-за этой открытой борьбы, из-за этой гласности «я остаюсь» [2]. Это решение не было минутным,

---

[1] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 187—188.
[2] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 386—387.

ИЛИАЛ Центральной ВМБ
БИБЛИОТЕКА

эмоциональным порывом; это была глубоко продуманная и ясно поставленная задача [1]. Необходимость выполнения её всё острее и острее становится перед Герценом в последующие годы.

В 1851 г. в своём известном письме к историку Мишле Герцен прямо подчёркивает, что медлить более нельзя:

«День действия, может быть, ещё далеко для нас; день сознания, мысли, слова уже пришёл. Довольно жили мы во сне и молчании; пора нам рассказывать, что нам снилось, до чего мы додумались...

Для мысли настаёт время зрелости, в которое её не могут более сковать ни цензурные меры, ни осторожность. Тут пропаганда делается страстью; можно ли довольствоваться шептанием на ухо, когда сон так глубок, что его едва ли рассеешь набатом?» [2]

А если в Западной Европе растущая реакция попытается задушить свободную речь, Герцен готов уехать в Америку, лишь бы добиться своего: «И если и здесь (в Западной Европе. — *З. Б.)* дойдёт до того, что нам заткнут рот, и гнёт не позволит нам даже громко проклинать наших угнетателей, — мы отправимся тогда в Америку, жертвуя всем достоинству человека и свободе слова» [3]. «Бедный русский народ! Некому возвысить голос в его защиту! — восклицает Герцен, обращаясь к Мишле. — Посудите сами: могу ли я, по совести, молчать» [4].

---

[1] Опубликованная лишь в 1941 г. заметка Герцена «Вместо предисловия или объяснения к Сборнику» его произведений, предполагавшемуся к изданию в 1849 г., показывает, как настойчиво он возвращается к мысли печатать за границей для русских в России, хотя и сознаёт все трудности этого:

«Я знаю, что не только книгу в России запретят, но что учредят особый пограничный кордон ad hoc и новое ведомство предупреждения и пресечения ввоза мятежной книги и — всё-таки печатаю её для *Русских* в *России.* Мы посмотрим, кто сильнее — власть или мысль. Мы посмотрим, кому удастся — книге ли пробраться в Россию или правительству не пропустить её.

Да здравствует свобода книгопечатания!» («Литературное наследство» № 39—40, стр. 170).

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 458—459.

[3] Там же, стр. 311.

[4] Там же, стр. 434.

И он не молчит. Но в этот начальный период деятельности за границей, в первые годы своей эмиграции, он говорит больше о русском народе, чем *для* него.

«Для русских за границей есть ещё другое дело, — указывает Герцен в письме к русским друзьям 1 марта 1849 г. — Пора действительно знакомить Европу с Русью. Европа нас не знает; она знает наше правительство, наш фасад и больше ничего... Пусть узнают европейцы своего соседа; они его только боятся, — надобно им знать, чего они боятся.

До сих пор мы были непростительно скромны и, сознавая своё тяжкое положение бесправия, забывали всё хорошее, полное надежд и развития, что представляет наша народная жизнь...

Успею ли я что сделать?.. Не знаю, — надеюсь!» [1]

Одним из первых выполнений этого решения Герцена и является его известная работа, изданная на французском языке: «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» («О развитии революционных идей в России») [2]. С волнением наблюдает он тот приём, который эта работа встретила у западного читателя. В письмах этого времени (октябрь 1851 г. и позднее) к М. К. Рейхель Герцен не только сообщает ей о всех отзывах, какие появляются в прессе различных стран, но и посылает номера газет с рецензиями и с глубоким удовлетворением констатирует положительную оценку [3].

Можно с полной уверенностью сказать, что это волнение Герцена не было тревогой авторского самолюбия: как талантливый беллетрист и блестящий публицист Герцен уже прочно зарекомендовал себя за границей, издавая иностранные переводы своих прежних литературных трудов и активно участвуя в заграничной прессе. Не это сейчас его волновало; в центре внимания Герцена — вопрос: как поймут и смогут ли вообще понять облик русского народа, дотоле неизвестный Западу, который раскрывается на горячих страницах его статьи? И когда до него доходят слова изумлённого одобрения, и когда он

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. V, стр. 390—391.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 298—407.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 462; т. VII, стр. 325, 388.

видит, что передовые люди тогдашней Европы, руководители революционного движения на Западе, поняв его речь, по-новому начинают оценивать своего восточного соседа и приветствуют в лице Герцена великое революционное будущее русского народа, он удовлетворённо замечает: «Мы имя народа нашего примирили с народами Запада, смешивавшими нас с петербургским правительством» [1].

В другом случае, в частном письме к московским друзьям, Герцен говорит: «Я их заинтересовал Россией... Посмотрите, как в здешнем revue «Liberté du penser» подробно излагают всё, сказанное мною о России. С этой стороны я не могу упрекнуть себя, что был недеятелен» [2].

Этой же цели служат и личные выступления Герцена на митингах революционной демократии (29 ноября 1853 г. — в 23-летнюю годовщину польского восстания и 27 февраля 1855 г. — в память февральской революции 1848 г.), а также постоянно настороженное внимание ко всему, что публикуется за границей о России. «...Вчера я взял книгу, — пишет Герцен М. К. Рейхель 19 февраля 1853 г.,—«Un missionnaire republicain en Russie». Если не читали — советую. Это — милый французик, не знавший вовсе жизни, фразёр, но добрый... Он ничего не понимает... но так пахнет Москвой и Петровским, что прочесть не мешает. Я хочу его немножко потеребить в статейке».

В своей речи на митинге 27 февраля 1855 г. (в память февральской революции 1848 г.) Герцен положительно отзывается о характеристике, данной России в книге Gallet de Kulture «Le Tzar Nicolas et la sainte Russie» (Paris 1855, p. 229) [3].

А в одном из более поздних писем к Рейхель сообщает: «...вышла об России довольно интересная книга по-немецки: «Ueber Menschen und Dinge in Russland, Verlag v. Scheude, 1856», — из неё можно сделать интересную статью для «Ревю» [4].

Но такие единичные выступления и обращение лишь

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 69.
[2] «А. И. Герцен. Новые материалы», М. 1927, стр. 74.
[3] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 147.
[4] Там же, стр. 282.

к западному читателю не удовлетворяют Герцена; как революционный борец он считает своей насущной задачей — всколыхнуть всю передовую русскую мысль и дать ей свободный выход в бесцензурном русском издательстве. Это и удаётся ему начать в 1853 г. созданием Вольной русской типографии в Лондоне.

При содействии польских эмигрантов Герцен получает реальную возможность приступить к оборудованию типографии: члены «Централизации», Польского демократического общества, сами только что пережившие организационный период своей типографии и обязанные к тому же материальной поддержке Герцена, быстро доставляют ему готовый русский шрифт от знаменитой парижской типографско-издательской фирмы Дидо [1]. Теперь Герцен быстрыми темпами развивает дальнейшую подготовку.

В значительном эпистолярном наследстве Герцена, сохранившемся от 1853 г. и опубликованном за последние годы, ясно видно то волнение, которое он переживает в это время, тревожась от каждой задержки и досадуя на кажущуюся медленность дела.

Правда, трудностей и препятствий пришлось одолеть вначале немало. Осенью 1853 г., когда типография уже была пущена, Герцен в письме к Мишле сообщает: «Я устроил на собственный счёт русскую типографию; она вполне оборудована и работает очень хорошо. Начиная от матриц и семи шрифтов и кончая фактором и наборщиком, всё было трудно достать» [2]. А весной 1854 г., когда уже видны были итоги годичной работы, Герцен так рассказывает о них в письме к Моисею Гессу: «Я веду самую деятельную жизнь. Я устроил русскую типографию, напечатал четыре брошюры и целый том, выпускал листки; я думаю, что всё это было не без пользы. Но это вызвало чудовищные расходы (типография, начиная со шрифта и до оплаты рабочих, вся на мой счёт)» [3].

Однако все эти внешние трудности не смущают Герцена.

---

[1] Этот шрифт был сделан по заказу С.-Петербургской Академии наук и не взят заказчиком (см. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 189, прим. Лемке).

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 331.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 82—83

«Типография будет, — пишет Герцен М. К. Рейхель 3 апреля 1853 г., — и, если я ничего не сделаю больше, то эта инициатива русской гласности когда-нибудь будет оценена!» [1]

А несколько ранее, в самый разгар подготовки, Герцен пишет ей же: «Проект моей типографии очень важен. Это — последний запрос России; он может не удастся, но русские оценят мою веру в них» [2]. «Еслиб у меня было теперь два-три сотрудника, я удесятерил бы пропаганду: теперь самое время русской речи» [3].

Как понимает Герцен сущность своего проекта, видно из его обращения 20 мая 1853 г. в редакцию журнала «Польский демократ», где он перед лицом западной революционной демократии заявляет о начале этой работы: «Нам, русским эмигрантам, покинувшим родину из-за любви к ней, следует создать свободную трибуну русской речи за пределами России!..

Основание русской типографии в Лондоне является делом наиболее практически революционным, какое только русский может предпринять в ожидании исполнения иных лучших дел» [4] (курсив мой. — *З. Б.*).

3. СОЗДАНИЕ КРЕПКОЙ СВЯЗИ С РУССКИМ ЧИТАТЕЛЕМ

Однако что действительно тревожило Герцена в то время, чему он уделяет особое внимание и что звучит тогда почти в каждом письме его — это дело связи с Россией, с русским читателем, и связи не только и не столько организационной (по доставке и получению материалов), сколько связи по существу, т. е. создания идеологического контакта с передовыми силами русского общества. Герцену было совершенно ясно, что, только имея такое постоянное общение, можно добиться поставленной цели.

Об этом он прямо и говорит в своём первом обращении от Вольной русской типографии «Братьям на Руси»:

---

[1] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 207.
[2] Там же, стр. 192.
[3] Там же, стр. 333.
[4] Там же, стр. 234.

«Отчего мы молчим?

Неужели нам нечего сказать?

Или неужели мы молчим оттого, что мы не смеем говорить?..

Я знаю, как вам тягостно молчать, чего вам стоит скрывать всякое чувство, всякую мысль, всякий порыв.

Открытая, вольная речь — великое дело; без вольной речи нет вольного человека. Не даром за неё люди дают жизнь, оставляют отечество, бросают достояние...

Открытое слово — торжественное признание, переход в действие.

Время печатать по-русски вне России, кажется нам, пришло. Ошибаемся мы или нет, это покажете вы...

Присылайте, что хотите, — всё, писанное в духе свободы, будет напечатано...

Мы готовы даже печатать безденежно...

Дверь вам открыта. Хотите ли вы ею воспользоваться или нет? — это останется на вашей совести» [1].

Обращение это помечено 21 февраля 1853 г. и, повидимому, в середине марта было уже переправлено в Россию при помощи польских эмигрантов, имевших налаженные пути для доставки туда литературно-агитационной контрабанды.

Параллельно с этим Герцен стремится создать иную связь, не гласную, но более крепкую, с определёнными пунктами, с определёнными лицами. Уже в письме от 24 февраля 1853 г., сообщая впервые о типографии, Герцен забрасывает М. К. Рейхель поручениями по издательству, а 9 марта 1853 г. разражается взволнованной тирадой в ответ на её сомнения и критику его проектов связи с Россией: «Поймите, пожалуйста, в чём дело. Литературные посылки идут преправильно в Одессу, в Малороссию и оттуда... Неужели наши друзья не имеют ничего сообщить? Неужели не имеют желания даже прочесть что-нибудь? Как доставали прежде книги? Трудно провезти через таможню, — это наше дело. Но найти верного человека, который бы умел в Киеве или другом месте у мной рекомендованного лица взять пачку и доставить в Москву, кажется, не трудно. Но если и это

---

[1] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 186—187.

трудно, пусть кто-нибудь позволит доставлять к себе; неужели в 50.000.000 населения уж и такого отважного не найдётся?» [1]

В длинной серии почти ежедневных писем Герцен сообщает Рейхель все новости по типографии, просит её советов, даёт поручения; и в центре этого всё время — вопрос о «московских друзьях» и их отношении к лондонскому издательству. Вскоре Мария Каспаровна Рейхель, этот давний друг Герцена и его постоянный корреспондент, становится и неутомимым его помощником по делам типографии, а затем делается как по личным качествам, так и по общественным и бытовым условиям естественным и необходимым звеном связи между Герценом и его многочисленными соотечественниками. Герцен очень ценил её содействие издательству. «Еслиб у меня в России вместо всех друзей была одна Мария Каспаровна, — всё было бы сделано» [2], — писал он ей 25 июня 1853 г.

Занимая вполне легальное положение и в Париже, где она жила тогда со своим мужем, музыкантом Адольфом Рейхелем, и не порывая юридических связей с Россией, Мария Каспаровна имела возможность свободной переписки с родиной в том смысле, что письма её не привлекали особого внимания III отделения и получение их не компрометировало политически адресатов. С другой стороны, как близкий человек в семье Герцена она всегда была в курсе всех дел русских эмигрантов.

По той же причине и парижская квартира Марии Каспаровны усиленно посещается приезжающими соотечественниками.

Кроме того, она не только была знакома с «московскими друзьями» Герцена, но и сама принадлежала к их кружку, разделяла их взгляды, знала в деталях их общественную деятельность и бытовую обстановку. Поэтому в переписке, иногда несколько законспирированной, ей достаточно было небольшого намёка, дружеского прозвища, чтобы определить корреспондента лондонского издателя и сделать соответствующее распоряжение по от-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 191
[2] Там же, стр. 243.

правке, получению или передаче материалов издательства, а то и организовать, избегая нежелательной огласки, поездку нужного человека в Лондон.

Но такая связь создалась не сразу; в первое время работы Вольной русской типографии ни энергия Герцена, ни содействие Рейхель не могли сломить молчания России.

Вопрос о том, что обусловило это молчание и когда и как оно было прервано, весьма существенен. В его решении раскрывается судьба вольной русской прессы за границей в связи с тем общим внутренним состоянием России, которое сложилось к 50-м годам XIX века, и роль в нём отдельных социальных группировок.

Рассмотрим конкретные факты. Весной 1853 г. были закончены подготовительные работы, и 22 июня станки Вольной русской типографии были пущены в ход [1].

Первым произведением был листок, датированный 20 июля 1853 г. и озаглавленный: «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству!» Естественно, что этим горячим словом об отмене крепостного права начинает Герцен свою издательскую деятельность. Ведь всего несколько месяцев назад он говорил, обращаясь к Западной Европе: «...весь *русский вопрос,* по крайней мере, в настоящее время, заключается в вопросе о крепостном праве. Россия не может сделать ни шага вперёд, пока в ней не будет уничтожено рабство» [2].

Вторым был выпущен листок «Поляки прощают нас», в котором давалось чёткое и смелое решение национального вопроса в равноправии национальностей и их общей борьбе с царизмом.

Третьей была статья «Крещёная собственность», «небольшой отрывок о крепостном состоянии» (так определяет её автор), по существу же — яркий протест против злоупотреблений крепостников.

Ни на одно из этих изданий отклика из России не последовало. И только почти через три года упорной, настойчивой работы типографии к Герцену приходят и

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 243.
[2] Там же, стр. 362.

сочувственные отклики и материалы из России, где растет спрос на его издания.

Объяснение этих фактов, существующее в литературе, общеизвестно: указывается, что русские читатели (в их числе и «московские друзья» Герцена) были испуганы его смелым начинанием и вольным словом; они боятся себя обнаружить каким-либо общением с ним; они даже делают попытку (приезд в Лондон М. С. Щепкина) уговорить Герцена отказаться от его затеи. Смерть Николая I всё меняет: страх перед смелой критикой и громкой речью проходит; начинается паломничество русских путешественников к Герцену; от его прежней изолированности и отчуждённости нет и следа, растёт спрос на его издания и корреспонденция из России.

Такая мотивировка безусловно недостаточна.

Конечно, страх был, и неправильно было бы его отрицать. Сознание того, что правительство подавляет каждую живую мысль, угнетало большинство образованных людей в России. Одни из них мечтали вырваться из николаевской империи [1], другие — опускали руки. Бестужев-Рюмин вспоминает: «...Царствование его (Николая I), особенно после 1848 года, было слишком тяжело для людей интеллигентных; стеснения печати, стеснения университетов, произвол администрации всех огорчали. В последнее время даже в Москве, сходясь, говорили только в тесном кружке, а то играли в карты» [2].

«Много порядочных людей впали в отчаяние и с тупым спокойствием смотрят на происходящее... — пишет Грановский Герцену в 1851 г. — Когда же рушится этот мир?» И он прибавляет: «Слышен глухой, общий ропот,

---

[1] Так, Кошелев пишет Ив. Аксакову 9 августа 1853 г.: «Понимаю, совершенно понимаю вашу жажду к деятельности видимой, осязательной, приносящей плоды положительные ...но что же делать? Лбом стены не прошибёшь... Ни мало не считаю сумасбродством или эксцентричностью мысль, желание ваше совершить кругосветное путешествие... Из всего, что теперь может вам представиться, по-моему, это лучшее для вас потребление времени» (см. журн. «Голос минувшего», 1918, № 1—2, стр. 239—240, письма Кошелева к Ив. Аксакову от 9 августа и 1 сентября 1853 г.).

[2] *К. Н. Бестужев-Рюмин,* Воспоминания, Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. LXVII, Спб. 1901, стр. 46.

но где силы? Тяжело, брат, бремя нашей жизни!»[1] В то же время действительно страх постоянной перлюстрации писем заставляет быть очень осторожным в корреспонденции. В этом отношении характерно другое письмо Кошелева к Ив. Аксакову, от 8 сентября 1853 г. (из Москвы). «На счёт же почты должны (вы) знать, что скорее можно много напечатать, чем в письме написать. Печатая, вы высказываете всю свою мысль; а след., вам нечего бояться. В письмах сообщаем свои мысли и чувства кратко, так сказать, полусловами; а потому очень легко могут дать им кривой смысл, и из невинного мнения или слова могут вывести бог весть что. К тому же люди, читающие письма по почте, не все люди благонамеренные... Впрочем, — спохватывается благоразумно Кошелев, — оставимте в покое этих незванных читателей наших писем»[2].

Так было с письмами внутри России. Заграничная переписка находилась под ещё более строгим надзором. В. П. Боткин в 1852 г. пишет И. С. Тургеневу: «...мне поручено попросить тебя, чтобы ты был несколько осторожнее в своих письмах. Именно письмо твоё к Ив. Аксакову, где ты писал о цензуре, — было причиною тому, что просят тебя быть в своих письмах осмотрительнее»[3].

А несколько ранее, летом 1850 г., И. С. Тургенев предлагает Герцену использовать для извещений условные журнальные объявления; он просит «в случае какого-либо важного обстоятельства... известить (его) помещением в объявлениях «Journal des Débats» que Mr. Louis Morisset de Caën...» У нас нет сведений, воспользовался ли Герцен предложением Тургенева; но вот в другом случае Герцен принимает указания друзей и несколько вуалирует свою переписку: получив от Огарёва 30 июля 1855 г., через М. К. Рейхель, законспирированное и адресованное «сестре» письмо, Герцен также стал подписывать

---

[1] Цит. по *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 234.

[2] «Голос минувшего», 1918, № 1—2, стр. 241.

[3] «Неизданная переписка В. П. Боткина и И. С. Тургенева», «Academia», М. — Л. 1930, стр. 28.

некоторые свои письма в Россию «Эмилия» и писать от женского лица [1].

Российские обыватели в своей частной жизни ежедневно натыкались на рогатки, расставленные правительством, не всегда, может быть, даже столь острые и опасные, как это им в страхе казалось.

Пустив работу своей типографии, Герцен в организационном пылу, с досады, что «москвичи» никак не отзываются на его обращения, не пишут даже окольными, «перестрахованными» путями, именует их постоянно в письмах того времени к Рейхель «трусами» [2]. «Не могу не беситься, — говорит он в другом случае, — всё есть, сношения морем и сушею, и только недостаёт человека, которому посылать» [3].

Такова одна сторона вопроса. Её необходимо признать, но не ограничиваться ею. Что дело здесь не только в страхе, видно уже из высказываний самого Герцена. В тех письмах, которые написаны им без организационной спешки, вне суеты, он глубже разбирает свои отношения с кругом «московских друзей» и указывает на своё расхождение с ними: «Мы разошлись или развелись обстоятельствами, так что друг друга не достанем, и голос становится непонятен» [4]. «Мы стали говорить *на разных наречиях*» [5].

А между тем теперь можно констатировать, что общественно-политические вопросы, волнующие обе стороны, в значительной степени были одинаковы: если у Герцена через все его произведения, публикации Вольной русской типографии и частные письма этого времени красной нитью проходят в первую очередь вопросы эмансипации, свободы слова и необходимости изменения всего существующего режима, то у «московских друзей» те же темы, как исключительно господствующие, могут быть обнаружены через ту рукописную политическую литературу, которая развилась в России начала 50-х годов и указания на которую, хотя часто и неполные и случайные,

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 203.
[2] Там же, стр. 186.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 243.
[4] «Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель», стр. 100.
[5] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 337.

мы имеем в опубликованных мемуарах и эпистолярных материалах того времени.

Как же разрешается это кажущееся противоречие? Содержание общественно-политических вопросов одинаково. Это в основном отрицание феодально-крепостнического строя. Но понимание средств их разрешения принципиально различно.

Герцен подходит к их разрешению как революционер, его «московские друзья» — как типичные либералы. «Он (Герцен. — *З. Б.*) был тогда демократом, революционером, социалистом» [1], — указывает Ленин и раскрывает далее всю утопичность его социализма, нисколько не ставя под сомнение его революционность. А личные высказывания Герцена подтверждают это твёрдо принятое революционное направление его деятельности. Получив заботливое предупреждение друзей (М. К. Рейхель и Е. К. Станкевич) о возможной опасности, которой он подвергается своей издательской работой, Герцен отвечает: «...если б вы обе были жёнами офицеров, матерями военных, — что же вы им советовали бы — уходить за ваген-бург? Мы чисто военные» [2].

В другой раз, говоря о содержании своей пропаганды через Вольную русскую типографию, Герцен прямо ставит ей революционные задачи: «...не до того теперь дело, чтоб учить уму-разуму, а учить злобе да непослушанию» [3]. Отмечая первую годовщину работы типографии, Герцен подчёркивает, что «...от заведения русской типографии начинается новый период русской революционной деятельности» [4].

Какова же в своей классовой сущности революционность Герцена в этот период? Субъективно Герцен — полностью на стороне традиций декабристов: их авторитет, их политическая деятельность, их судьба не только окружаются у Герцена пиэтетом, но прямо признаются своими[5].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 465.
[2] «Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель», стр. 93.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 11.
[4] Там же.
[5] См. в особенности предисловие к первой книге «Полярной Звезды» за 1855 г.: «...непрерывность предания, преемственность труда, внутренняя связь и кровное родство» (*А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 167).

Ленин в своей статье «Памяти Герцена» пишет о нём: «Восстание декабристов разбудило и «очистило» его. В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени»[1]. Герцен сделал значительный шаг вперёд по сравнению с революционностью декабристов. Во-первых, он не мыслит революции без участия широких народных масс. Несмотря на всё своё преклонение перед деятелями 1825 г., Герцен ясно видит принципиальный недостаток их организации в отсутствии связи с массами и определённо указывает: «В день восстания на Исаакиевской площади и в центре второй армии заговорщикам не хватало *народа*»[2].

И Герцен не ограничивается лишь теоретическим признанием этого принципа. Воздействие на народные массы он ставит практической задачей своей Вольной русской типографии с первых же лет её существования; тогда же были изданы для широкой народной аудитории прокламации, составленные Энгельсоном, — «Первое видение отца Кондратия» и «Второе видение отца Кондратия»[3], и лично самим Герценом написанное обращение «Русскому воинству в Польше»[4].

Во-вторых, близко увидав истинное лицо расцветающего буржуазного строя, Герцен сумел разглядеть заложенные в нём язвы и дал беспощадную критику тех сторон парламентаризма, которые для большинства декабристов составляли pia desideria.

Взгляды же его «московских друзей» по своей классовой сущности в корне отличались от позиции Герцена. Ленин отмечает, что «Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*. Либералы так же, как и крепо-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. XV, изд. 3, стр. 464.
[2] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 149.
[3] «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», ч. I, изд. Академии наук СССР, М.—Л. 1935, стр. 53—68.
[4] См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 67—71.

стники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти...

Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени» [1].

Революция рассматривалась ими как бедствие, как бунт, грозящий уничтожить все устои прежнего общества и культуры, и малейший намёк на неё расценивался ими как опасные фантазии. Критика же капиталистического строя для них была немыслима, так как колебала дорогие им идеалы; и ещё первые указания Герцена на «природные», так сказать, недостатки буржуазного мира в его переписке с Avenue Marigni в 1847 г. вызвали их недовольство. «Мне кажется, — пишет Герцен друзьям 8 августа 1848 г., — что все вы были недовольны уже в письмах из Avenue Marigni моей оценкой Франции... Вам хочется Францию и Европу в противуположность России, так как христианам хотелось рая в противуположность земле» [2]. По той же причине, конечно, ещё более резкие осуждения «московских друзей» вызывали проекты Герцена дальнейшей перестройки русского общества по пути, как ему казалось, к социализму. Ко времени начала работы лондонской типографии Герцен в нескольких работах («Старый мир и Россия» — письма к Литтону, «Русский народ и социализм» — письмо к Мишле и «О развитии революционных идей в России») уже изложил своё «учение» «русского» социализма».

«Герцен, — говорит Ленин, — видел «социализм» в освобождении крестьян *с землей,* в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю»...

На деле в этом учении Герцена... нет *ни грана* социализма. Это — такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.
[2] «А. И. Герцен. Новые материалы», стр. 57.

формы «социализма 48-го года» на Западе... Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»[1].

По существу, именно этот вопрос «о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции»[2], поставленный Герценом ещё в его первой формулировке, и вызывает недовольство его русских читателей из лагеря «московских друзей».

С другой стороны, влияние общественно-политической отсталости России не миновало и Герцена. У него в этот начальный период издательства были моменты некоторых политических колебаний: это — обращение к дворянству в первом листке типографии «Юрьев день!», где он ещё хочет верить в творческие силы своего класса; это — апелляция к Александру II при его вступлении на престол, с утопической надеждой убедить всероссийского самодержца в необходимости коренных социальных изменений. Однако в конечном итоге Герцен никогда не сходил с избранного им пути; он всегда сознавал, что он прав, предугадывая именно революционный путь к великому будущему русского народа. Вступая в новую фазу развития своего издательства выпуском сборника «Полярная Звезда», Герцен летом 1855 г. во вступительной статье 1-й книги «К нашим» твёрдо говорит «московским друзьям»: «Ваше молчание, мы откровенно признаёмся, нисколько не поколеблет нашу веру в народ русский и его будущее; мы только усумнимся в нравственной силе и годности нашего поколения»[3]. А в частных письмах он высказывается ещё более определённо: «...наши друзья представляют несчастное, застрадавшееся, затомившееся благородное поколение, но не свежую силу, не надежду, не детский звонкий привет будущему»[4]. «Это не живые

---

1 *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 466.
2 Там же.
3 *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 221.
4 *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 325.

люди, а люди любящие, хорошие, но умершие для всякой деятельности»[1].

К кому же в таком случае обращается Герцен в России? Кому он направляет свои издания?

Из самого заглавия некоторых статей Герцена — «К нашим», «К друзьям» — видно, что его не оставляет надежда найти отклик и в своей прежней, близкой среде; но, как указывают приведённые выше оценки её, он с болью констатирует расхождение и ищет иного читателя. «...Не могу... не сказать слова два об объявлении («Братьям на Русп». — *З. Б.*). Да вам всё сдаётся, что я прямо говорю пяти или шести нашим приятелям и друзьям. Помилуйте, это ни к кому не относится, кроме к свободно мыслящей части публики»[2]. «Почему вы думаете, — спрашивает Герцен в одном из последующих писем к Рейхель (8 сентября 1853 г.), — что вещи, писанные мною, относятся решительно и исключительно к нашим друзьям? Они всего более относятся к молодым людям»[3]. «Вся задача состоит в том, чтобы увлечь людей в постоянные сношения; кто эти люди, я не знаю, вероятно, тот молодой человек, который анонимно мне писал энергические письма по-русски в Ниццу и другие вроде Петраш(евского), Спеш(нева)»[4].

И здесь Герцен не ошибся — его горячее слово доходит до этих ему неизвестных людей. Ценное подтверждение тому встречаем в статье С. Рейсера «Добролюбов и Герцен», где автор на основании так называемых «Реестров прочтённых книг», составленных 14-летним Добролюбовым, устанавливает его знакомство в 1850 г. с ранними сочинениями Герцена. Затем, по материалам «Дневников» Добролюбова в студенческие годы и по «Воспоминаниям» М. Шемановского, товарища Добролюбова по институту, Рейсер отмечает не только чтение Добролюбовым лондонских изданий, но и тот громадный авторитет, которым пользуется Герцен у талантливого юноши, и широкое

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 394.
[2] Там же, стр. 209.
[3] Там же, стр. 323.
[4] Там же, стр. 205.

распространение в студенческой среде Петербурга публикаций Вольной русской типографии [1].

В первое время работы типографии эта молодёжь, ещё не ставшая идеологически на свои ноги, частью сжатая мещанской средой и, конечно, николаевским надзором, ещё не может отозваться на призыв Герцена. Но как только появились признаки некоторой политической оттепели, от этих кругов получает Герцен первый привет, первую горячую критику и ободрение на дальнейшую работу. «Вчера, — пишет Герцен 1 января 1856 г. М. К. Рейхель, — пришло ко мне письмо анонимное из Петербурга, которое меня, да и не одного меня, тронуло до слёз; юноши благодарят меня за типографию и за «Полярную Звезду» [2]. Это было тем более ценно для Герцена, что к этому времени он переходит к новой форме общения с русским читателем.

Первые два года работы типографии — это лишь «запрос к России», говоря словами Герцена. Он предоставляет для свободной русской мысли, для вольного слова свой станок [3].

Теперь, с 1855 г., предполагая, и не без основания, что с новым царствованием и окончанием Восточной войны связи с Россией будут легче, да кроме того, будучи совершенно неудовлетворённым безынициативностью русских читателей, Герцен решает оказывать на них систематическое и организующее воздействие при помощи периодически выходящих сборников «Полярной Звезды».

---

[1] См. «Известия Академии наук СССР», Отделение общественных наук, № 1—2, М.—Л. 1936, стр. 172—173.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 256.

[3] Здесь интересно отметить одну деталь, как характерную черту всей деятельности Герцена за границей. В. И. Кельсиев, стоявший одно время близко к издательству Герцена и хорошо знавший историю развития Вольной русской типографии, рассказывая о первых годах её работы, когда организация пересылки в Россию своих изданий особенно заботила Герцена, сообщает, что «Герцен ни за что не соглашался делать пропаганду в России при помощи иностранцев, тогда как Энгельсон (его тогдашний сотрудник. — *З. Б.*) настаивал, что следует воспользоваться Крымской войной для распространения лондонских брошюр в России. Если не ошибаюсь, — добавляет Кельсиев, — это и была одна из главных причин их размолвки» («Литературное наследство» № 41—42, стр. 280).

Герцен сам об этом говорит так: «На другой или третий день после смерти Николая мне пришло в голову, что периодическое обозрение, может, будет иметь больше средств притяжения, нежели одна типографическая возможность» [1].

Подсказывая начинающему, поощряя робкого автора, Герцен буквально наталкивает его на любую, возможную для него, форму участия в сборнике:

«План наш чрезвычайно прост. Мы желали бы иметь в каждой части одну общую статью (философия революции, социализм), одну историческую или статистическую статью о России или о мире славянском, разбор какого-нибудь замечательного сочинения и одну оригинальную литературную статью; далее идёт смесь, письма, хроника и пр. «Полярная Звезда» должна быть, и это одно из самых горячих желаний наших, убежищем всех рукописей, тонущих в императорской цензуре, всех изувеченных ею. Мы в *третий* раз обращаемся с просьбой ко всем грамотным в России доставлять нам списки Пушкина, Лермонтова и др., ходящие по рукам, известные всем...

Рукописи погибнут, наконец, — их надобно закрепить печатью» [2].

К этому призыву было добавлено в первой книге «Полярной Звезды» обращение «К нашим», где подчёркивалось:

«Мы исключаем одно то, что будет писано в смысле самодержавного правительства, с целью упрочить *современный порядок дел в России*, ибо все усилия наши только к тому и устремлены, чтоб его заменить свободными и народными учреждениями. Что же касается до средств, мы открываем настежь все двери, вызываем на все споры...

Несогласие в *прикладных* вопросах, стало, не может быть причиной отказа» [3].

После этого обращения и либеральные слои русского общества усматривают в лондонском издательстве широкие возможности выразить впервые печатно и свои мысли и чувства, вызванные политическим состоянием родины,

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 292.
[2] Там же, стр. 171.
[3] Там же, стр. 222.

раньше лишь тайно распространяемые в рукописных листках.

К тому же теперь и поездки за границу стали легче и общение с опасным издателем могло быть мало заметным и пройти без значительного риска.

Прилив статей из этой рукописной литературы уже в начале 1856 г. оказался так велик, что Герцен решает печатать её отдельными сборниками.

Так возникают в Лондоне с 1856 года сборники «Голоса из России».

Теперь можно было бы ожидать, что Герцен будет вполне удовлетворён своими корреспондентами из России: материалов прислано много, они представляют ту бесцензурную литературу, которую он давно ждал, касаются актуальных вопросов русской жизни. Но в первом же выпуске «Голосов из России» изумляет двойственное отношение издателя к этим новым материалам: он приветствует появление этой литературы и в то же время резко отграничивает её публикацию от своих статей:

«Статьи, печатаемые нами, особенно важны потому, что они принадлежат к той письменной литературе, которая развивалась с необыкновенной силой во время последней войны и после смерти Николая I. Это — первые опыты, ещё робкие и непривычные, русской речи о русском общественном деле, являющиеся после тридцатилетнего молчания. По этим статьям можно отчасти судить об общественном мнении России в 1855 г., о вопросах, занимавших тогда и теперь умы.

О сущности дела мы поговорим в другое время. Теперь я прошу не забывать, что я *только типограф* (курсив мой. — *З. Б.*); типограф, готовый печатать всё полезное нашей общей цели... Роль цензора нам противна ещё со времён русской жизни.

«Голоса из России» будут издаваться ливрезонами без определённой периодичности» [1].

Во второй книге «Голосов из России» Герцен даёт некоторое объяснение: «Вместо второго выпуска первой части «Голосов из России» мы издаём первый выпуск второй части. Это требует объяснения.

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 321.

В продолжение печатания первого выпуска мы получили ряд статей, по большей части писанных в 1856 году. Разница их тона со статьями 1855 г. так резка и так замечательна, что мы решились немедленно напечатать некоторые из них. Они послужат дополнением, объяснением, поправкой к статьям 1855 г.

Тогда, на другой день после похорон Николая, всё увлеклось, всё ожило надеждами, всё смотрело с упованием вперёд.

В 1856 г. естественно было приостановиться: ни одна надежда в *самом деле* не сбылась до сих пор... Всё это выразилось в новых статьях»[1].

И уже вполне чётко Герцен проводит грань в третьей книге «Голосов из России»: «События двух целых лет показали, кто из нас был прав: умеренные ли либералы, писавшие *млеком и мёдом* долю статей, изданных нами в первой книжке «Голосов из России», или мы в наших статьях «Полярной Звезды».

Ничего не сбылось из пророчеств *пылкой юности*. А, ведь, в два года можно было что-нибудь сделать... И что же, по совести, будто честное дело воспевать все эти слабые, недоконченные попытки облегчить горькую долю России...

Нет, господа, делайте, как знаете, мы не пойдём по вашей дороге...

Мы готовы хвалить от всего сердца, но тогда, когда будет что-нибудь совершено, а не в ожидании сделанного»[2].

Но когда до Герцена доходят произведения рукописной литературы — и более *ранние* — времени Крымской войны, и более *поздние,* посвящённые всестороннему разбору вопроса эмансипации, — он уже не выделяет их как идеологически чуждые, а видит в них образцы подлинной гражданственности и патриотизма и печатает наряду со своими статьями.

Таким извилистым путём доходит Герцен до признания рукописной литературы либеральной оппозиции

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 325.
[2] Там же, стр. 519, 521.

положительным фактором в развитии русской политической мысли и в борьбе с царским строем. Своими публикациями он усиливает влияние этой литературы.

4. РУКОПИСНАЯ БЕСЦЕНЗУРНАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ 50-х ГОДОВ, ЕЁ РОЛЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛОНДОНСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Анализ рукописной литературы 50-х годов, её тематики и сферы влияния показывает, что эти бесцензурные произведения, отражая современное состояние внутренней жизни России, самым фактом своего существования и широким охватом читателей воздействовали на судьбу лондонских изданий на русской почве; они подготовляли и укрепляли пути и средства распространения для таких же бесцензурных листов и брошюр, но из Вольной русской типографии.

Остановившись на этом вопросе, рассмотрим для его выяснения особенности рукописной литературы 50-х годов.

Как своеобразное общение передовых людей эта форма не была новостью в России. И запрещённые стихотворения декабристов, Пушкина, Лермонтова, и знаменитая комедия Грибоедова, и известное «Письмо к Гоголю» Белинского (всё, чего так настойчиво добивается Герцен для своего издательства, зная по личному опыту общественно-воспитательную силу этих произведений)—всё, преследуемое царской цензурой, находило доступ к читателю в списках, ходивших по рукам. Живая мысль русского народа вырывалась из царских колодок; и чем сильнее были преследования, тем глубже было стремление обменяться с единомышленниками свободным словом.

Изучаемое же время, как указывают все современники, внесло новые осложнения: гнёт цензуры перешёл все пределы. Общеизвестны бесчисленные мероприятия николаевского правительства против печати. Приведу лишь два отзыва современников, лично испытавших их давление. «Время с 48-го по 55-й год было похоже на первые времена римской империи, — говорит С. М. Соловьёв, — когда безумные цезари... давили всё лучшее, всё духовно развитое в Риме... (— у нас) принялись за

литературу: начались цензурные оргии, рассказам о которых не поверят не пережившие это постыдное время» [1]. Слова другого современника наглядно дополняют эту общую характеристику Соловьёва: «...боязнь печатного слова дошла до того, что, наконец, каждое министерство, каждое отдельное ведомство пожелали иметь свою отдельную цензуру, независимо от общей; к половине 50-х гг. таких цензур насчитывалось до 17-ти, и все они были, конечно, весьма требовательны, так как все боялись, потому что над всеми господствовал ещё «негласный комитет» [2].

Между тем политические события побуждали к общению, а поднимавшийся к ним общественный интерес встречал всюду преграды, в лучшем случае — пустое место.

Такой далёкий от всякой оппозиции писатель, как известный В. И. Даль, так говорит в 1855 г. даже в полуофициальном письме: «...у нас слишком мало пищи для всеобщего, единодушного и живого участия всех сословий в настоящих событиях... Из Крыма, по которому мы ночей не досыпаем, как будто нехотя, отзываются немногими весьма неясными словами... Иногда несколько номеров ведомостей сряду не содержат ни словечка о положении дел наших — будто мы живём среди вожделенного мира — и только по выпискам из газет иностранных видишь, что война продолжается» [3].

А живший в Одессе современник так характеризует положение дел:

«На всём обширном юге России существовала тогда только одна русская газета «Одесский вестник», но в нём помещались военные известия, запоздалые и крайне сжатые; в то время наши газеты не смели и думать о собственных корреспондентах, сообщающих известия прямо с театра войны» [4].

Но стремление, даже больше — прямо потребность, во время войны обмениваться мнениями о текущих

[1] *С. М. Соловьёв,* Записки, Кн-во «Прометей», стр. 122.
[2] Статья «Т» — о книге Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» — «Вестник Европы», 1897, IV, стр. 731.
[3] «Русская Старина», 1889, IV, стр. 39.
[4] «Русская Старина», 1894, IX, стр. 46.

событиях оказывается сильнее всех преград; и как яркая антитеза зарвавшейся реакции, в обход всех цензур, сильно возрастает рукописная литература. И форма и содержание её разнообразны. Она даёт нам не только факты, необходимые для возможно полного суждения о современности, но и своеобразное освещение, ценное то своей полемической заострённостью, то бесцензурной откровенностью. «Политические письма» Погодина (от декабря 1853 г.) — первые по времени. Начинает он их как историк, подводящий «научное», как он хочет показать, а в действительности тенденциозно-консервативное обоснование современности; он касается несообразностей нашей внешней политики, которые констатирует довольно спокойно, хотя иногда и срывается на суровый укор. С нарастанием политических событий в течение Восточной войны нарастает и эмоция в «письмах» Погодина; он переходит к внутренней политике, которую весьма резко критикует, и в момент севастопольской катастрофы доходит буквально до гражданского пафоса: «Восстань, русский царь! Верный народ тебя призывает!» Уже это обращение к Николаю I ясно показывает вполне «благонадёжную» идеологию автора; но Погодин, далее, призывает к самодеятельности общества, — этого было достаточно, чтобы крепостническая цензура поставила veto. Но, как рассказывает сам Погодин, его «письма» (через знакомства в высших сферах) доходят до Зимнего дворца и распространяются по России в тысячах списков, что подтверждают и современники.

Другой вид рукописной литературы — политические стихотворения, по самой форме своей доступные широким кругам читателей, вызывают различное отношение начальства; большей частью оно тем враждебнее, чем значительнее содержание и талант автора. Песенку о «воеводе Пальмерстоне» некоего Алфёрова, поддерживавшую желательное начальству настроение «закидания шапками», «не только в трактирах, где собирался торговый люд и зажиточные мещане, но и в лучших гостиных с увлечением читали, а то и знали наизусть». Её вскоре допускают уже и в печать (в № 37 «Северной Пчелы», 1854 г.), и эскизы художника Боклевского для иллюстраций к ней вызывают великокняжеское одобрение. Зато

написанное в 1854 г. стихотворение Хомякова «Тебя призвал на брань святую...» — с сильной критикой общественных «язв» — было принято крайне враждебно официальными кругами: по соответствующему предписанию из Петербурга автор был вызван к московскому генерал-губернатору Закревскому для объяснений и назиданий. Конечно, это стихотворение не могло попасть в печать, но в рукописи, как говорят современники, облетело всю Россию.

Такова же судьба талантливого стихотворения Константина Аксакова «Свободное слово».

Наконец, в большом количестве появляются во время Крымской кампании обширные «Записки», трактующие политические вопросы, которые волновали тогда передовые круги русского образованного общества. В них давалась критика общего политического положения России и бесчисленных недостатков её внутренней жизни, а также конкретные проекты необходимых реформ суда, администрации, печати и пр.

Появившиеся ещё при Николае I, эти записки широко распространялись, вызывали многочисленные толки, под влиянием которых авторы иногда их перерабатывали. Это относится к обстоятельной «Записке» Кошелева о положении финансов, написанной в 1854 г. и переработанной в 1855 г. Также в кругах единомышленников обсуждались распространённые сперва в списках известные «Записки» по крестьянскому вопросу Самарина, Кавелина, того же Кошелева, Черкасского. Интересно отметить, что Кошелев пользуется съездом у него в имении помещиков нескольких ближайших уездов центральных губерний, членов Лебедянского сельскохозяйственного общества (имевшим целью распространение применения новых сельскохозяйственных орудий), для чтения и обсуждения своей «Записки». Блестяще написанная «Записка» Константина Аксакова (позже, в 1881 г., напечатанная его братом в газете «Русь» № 26—28), известная как классическое изложение идеологии славянофилов того периода, тоже ходила в списках и обсуждалась на специальных славянофильских собраниях в Москве.

С началом нового царствования большое количество подобных «Записок» было представлено авторами царю.

К таким же рассчитывавшим на непосредственное воздействие на правительственные круги произведениям надо отнести многочисленные проекты, составляемые чиновниками, иногда весьма крупными. При этом (интересный показатель времени!) авторы представляли свои «Записки» «по начальству», в то же время заботясь об их распространении и в списках, чтобы таким образом расположить к своим проектам и общественное мнение. Такою была «Записка» П. А. Валуева, тогда лифляндского губернатора, выразительно озаглавленная «Дума русского».

Разбирая откровенно, но с сердечным сокрушением, со слезой гражданина недостатки внутриполитического положения России, в особенности ложь и прочие смертные грехи бюрократического аппарата, автор сумел как отрадное исключение выделить морское ведомство, как известно, руководимое тогда великим князем Константином Николаевичем. И пока наивные читатели (а их оказалось очень много, так как «Дума русского» своей критикой вызвала сочувственный отклик) в волнении ожидали ареста, ссылки или по крайней мере увольнения со службы смелого критика, дальновидный автор получил в печати (в «Морском сборнике») одобрение «его высочества», а через несколько лет попал и в руководители внутренней политики государства.

Исходя из известного указания В. И. Ленина о наличии в конце 50-х и начале 60-х годов XIX века в России революционной ситуации [1], мы можем, применяя ленинскую терминологию, характеризовать разбираемую рукописную литературу как одно из проявлений «кризиса «верхов». Это подтверждается как тематикой рукописной литературы, так и социальным положением авторов и общественным резонансом их сочинений. Целый ряд авторов — передовых представителей господствующего класса — своими произведениями показывал, что «верхи не могли» жить по-старому» [2], и давали сигнал своему правительству во-время выпустить накопившийся опас-

---

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. XVIII, изд. 3, стр. 244—245.
[2] Там же, стр. 244.

ный пар или — неминуем взрыв. Как пример влияния рукописной литературы на руководящие бюрократические круги очень показательно письмо попечителя Московского учебного округа В. И. Назимова министру народного просвещения А. С. Норову от 5 декабря 1855 г.:

«В последнее время публичная литературная деятельность вследствие крайне стеснительных мер цензуры у нас заметно ослабела...

Между тем русская мысль и русское слово, при всех запретительных мерах, не могли однакоже совершенно остановиться в своём развитии... Вместо печатной, гласной литературы образовалась литература безгласная, письменная. В руках читающей публики появились, в множестве списков, разные сочинения по всем современным вопросам... и между ними, разумеется, нашли себе путь и рукописи содержания не совершенно одобрительного. Но — что всего прискорбнее — невозможность, в которую были поставлены наши писатели и вообще образованные люди печатно высказывать свои мысли, была... одною из главных причин того неудовольствия и того ропота, которые, с некоторого времени, обнаружились в нашем обществе...

В настоящее время необходимо дать большой простор и движение нашей умственной жизни... Одною из первых мер для достижения этой цели должно быть смягчение цензурных правил».

Даже сам пресловутый барон М. А. Корф, и тот в 1855 г. представляет доклад Александру II, в котором высказывается за упразднение «Комитета 2 апреля 1848 г.», который «не только перестал быть *полезным*, но и сделался *вредным*», так как его чрезмерные строгости сделали то, что «распространяется *рукописная* литература, гораздо более опасная, ибо она читается с жадностью, и против неё бессильны все полицейские меры»[1]. С таким взглядом совпадает и мнение автора «Записки о письменной литературе», опубликованной Герценом в 1-м выпуске «Голосов из России»; в ней

---

[1] *М. Лемке,* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия, Спб. 1904, стр. 307.

автор [1] говорит, что развитие рукописной литературы теперь становится опасным для правительства, так как делает её массовой и существующей без контроля правительства. Единственное радикальное средство—дать свободу печати.

Надо указать ещё, что нарастание революционной ситуации, субъективно воспринимаемое авторами «рукописной литературы» как рост крестьянских «бунтов» и общего недовольства, вызывает их стремление пропагандировать свои взгляды и за пределами своей узкой среды — столичных кругов образованного дворянства и бюрократии, — пропагандировать в провинции и среди других социальных групп, преимущественно среди учащейся молодёжи из разночинцев.

Наконец, для части авторов характерно, как мы видели, желание продвинуть свои произведения в высшие правительственные сферы и таким путём оказать непосредственное влияние на политический курс правительства.

Целям этой пропаганды и служат те знакомства, которые создаются в аристократических гостиных Петербурга, в московских дворянских салонах 50-х годов и в кружках интеллигенции и студенчества. В опубликованной переписке и мемуарах того времени имеется достаточно указаний, как создавались эти связи и пути распространения рукописной литературы; а часто отмечается и кто персонально являлся звеном соединения авторов с желаемой аудиторией.

Рассмотрим эти пути в порядке расширения круга читателей.

Узкая, традиционно замкнутая среда правительственных и придворных сфер.—Сюда некоторые произведения рукописной литературы доходят тем же путём, как и отзвуки «общественного мнения», классово преломлённые и тем самым специфически обработанные, — через аристократические салоны Петербурга.

Имея в виду указанную осведомлённость аристократи-

---

[1] Установлено, что им был либерал А. Н. Мельгунов, с которым Герцен окончательно порывает к концу 50-х годов. См. «Литературное наследство» № 41—42, стр. 598.

ческих и придворных кругов, не удивляешься, читая следующие строки в «Воспоминаниях» князя Мещерского: «...впервые государь заговорил об улучшении крестьянского быта, как известно, в речи, обращенной к некогорым предводителям. После этого вопрос этот вошёл во все гостиные и кабинеты Петербурга. *Читали затем «Колокол» Герцена и толковали о мужичках»* [1].

Другие общественные группы, где мы встречаем рукописную и запрещённую литературу, — это *дворянско-интеллигентские салоны и кружки Москвы* и студенческие кружки университета. Они имели в деле её распространения, конечно, гораздо большее значение. Сюда не только доходит рукописная литература, но она здесь большей частью и возникает, здесь концентрируется и отсюда широко расходится.

В этом отношении особенно видную роль сыграли московские салоны Авдотьи Петровны Елагиной и Свербеевых, а также салон Евгении Тур, в кругу посетителей которого особым авторитетом пользовался Грановский.

Большое влияние Т. Н. Грановского в Москве этих лет хорошо известно. Сейчас нам важно отметить, что это влияние не было лишь академическим (которое было им приобретено ещё в начале 40-х годов), а широко общественным. Достаточно напомнить оценку деятельности Грановского Чернышевским: «Его высокий ум, обширные и глубокие познания, удивительная привлекательность характера сделали его центром и душою нашего литературного кружка. Все замечательные учёные и писатели нашего времени были или друзьями, или последователями его». «Но у него была другая цель», кроме той, которая ему подобала как учёному. Эта «другая цель» была «более близкая к потребностям его родины: служение отечественному просвещению — и благословенна память его, как одного из могущественнейших и благороднейших деятелей на этом священном поприще» [2].

Влияние Грановского не миновало и Герцена.

---

[1] *В. П. Мещерский,* Мои воспоминания, т. I, Спб. 1897, стр. 101. (Курсив мой. — *З. Б.*)

[2] *Н. Г. Чернышевский,* Полное собрание сочинений, т. II, Спб. 1906, стр. 407, 417—418.

Герцен знает о деятельности Грановского и высоко ценит её, так как тщательно следит за жизнью родины и, давая в упомянутых письмах к М. К. Рейхель то гневную, то скорбную характеристику «московских друзей», положительно выделяет Грановского. Несмотря на давнее (с 1846 г.) принципиальное расхождение с Грановским, Герцен, живя за границей, постоянно стремится поддержать связь с ним, радуется каждой вести от него и охотно слушает его критику. Кончина Грановского была для Герцена тяжёлой потерей: «А пуста для меня Москва без Грановского! Это был один из самых больных ударов, ошеломивших меня», — пишет Герцен Н. М. Щепкину в 1857 г., подчёркивая своё глубокое уважение и любовь к Грановскому не только как к человеку, но и к гражданину [1].

С своей стороны и Грановским было сделано немало для укрепления авторитета Герцена в России и распространения его сочинений. Хотя в последний год жизни Грановского сознание разногласий с Герценом у него возросло и деятельность Вольной русской типографии вызывала его резкую критику [2], но, когда читаешь следующие строки в письме Грановского к Герцену (от весны 1851 г.), так осязателен становится один из источников того, можно сказать, культа Герцена, который создаётся среди русской учащейся молодёжи к середине 50-х годов: «Если бы здешние друзья твои могли отправиться en pèlerinage к тебе, они пошли бы и привели бы с собою много лиц, тебе неизвестных. О тебе осталось исполненное любви воспоминание не у одних нас, близких тебе. Я должен был раздать все бывшие у меня портреты твои (кроме одного, парижского) разным юношам» [3].

Таким образом, понятно, что именно здесь, в кружке Грановского и через него, много молодых читателей могли знакомиться с произведениями Герцена, а дальше — самостоятельно углублять это знакомство, побуждаемые к тому даже самой критикой Грановского и возникающими

---

[1] *А. И. Герцен.* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 387.
[2] Письмо Грановского к Кавелину от 2. X 1855 г.; «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 455—456.
[3] Там же, стр. 447.

по этому поводу спорами. Некоторые же создают и личную связь с Герценом.

Зная, как ученики и последователи Грановского сохраняли в своей дальнейшей практической деятельности верность идеалам юности, можно с достаточным основанием предположить, что среди будущих анонимных корреспондентов Герцена как из петербургских канцелярий, так и из глухой провинции не последнее место занимают бывшие слушатели Грановского.

Но, конечно, наряду с Грановским и его кружком в деле ознакомления молодёжи с бесцензурной и заграничной литературой ещё большую роль играли *студенческие кружки,* деятельность которых в Московском университете к 50-м годам имела многолетнюю традицию.

Бывший московский студент И. П. Деркачёв сообщает об одном из таких кружков, «где собиралась молодёжь в наибольшем количестве», — о кружке студента Рыбникова. Здесь «можно было достать хорошие книги для чтения» и встретить интересных людей. А собирались у Рыбникова «не только студенты, но появлялись там и гвардейские офицеры из Питера, и сельские священники из глухих деревень, и духоборцы, приезжавшие в Москву из далёких окраин России, чтобы послушать красноречивого и словоохотливого Алексея Степановича Хомякова, постоянного посетителя на этих вечерах» [1]. Далее автор рассказывает, как студенты-новички, с трудом разбиравшиеся в сложных вопросах отвлечённых споров, создали новый кружок; здесь они готовились к собраниям у Рыбникова, «*получая оттуда книги и рукописи*» (курсив мой. — *З. Б.*). Скоро новый кружок оформляется окончательно: увеличивается число посетителей-студентов, сближавшихся друг с другом «на почве освободительных идей и общей готовности послужить делу народного образования» [2]. Не ограничиваясь чтением и обсуждением добываемой литературы, члены кружка стремятся более активно участвовать в общем движении: возникает мысль с

---

[1] «Воспоминания о студенческой жизни», М. 1899, стр. 228—230.

[2] Там же, стр. 232.

создании рукописного журнала, который и стал выходить позднее под названием *«Изобличитель»* [1].

Из того же источника мы узнаём, что кружки, подобные описанным, не представляли исключительного явления среди московского студенчества середины 50-х годов.

Для Петербурга неусыпными «заботами» III отделения, после «дела Петрашевского» были созданы более тяжёлые условия для общения учащейся молодёжи. Однако, если мы не видим кружковой жизни студенчества по «Дневнику» Чернышевского на грани двух десятилетий (1848—1850 гг.), то уже к середине 50-х годов и здесь создаются студенческие группы демократической молодёжи, связанные между собою получением и распространением запрещённой литературы, о чём говорят «Дневники» Добролюбова [2].

Так возникают в различных кругах читающей России постоянные связи: сперва распространяются книги и создаётся тайно рукописная литература, а вслед за ней как последняя запрещённая новинка, вызывающая часто в определённых слоях даже порицание и возмущение, — и лондонские издания Герцена.

В некоторой степени верную картину нарисовал предположительно Герцен, когда в шутку писал М. К. Рейхель ещё в 1853 г.: «Мих[аил] Сем[ёнович] (Щепкин.—*З. Б.*)... должен своим знакомым раздавать (продукцию Вольной русской типографии. — *З. Б.*), говоря: «ведь этакая мерзость, жаль, что печатает». А они из любопытства и прочтут» [3].

В итоге по налаженным каналам издания Герцена быстро распространяются по России, вплоть до появления их на Нижегородской ярмарке [4] и в далёкой Сибири. Сибирский старожил И. Попов вспоминает: «Полярная Звезда» быстро стала проникать не только в Россию, но и в Сибирь. «Первая книжка «Полярной Звезды», полу-

---

[1] «Воспоминания о студенческой жизни», стр. 232.

[2] См. *Н. А. Добролюбов,* Дневники, М. 1932, стр. 194—195. Об этом подробнее в главе II.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 328.

[4] «Из дневных записок Муханова», «Русский архив» № 10, 1896, стр. 161—187. Сообщения мемуариста подтверждаются доку-

ченная в Селенгинске в 1855 г., окрылила надеждами» М. А. Бестужева.

«Восторженно читались маленькие томики в Кяхте и комментировались на собраниях кяхтинцев.

— Вот ужо узнают в Петербурге, какие мы собрания устраиваем и как восхищаемся Герценом, влетит всем, а мне, его тёзке, в особицу! — шутил пограничный губернатор А. И. Деспот-Зенович» [1].

Такое распространение и успех «Полярной Звезды», а за ней и других изданий первых лет работы Вольной русской типографии подготовили интерес читателей и хорошую встречу будущему «Колоколу».

ментом из недр III отделения — запиской «самого» князя Долгорукова своему помощнику Тимашеву; в ней обеспокоенный шеф жандармов пишет: «Здесь беспрерывно толкуют, что сочинения Герцена ввезены тысячами экземпляров во внутренность России и будто бы, по словам купцов, на Нижегородской ярмарке можно было приобретать их в том числе, какое желали покупатели» (*А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 535, примечание Лемке).

[1] «Путь», кн. V, 1912, стр. 60.

Глава II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «КОЛОКОЛА» И ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЕГО ИЗДАНИЯ

1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В РОССИИ ПОСЛЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ

«События в России несутся быстро, их надобно ловить на лету, обсуживать тотчас. Для этого мы предпринимаем новое повременное издание» [1], — говорит Герцен в первой редакционной статье «Колокола».

В противоположность началу работы Вольной русской типографии «Колокол» возникает при благоприятных условиях. Это было, по определению В. И. Ленина, время нарастания «революционной ситуации» [2]. Мы уже останавливались на том, каким потоком рукописных, бесцензурных «записок» во время и после Севастопольской кампании прорвалась проснувшаяся мысль о необходимости социально-политических перемен и в каких проявлениях выразился тот «кризис «верхов» [3], о котором говорит В. И. Ленин. Мемуары середины XIX века дают тому подтверждение.

Активный участник русской общественной жизни с предреформенного периода и вдумчивый её наблюдатель Н. В. Шелгунов несколько восторженно, как и большинство его современников, описывает это время: «Это было удивительное время, — время, когда всякий захотел думать, читать и учиться и когда каждый, у кого было что-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 425.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XVIII, изд. 3, стр. 244.
[3] Там же.

нибудь за душой, хотел высказать это громко... Не о сегодняшнем дне шла тут речь, обдумывались и решались судьбы будущих поколений, будущие судьбы всей России, становившиеся в зависимость от того или другого разрешения реформ. Эта заманчивая работа потянула к себе всех более даровитых и способных людей и выдвинула массу молодых публицистов, литераторов и учёных» [1].

«Кто не жил в 56-м году в России, тот не знает, что́ такое жизнь» [2], — характеризует это время Лев Толстой, сам переживший его.

Сухие статистические данные и юридические справки лишь подкрепляют эти эмоциональные свидетельства современников: «В последние десять лет царствования Николая I-го (1844—54 гг.) разрешён был выход в свет ...*шести* газет и *девятнадцати* журналов... в первые десять лет царствования Александра II-го (1855—64 гг.) — *шестидесяти шести* газет и *ста пятидесяти* журналов... Право касаться вопросов внешней и внутренней политики принадлежало до 1855 г. только *четырём* газетам; теперь ...оно было постепенно распространено на все периодические издания. Летом 1855-го года была отменена, по ходатайству «Современника», монополия «Русского Инвалида» на печатание корреспонденций с театра войны». Значит, «...раньше, чем в других сферах государственной и общественной жизни, поворот к лучшему стал заметен в области печати», так как «именно здесь... особенно тяжело чувствовался насильственно поддерживаемый застой» [3].

Так, по свидетельству современников, нарастал в русской жизни идеологический подъём как симптом назревших социальных перемен. Но ведь «умы всегда связаны, — говорит Маркс, — ...с телом народа»; «Идейное движение... свидетельствует о том, что глубоко внизу происходит брожение» [4].

---

[1] *Н. В. Шелгунов,* Воспоминания, М.—Л. 1923, стр. 82.
[2] *Л. Н. Толстой,* Декабристы, Соч., Часть третья, М. 1911, стр. 457.
[3] *К. К. Арсеньев,* Законодательство о печати, Спб. 1903, стр. 5—6.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVI, стр. 88.

Этим глубинным течениям народной жизни в определении «революционной ситуации» Ленин отводит большую роль. «Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов» и «значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс»[1] ясно обнаруживаются в русской действительности 50-х годов.

Безграничные подводные, продовольственные и дорожные повинности военных лет на долгое время подорвали крестьянское хозяйство, а возросшие оброки и барщинные работы, не сократившиеся и по заключении мира, дополняли разорение. Единственный выход видели крестьяне в освобождении от крепостной неволи. Волнения среди крепостных нарастают. Движение 1855 г. в связи с новым рекрутским набором и призывом ополчения захватило целый ряд местностей; особенно поднялось оно в Киевской и Воронежской губерниях, где, как устанавливает всеподданнейший отчёт III отделения, выделялись из среды крестьян вожаки-организаторы и были захвачены «подстрекатели» (по терминологии отчёта)[2]. Под влиянием «превратных толков о свободе и слухов» движение ширится и лишь в результате действий воинских команд временно замирает.

Как позволяют судить опубликованная переписка и статьи того времени, Герцен в середине 50-х годов был хорошо осведомлён о событиях в России. Его внимание, повидимому, особенно привлекали крестьянские волнения; он говорит о них в нескольких письмах к своим корреспондентам от весны и лета 1855 г.[3], а в издательском предисловии к третьей книге «Голосов из России» сообщает такие детали движения, которые и в России были известны лишь небольшому кругу официальных лиц. «Двоих несчастных сослали в Сибирь, — пишет он, — за проповедывание крестьянам вредных мыслей, что они — не вещи, принадлежащие своим помещикам»[4]. Здесь Герцен имеет в виду арест студента Розенталя и писаря

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XVIII, изд. 3, стр. 244.

[2] «Крестьянское движение 1827—1869», вып. I, Соцэкгиз, 1931, стр. 104—105, 179.

[3] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 198, 175, 194.

[4] Там же, стр. 520.

Скавронского за агитацию среди крестьян Киевской губернии. Факт этот стал более широко известен лишь в 1860 г., после опубликования в заграничном издании [1]. Но начальство придавало ему серьёзное значение, и во «всеподданнейшем» отчёте шефа жандармов в 1855 г. имеется о нём специальное сообщение [2]. Скоро информация стала доходить к Герцену не только почтой: весной 1856 г. приехал в Лондон Огарёв, хорошо знающий положение деревни, где жил последнее время, лично ведя хозяйство. Летом 1857 г. приезжал Ал. Ал. Тучков (отец Огарёвой), тоже живший в своём имении [3]. К этому времени начинается и приток посторонних посетителей — лиц, поспешивших воспользоваться законом 26 августа 1856 г., облегчавшим получение заграничных паспортов [4]. Эти стекавшиеся в Лондон сведения представляли Герцену достаточно ясную картину положения в России; в одной из статей последующих лет он даёт характеристику, почти аналогичную оценкам, которые встречаются у людей и не покидавших родину: «В 1855 и в 1857 гг. перед нами была просыпавшаяся Россия... Новое время сказалось во всём: в правительстве, в литературе, в обществе, в народе... Немая страна приучалась к слову, страна канцелярской тайны — к гласности, страна крепостного рабства — роптать на ошейник» [5].

2. СОСТОЯНИЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ К 1857 году

Новое время сказалось для Герцена и в другой, более узкой сфере — в работе Вольной русской типографии.

Ещё в 1855 г., с половины которого,—как указывает Герцен, — «всё переменилось: слова горячей симпатии, живого участия, дружеского одобрения стали доходить до меня» [6], — спрос на его издания был слаб. Редкие

---

[1] См. «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России», т. I, Берлин 1860, стр. 83.

[2] «Крестьянское движение 1827—1869», вып. I, стр. 104.

[3] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 547.

[4] См. Полное собрание законов, т. XXXI, стр. 808—809.

[5] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 295.

[6] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 290.

требования отмечаются им как большое событие: «Из Франкфурта требуют 50 экз. «Полярной Звезды» [1],—спешит сообщить Герцен Рейхель 30 июля 1855 г. И он по-прежнему, даже ещё в начале 1856 г., прилагает усилия к широкому осведомлению о деятельности Вольной русской типографии и старается воспользоваться наплывом русских в Париже (в связи с мирной конференцией) в феврале — марте для распространения своей печатной продукции.

Постоянно снабжая М. К. Рейхель своими изданиями для раздачи знакомым, Герцен уже в январе 1856 г. увеличивает посылки и в шутку советует ей: «Вы бы завели для конгресса русскую книжную лавку» [2].

Вскоре затем он поручает ей позаботиться о публикации объявления: «...отошлите афишку при листах и книгах Тесье или Даримону и скажите, что я их прошу в «Presse» пропечатать. Если нельзя даром, за деньги, только раза три во время конференций; они могут и сократить или выпустить, если что такого, иного» [3]. В последних полушутливых словах видно опасение Герцена, что парижские издатели побоятся напечатать большое объявление об его типографии, считаясь с отрицательным отношением к нему наполеоновского правительства: в то время Герцену был запрещён въезд во Францию.

Однако их категорический отказ был неожиданным для Герцена, и в письме от 31 марта он просит Рейхель: «Скажите же... им, что я послал её (анонсу) в «Des Débats», и он преспокойно напечатал 2 и 10 марта» [4]. Подготовляя весной 1856 г. вторую книгу «Полярной Звезды», Герцен ещё не был уверен в её успехе и с тревогой обращается к Рейхель: «Не можете ли поместить кой-кому «Полярную Звезду»? Вторая книжка выходит в начале будущей недели. Теперь, говорят, русских видимо-невидимо в Париже» [5]. А в следующем письме ей же повто-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 205.
[2] Там же, стр. 258.
[3] Там же, стр. 262.
[4] Там же, стр. 266.
[5] Там же, стр. 281.

ряет: «Один № «Полярной Звезды» пришлю вам по почте и потом №№ пять на раздачу» [1].

Но уже к середине 1856 г. и здесь дело значительно меняется; по письмам Герцена видно, как с недели на неделю растёт спрос на его издания.

16 июня 1856 г. он пишет Марии Каспаровне: «Ну, что скажете на то, что сейчас ещё продал на 300 фр. русских книг?! Так что с 5 апреля выходит на 2 000 фр. у одного Трюбнера!» [2]

А через неделю сообщает ей: «Книги идут удивительно. Вы раздавайте и дарите, как хотите; я могу вам ещё десяточек... прислать» [3].

В результате к 1857 г. Герцен приходит со значительным успехом. «Вы знаете, — пишет он Рейхель 16 декабря 1856 г., — что с апреля продано на 10 000 франков моих книг!? Из них 5 000 взял на себя Трюб[нер], а 5[тыс.] заплатил мне сполна» [4].

Повторяя эти же сведения в письме к Н. М. Шепкину, Герцен добавляет: «...теперь я больше, нежели когда-нибудь, убедился в важности иметь совершенно свободный орган для русской мысли» [5].

Впоследствии, подводя десятилетний итог своей издательской работы, Герцен пишет: «В мае месяце 1856 г. вышла вторая книжка «Полярной Звезды»: она разошлась, увлекая за собой всё остальное. Вся масса книг тронулась. В начале 1857 г. не было больше в типографии ничего печатного, и Трюбнер предпринял на свой счёт *вторые издания* всего, напечатанного нами» [6].

Так, *к 1857 г.* для изданий Вольной русской типографии *был обеспечен читатель*. «Вы не можете себе вообразить, — писал Герцен К. Фогту 9 апреля 1857 г., — какие размеры принимает наша лондонская пропаганда. Книги мои чудесно продаются, издержки покрываются. Пример: третий том «Полярной Звезды» выйдет 15 апреля. Заказано уже 300 экземпляров, и я могу рассчитывать ещё

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 282.
[2] Там же, стр. 318.
[3] Там же, стр. 320.
[4] Там же, стр. 373.
[5] Там же, стр. 387.
[6] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 134.

на 200 к 1 мая. Никогда бы я не поверил ничему подобному во времена славного Николая» [1]. Наряду с этим изменяются к лучшему и средства распространения. Та помощь, которую оказывают с 1853 г. польские эмигранты, становится каплей в море среди других путей проникновения лондонских изданий в Россию [2]. Особенно растёт количество добровольных «контрабандистов» — заграничных русских путешественников, среди которых, как видно из письма И. С. Тургенева Герцену (от 16 января 1857 г.), были и лица весьма влиятельные в России: князь Орлов, «сын известного Орлова [3]... не только всё прочёл, что ты написал, но даже (ceci entre nous) с месяц тому назад отвёз все твои произведения к в. к. Михаилу Николаевичу» [4].

Путешественники эти могли теперь приобретать издания Герцена не только в Лондоне, но и на континенте, у книготорговцев многих крупных городов, среди которых Вольная русская типография имела своих контрагентов. Весной 1857 г. «русскому правительству стало известно, — как указывает Лемке, — что берлинскими комиссионерами Герцена состоят книгопродавцы Шлезингер и Ф. Шнейдер; у них есть особый агент, разъезжающий вдоль русской границы и пользующийся массою услужливых рук». Меры, немедленно принятые III отделением, выявили, что указанные книготорговцы имели даже комиссионеров, разносящих русским заграничные издания по берлинским и окрестным отелям, и что, кроме них, и другие книжные магазины Берлина (Боте и Бок; Ашер и К°; Штур; Шредер и Адольф) торгуют изданиями Гер-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 421.

[2] Об этой помощи определённо говорит Герцен в некрологе о Станиславе Ворцеле: «Ворцель предложил мне все свои средства, чтоб первые летучие листы и брошюры дошли через Польшу в Россию» (*А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 500); на неё же имеется указание в анонимном доносе III отделению из Лондона в июле 1855 г. о контрабандной пересылке изданий Герцена и польских демократов группы Ворцеля через Мемель (*А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 200, примечание Лемке).

[3] Бывшего шефа жандармов А. Ф. Орлова.

[4] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 393, примечание Лемке.

цена; что в Лейпциге такую торговлю ведут Брокгауз, Бибрович (эмигрант) и Гергардт, и что несколько транспортов с такой литературой, направляемой через Бреславль и Мемель в Митаву и Вильно, задержаны [1].

Такая контрабанда, повидимому, стала уже заметной с середины 1855 г., когда московский генерал-губернатор Закревский в волнении сообщает шефу жандармов Орлову 25 июля 1855 г.: «Несмотря на все предосторожности, некоторые из брошюр Герцена, если не все, при содействии неблагонамеренных людей тайно проникли в Россию. Можно с вероятностью предположить, что их получают у нас разрозненными, в печатных листах, коими обёртываются привозимые из-за границы дозволенные книги и вообще всякие товары». Упомянув, что он сам уже принял меры, Закревский спрашивает Орлова, не считает ли он нужным «сделать распоряжения по таможенному ведомству» [2].

Из переписки Герцена за 1856 и 1857 гг. знаем, что в Париже в это время постоянную торговлю его изданиями вели Франк и Клинксик (Rue de Lill, № 11). Через этих книготорговцев получала иногда литературу и М. К. Рейхель, предъявляя им соответствующие письменные распоряжения Герцена. Так, выпустив в продажу пятую книжку «Полярной Звезды», Герцен пишет ей 10 июня 1856 г.: «Полярную Звезд.», наконец, можете дня через три получить у Клинксика по следующей записочке» [3].

«Если что вам надобно из русских книг, — пишет Герцен Рейхель в конце того же года, — вы можете брать даром у Франка, давая записочку, которую он будет присылать к Трюбнеру, а я ему — книги» [4].

Этих книготорговцев систематически снабжал новыми изданиями главный контрагент Герцена, издатель многих его сочинений, лондонский книготорговец Н. Трюбнер.

Герцен знал, что его издания теперь уже в большом количестве доходят до России; сведения об этом доходили

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 533—534, примечание Лемке.

[2] Там же, стр. 199—200, примечание Лемке.

[3] Там же, стр. 317.

[4] Там же, стр. 373.

к нему иногда весьма оригинальным путём. В письме к Мейзенбуг от 9 июня 1857 г. он сообщает такие новости: «Наехало ещё множество русских. И вот две новости. Один русский был арестован в Париже за то, что у него нашли несколько экземпляров моей статьи о Ворцеле. Вторая—«Kreiz Zeitung», (газета.—*З. Б.)* сделала яростную вылазку против меня; между прочим она говорит, что правительство с сожалением видит, что подобные писания распространяются даже в самом Петербурге» [1].

Не менее важное значение имело для Вольной русской типографии и ещё одно условие её работы — *приток материалов из России.* Теперь Герцен начинает получать с родины не только циркулировавшие там рукописные записки и запрещённые сочинения известных авторов [2], но и статьи, специально составленные для его изданий, а также многочисленные корреспонденции самого разнообразного характера. Об этом он сам заявляет в предисловии «От издателя» в третьей книге «Полярной Звезды»: «В последнее время мы получили довольно много статей для «Русских Голосов». Третья книжка выйдет в июне месяце...

Сверх статей, мы получили несколько анонимных писем. Некоторые из них исполнены такой тёплой, юной симпатии к нам, что мы их прочли глубоко тронутые» [3].

Правда, то же предисловие показывает, что не для всех ещё в то время было вполне ясно основное направление изданий Герцена. Встречались лица, совершенно далёкие от какой-либо оппозиции, которые всё же посылают ему свои рукописи, желая, повидимому, лишь видеть своё имя в заграничной печати. От них Герцен вынужден здесь же чётко отмежеваться: «...всего присланного мы не берёмся печатать, нам даже кажется, что некоторые из статей присланы к нам по ошибке: их место в «Северной Пчеле» или в «Le Nord».

---

[1] *А. И. Герцен.* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 517.

[2] О том, что такая литература была, повидимому, в большом количестве привезена в Лондон Огарёвым, позволяют судить следующие строки письма Герцена к Рейхель (30 апреля 1855 г.): «Как бы мне хотелось показать вам из запаса, привезённого Огарёвым, стихов и проч.! Т. е. превосходнейшие вещи!» (*А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 279).

[3] Там же, стр. 427.

Но такие статьи были исключением. Основной ценный для Герцена материал идёт от передовых кругов России в таком количестве, что в издательстве параллельно подготовляются весной 1857 г. третьи книжки и «Полярной Звезды» и сборника «Голосов из России».

Начинает поступать материал и от личных посетителей Герцена. И. С. Тургенев становится его постоянным информатором. По письмам Тургенева видно, что передача им Герцену новостей из России стала делом систематическим. 28 (16) февраля 1857 г. Тургенев пишет: «Я привезу тебе в Лондон все имеющиеся у меня номера журналов и оставлю их тебе, — а теперь не могу никаких сообщить новостей. О побоище Шевырёва ты уже, вероятно, знаешь» [1].

А в одном из последующих писем летом 1857 г. из Зинцига Тургенев прямо говорит: «Я на-днях надеюсь собрать кое-какие сведения», затем кратко характеризует нового шефа жандармов князя Долгорукова и заканчивает письмо обещанием заехать в Лондон и «кое-что переговорить» [2].

3. НАЧАЛО ИЗДАНИЯ «КОЛОКОЛА». ЕГО РЕДАКЦИЯ. ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ В ИЗДАНИИ «КОЛОКОЛА»

Таковы были внешние условия и положение внутри издательства к 1857 г.: на «запрос типографии» со стороны Герцена пробуждающаяся Россия ответила положительно, — потребность её в свободном слове была теперь вне сомнения.

«От выхода второй книжки «Полярной Звезды» и до начала «Колокола», все *расходы по типографии* покрыты продажей русских книг, — говорит Герцен в первой статье № 1 «Колокола». — Сильнее доказательства на действительную потребность свободного слова в России быть не может, особенно вспомнив таможенные препятствия. Итак, труд наш не был напрасен. Наша речь, сво-

---

[1] Столкновение графа Бобринского с Шевырёвым 14 января 1857 г. в заседании совета Московского Художественного общества.

[2] «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», Женева 1892, стр. 106 и 109.

бодное русское слово, раздаётся в России, будит одних, стращает других, грозит гласностью третьим» [1].

Это сознание, что свободное слово из Лондона дошло до русского читателя, что читатель этот на него откликнулся, что оно ему стало необходимо, и было основной предпосылкой того решения, которое принял Герцен весной 1857 г., по совету Огарёва: приступить к изданию нового периодического органа — политического «листка», как он иногда называет «Колокол».

Об инициативе Огарёва в деле создания «Колокола» Герцен не раз высказывался вполне определённо. В письме к И. С. Тургеневу от 22 ноября 1862 г., доказывая, как велика была роль Огарёва в деятельности Вольной русской типографии, Герцен заявляет, что «Колокол» основал Огарёв» [2]. О том же он упоминает и в печати, правда, несколько смягчая факт: «В начале 1857 года Огарёв *предложил* издать «Колокол» [3]. Во всяком случае участие Огарёва в проекте издания нового органа было безусловно значительным [4].

Этот новый орган мыслился его создателями чаще выходящим и более лёгким, чем компактные литературно-публицистические сборники «Полярной Звезды» с их углублённой «пропагандой», с детальным обсуждением теоретических вопросов. «Колокол» намечался как прибавление к этим сборникам, быстро откликавшееся на все злободневные вопросы русской жизни.

Хотя в первое время издания журнала Герцен напоминает ещё, что новый русский орган «служит дополнением к «Полярной Звезде» [5], что «не надобно забывать, что «Колокол» составляет именно *прибавочные листы* к «Полярной Звезде» [6], однако уже с самого начала он придаёт «Колоколу» большое значение и готовится к этому новому изданию в течение нескольких месяцев.

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 528.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 549.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 134. (Курсив мой. — *З. Б.*).
[4] См. *Н. А. Тучкова-Огарёва,* Воспоминания, «Academia», Л. 1939, стр. 169—170.
[5] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 525.
[6] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 156.

К маю 1857 г., очевидно, подготовка в основном была закончена, так как в конце этого месяца Герцен сообщает историку Мишле: «С июня мы начинаем издавать ежемесячник для деятельной оппозиции и притом совершенно политического характера. Ограничиваемся только Россиею и Польшею» [1]. Из приведённых слов мы видим также, как были намечены тематические рамки будущего «Колокола». Их Герцен указывает затем и в одном из номеров журнала за 1857 г.: «...все [наши занятия] в России, в русских делах» [2].

Отбирая в этом направлении материал для первых номеров «Колокола», Герцен заботится и о своевременном получении необходимой для предстоящей редакторской работы новой литературы и очень досадует на затруднения с пересылкой русской периодики. «Мне необходимы книги, т. е. вновь выходящие;— пишет он с верной оказией 4 июня 1857 г. в Москву, — их можно было бы прямо посылать из Петербурга, — но не теоретические, а книги о финансах, статистике, истории и пр. ...надобно сделать, чтоб получать поаккуратнее журналы. Не лучше ли подписывать прямо в почтамте? Шнейдер и др. книгопродавцы посылают иногда месяца за три, выжидая оказии» [3].

В это же время создаётся и редакция «Колокола».

Здесь вопрос, конечно, не в организации технической части; она сосредоточивается в Вольной русской типографии в руках Людвига Чернецкого, верного помощника Герцена во всё время существования его издательства [4].

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 511—512.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 65.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 514.

[4] Л. Чернецкий, «уроженец Люблинской губернии, эмигрант 1848 г.», был, по словам Кельсиева, «человек очень тихий, работящий, исправный, пользовавшийся общим уважением и сочувствием. Выбрав себе скромную роль управителя типографии, он исполнял её усердно, с образцовою точностью» («Литературное наследство» № 41—42, стр. 290—291). Другой польский эмигрант, также отдавший много сил издательству Герцена, Станислав Тхоржевский, бывший студент Московского университета и тоже участник революционного движения 1848 г., работал главным образом по распространению изданий Вольной русской типографии.

С Чернецким работает несколько наборщиков. Кроме прежних, иностранцев, с которыми так трудно было Герцену вести русское издательство в первые годы существования Вольной русской типографии, появляются теперь и русские — эмигранты. Из кратких биографических сведений, которые даёт о них Кельсиев, видно, что здесь встречались лица различных социальных групп и положений: бежавший иеродиакон Агапий, который вскоре отправился в Америку; юный офицер, назвавшийся Дубровиным (это был известный впоследствии узник Петропавловской крепости Бейдеман); князь Николай Платонович Трубецкой, бывший гвардеец и адъютант герцога Мекленбургского; из-за материальной нужды он обратился к Герцену за работой и пробыл наборщиком в Вольной русской типографии около года; бывший гимназист, уроженец Нижнего-Новгорода, сын английского подданного, не знавший ни слова по-английски, — он вскоре вернулся в Россию. Все эти лица в разное время, разные сроки работали под руководством Чернецкого и, обладая достаточным для наборщика общим образованием, обеспечивали грамотное выполнение работ.

Говоря же о создании редакции «Колокола» в 1857 г., надо иметь в виду создание именно единого совместного руководства журналом обоих редакторов, руководства, которое сохраняется неизменным в течение всех десяти лет издания «Колокола».

Огарёв «предложил издавать «Колокол» параллельно с «Полярной Звездой». *С этого времени я могу говорить от имени нас обоих*» [1], — указывает впоследствии Герцен.

Близко стоявший к лондонскому издательству В. И. Кельсиев в своей «Исповеди» даёт интересные подробности о работе редакции «Колокола». Отмечая большую роль Огарёва в создании «Колокола», он говорит даже, что Огарёв основал «Колокол» и дал более правильный ход пропаганде [2]. Кельсиев указывает, как между друзьями распределялись функции: «Герцен уступил ему (Огарёву. — *З. Б.*) все финансовые, экономические и юри-

---

[1] *А. И. Герцен.* Полное собрание сочинений, т. XXI, стр. 201. (Курсив мой. — *З. Б.*).

[2] См. «Литературное наследство» № 41—42, стр. 280.

дические вопросы, оставив за собой только общие статьи и смесь, где было более простора его (Герцена. — *З. Б.*) широкому перу и его врождённому юмору»[1]. На долю Огарёва приходилась громадная работа: из номера в номер он подготовляет статьи по самым разнообразным вопросам; одни из них вызывали значительную затрату сил по новизне предмета для поэта и сельского хозяина— Огарёва (например, правительственные распоряжения о железных дорогах или упразднение военных поселений); другие — длительный подбор и обработку цифрового материала (например, вопрос об отмене винных откупов); многие же форсировали работу своей актуальностью, требовавшей немедленного отклика журнала. Такими были вопросы, связанные с подготовкой и проведением крестьянской реформы; им посвящены десятки статей Огарёва, где часто была необходима тщательная проверка статистических данных. Учитывая тот удельный вес, который имела эта тема на страницах «Колокола», можно представить себе, сколько труда нужно было затратить при подготовке каждого номера журнала.

«Мы работаем много»[2], — писал Герцен к «московским друзьям», готовясь к изданию «Колокола». Для лиц, знающих деятельную натуру Герцена и работоспособность Огарёва, эти слова говорили достаточно. Мы же можем судить о количестве работы в редакции «Колокола» и по данным более конкретным. Они относятся к 1859 г. — ко времени уже завоёванной славы, авторитета и вместе с тем растущего тиража «Колокола». В одном из писем Огарёва сохранились точные указания, сколько часов в день он занят для журнала: «Работы гибель... Мне случается работать с 10 ч. утра до 7 [час.] вечера, и всё не поспеваешь. Статья, а тут три корректуры подъехали, насилу справился»[3].

Надо заметить ещё, что Огарёв успевал иногда откликнуться в журнале стихотворением на злободневную тему[4].

---

[1] «Литературное наследство» № 41—42, стр. 280.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 514.
[3] «Литературное наследство» № 39—40, стр. 375.
[4] «Колокол» № 1 от 1. VII 1857 г.; № 14 от 1. V 1858 г.; № 21 от 15. VIII 1858 г.; «Общее Вече» № 14 от 15. VI 1863 г.;

А когда с 1862 по 1864 г. при «Колоколе» издавалось «Общее Вече», то бо́льшая часть страниц этого прибавления была заполнена статьями Огарёва (Герцен в нём не принимал авторского участия, за исключением одного-двух случаев) [1].

Поэтому-то нас не удивляет мнение Герцена, что на плечах Огарёва лежал «весь груз «Колокола» [2].

Однако, несмотря на такую большую работу Огарёва по журналу, доминирующее влияние в редакции «Колокола» было за Герценом. Факт этот особенно убедительно подтверждается их перепиской. По письмам видно, что Герцен даёт общие задания (если очередной номер подготовляется без него) и распоряжается по частным вопросам.

«Колокол» получил. Всё ладно, — пишет он из Девоншира в Лондон 2 октября 1861 г., — но «Мингрельское дело», я именно писал Чернец[кому], идёт в «Колокол» и по содержанию и потому, что у нас материала нет. Что будет в будущем №? [3]

...Я очень недоволен «Мингрел[ьским] делом». И почему Чернец[кий] меняет? — повторяет он в конце письма. — Я ему именно писал» [4]. В предыдущем письме от 1 октября 1861 г. — ряд поручений: «Что же за новое письмо Прудона в «Прессе»? Попроси Тхужевского сыскать...

«Колокол» пошлите 2 экз.... Мар[ии] Каспаровне» и т. д. [5]

Иногда распоряжения Герцена носили весьма реши-

«Колокол» № 77/78 от 1. VIII 1860 г.; № 244/245 от 1. VII 1867 г.; прибавление к № 119/120 от 15. I 1862 г.; № 172 от 1. XI 1863 г.; «Общее Вече» № 8 от 1. I 1863 г.

[1] «Общее Вече» № 9 от 15. I 1863 г. «Смесь», составленная Герценом, перенесена из № 154 «Колокола»; № 22 от 1. XI 1863 г. «Смесь» из № 172 «Колокола»; № 29 от 15. VII 1864 г., статья Герцена «Казни в Казани».

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 42.

[3] Речь идёт о «Колоколе» № 108 от 1. X 1861 г. «Колокол» выходил иногда с запозданием в несколько дней, особенно в отсутствие Герцена.

[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 243—244.

[5] Там же, стр. 243.

тельный характер: «Отправься на объяснение с Пет[ром] Вл[ад.], — пишет он Огарёву 4 марта 1867 г. по поводу статьи Долгорукова в «Колоколе», — но в этом от меня уступки не жди. *Я кладу полное veto*» [1]. Герцен исправляет статьи Огарёва. Зная недостатки огарёвской прозы, длинноты, утяжелявшие её, Герцен даёт общие советы, как избежать их («Надобно фразу круто резать, швырять, а, главное, сжимать»), а то и конкретно указывает необходимые изменения.

Огарёв дорожил этими указаниями. «По твоему совету, — пишет он Герцену в сентябре 1860 г., — что следует поправил в моей статье сию минуту, и «Колокол» сегодня будет окончен» [2]. «Для «Колокола» ты мне необходим», — настойчиво заявляет Огарёв в первые годы издания журнала. Но и после многолетней совместной работы он попрежнему обращается к Герцену: «И ты, разумеется, поправь, как хочешь (статью. — *З. Б.)*» [3]

Но дело не ограничивалось только редактированием, только формой статей. Огарёв уступает первенство своему другу и в более серьёзном вопросе: «к собственному такту не имею никакого доверия, а к твоему большое»; и в том же письме признаётся: «... я с этим «Колоколом» не уверен, а с будущим совершенно не знаю, как сладить... мне в статье и в смеси без тебя очень скверно» [4].

Такое полное доверия отношение Огарёва к указаниям Герцена подтверждает и рассказ Кельсиева о внутренней жизни редакции «Колокола».

«Все мы жили тихо, смирно, дружески, никогда не ссорились, и все признавали авторитет Герцена, даже и сам Огарёв». Кельсиев приводит и почтительно-шутливое наименование «принципал», как вслед за Огарёвым называли Герцена работники типографии.

Герцен очень ценил участие Огарёва в «Колоколе» и горячо защищал в полемике с либеральными друзьями

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIX, стр. 232.
[2] «Литературное наследство» № 39—40, стр. 378.
[3] Там же, стр. 441.
[4] Там же, стр. 405.

литературное дарование своего друга, подчёркивая своё единство с ним в общественно-политических взглядах [1].

Тот же Кельсиев называет Огарёва «alter ego» Герцена [2]. Это название тем более справедливо для Огарёва, что никто в редакции, кроме него, не только не занимал подобного положения, но и вообще не играл там значительной роли, — никто из лиц, близких редакторам или связанных с издательством, — ни Бакунин, ни Кельсиев, ни Касаткин, ни Долгоруков. Бакунину, по приезде его в Лондон, была предоставлена руководителями «Колокола» полная возможность включиться в общую работу по журналу; «встреча», которая ему была сделана на страницах «Колокола», это подтверждает [3].

Однако фактически этого не произошло; помимо возникших вскоре мелких разногласий, более глубокое, принципиальное расхождение его с Герценом (о чём будет сказано в дальнейшем) создало полную невозможность какого-либо влияния Бакунина на герценовский журнал. А те два номера «Колокола», где встречаются статьи с его авторской подписью [4], не дают оснований считать Бакунина даже и постоянным сотрудником «Колокола».

---

[1] В ответ на резкую критику статей Огарёва И. С. Тургеневым Герцен забрасывает его в письме от 22 ноября 1862 г. раздражёнными вопросами: «О какой теории социализма Огарёва ты говоришь? каким мнением, каким выводом ты недоволен? с чем не согласен? Почему его добросовестный труд ты ставишь на одну доску с fatras (пустословием. — *З. Б.*) бакунинской демагогии?

«Колокол» основал Огарёв.

«Вече» основал Огарёв, да оно в ваших паражах (слоях. — *З. Б.*) не нравится... а нам оно принесло переписку с раскольниками...

...Ты имеешь зуб на молодое поколение, и грызёшь им старое, благо, оно ближе» (*А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 549—550).

Стасова же Герцен спрашивает по поводу статей Огарёва (в письме от 5 сентября 1862 г.): «...вам, как неумытно-свирепому критику, я делаю вопрос: неужели вы скажете, что не ясно, не полно силы и энергии письмо об общинном владении и 1-я статья 2-го листа «Веча»? Или я совершенно исказил свой вкус?» (там же, стр. 467).

[2] «Литературное наследство» № 41—42, стр. 290.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 65.

[4] «Колокол» № 122/123 от 15. II 1862 г. (приложение) и № 241 от 15. V 1867 г.

Что касается Кельсиева (в 1859—1862 гг.) и Касаткина (в 1863—1867 гг.), то их большая работа по издательству и в частности по «Колоколу» не носила самостоятельного характера и полностью была подчинена влиянию и указаниям Герцена и Огарёва. Кельсиев даже называет себя полушутя «послушником» редакторов «Колокола» [1]. На нём лежала обязанность разбирать получаемую корреспонденцию и держать техническую корректуру листов журнала.

О князе Долгорукове и говорить нечего. Этот фрондирующий аристократ с монархически-конституционными взглядами, конечно, был очень далёк от принципов руководителей «Колокола». Они же поддерживали с ним сношения, ценя, повидимому, в нём противника существующего в России строя и врага, хотя и лично пристрастного, руководящей правительственной верхушки. Герцен печатал в «Колоколе» статьи Долгорукова [2], правда, со значительными редакторскими исправлениями [3]. В конце же существования «Колокола» (1865—1867 гг.) Долгоруков во время частых отлучек Герцена из Женевы, куда уже была переведена Вольная русская типография, помогал Огарёву в редакции «Колокола»: он предоставлял получаемые им периодические издания на пользование Огарёву, иногда составлял по ним обзоры, участвуя в подготовке номера. Впрочем, Огарёв печатал их с большим разбором. «Я уповаю на твой громадный талант, — писал он Герцену 7 марта 1867 г., — не надеюсь на свой и боюсь смесей долг[оруковск]их» [4].

Герцен с ещё большей осторожностью относился к сотрудничеству Долгорукова и вскоре окончательно порывает с ним.

С первых же шагов своей деятельности (1857 г.) редакция «Колокола» стремится выяснить свои задачи и положение журнала. «Появление нового русского органа... не есть дело случайное и зависящее от одного

---

[1] «Литературное наследство» № 41—42, стр. 290.
[2] «Колокол» № 73/74, 121, 138, 140, 168, 182, 212, 229, 233/234, 235/236 и 237. См. также «Литературное наследство» № 41—42, стр. 589—591.
[3] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIX, стр. 236
[4] «Литературное наследство» № 39—40, стр. 436.

личного произвола, а — ответ на потребность: *мы должны его* издавать» [1], — говорит Герцен в «Предисловии» к № 1 «Колокола».

Если основание типографии в 1853 г. было «запросом» к русскому читателю, то опыт последующих лет доказал «действительную потребность свободного слова в России». Значит, необходимость издания безусловна.

Также вне сомнения и содержание речи: «Россия сильно потрясена последними событиями. Что бы ни было, она не может возвратиться к застою; мысль будет деятельнее, новые вопросы возникнут, — неужели они должны затеряться, заглохнуть? Мы не думаем» [2].

Итак, живой отклик на события в России, всестороннее освещение актуальных вопросов русской жизни должны были определить содержание журнала и его задачи.

Но редакция «Колокола» здесь не ставит вопроса о том, как вести журнал. Ответ для руководителей «Колокола» ясен: только коллективно, только опираясь на читательские массы: «... обращаемся ко всем соотечественникам, делящим *нашу* любовь к России, и просим их не только слушать наш «Колокол», но и самим звонить в него!» [3] «Меньшинство осуществляет часть своего идеала только тогда, когда, повидимому выделяясь из большинства, оно, в сущности, выражает его же мысль, его стремления, его страдания» [4].

Таким образом, связь с читателем, активизация его и через это организующее на него воздействие — вот центральный вопрос для жизни «Колокола»; он неизменно стоит в поле зрения его редакции.

«Колокол» никогда не хотел быть одной нотой роговой музыки» [5], — так образно выражает статья журнала эту мысль, которая оказала влияние и на самую форму издания. «Без довольно близкой периодичности нет настоящей связи между органом и средой. Книга остаётся, журнал исчезает, но книга остаётся в библиотеке, а журнал исчезает в мозгу читателя и до того усваивается им

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 525.
[2] Там же, стр. 527.
[3] Там же, стр. 525.
[4] Там же, стр. 526.
[5] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 127.

повторениями, что кажется ему его собственной мыслью» [1].

Добиться этого, создать из вольных голосов русских читателей полный хор, звучащий под дирижёрским управлением редакции, — постоянная забота руководителей «Колокола». Но одни просьбы участвовать в журнале им кажутся недостаточными; самая структура журнала направлена к тому, чтобы стимулировать активность читателя: раздел «Смесь», в котором могла быть уместной самая незамысловатая информация, и в особенности заключительные страницы «Колокола» с подзаголовком «Правда ли?» прямо указывали читателю путь превращения в корреспондента.

Благодарность редакции и её одобрение — следующая стадия воздействия на начинающего корреспондента, а с развитием «Колокола» практические результаты корреспонденций (как в «деле» Кочубея, московских студентов и пр.) [2] создают как бы круговую поруку между корреспондентами «Колокола» и его редакцией.

Конечно, публицистический талант Герцена и его организационное уменье играли тут большую роль, но решающей, безусловно, была та среда, куда попадали листки «Колокола», тот общественный подъём, который переживала тогда Россия.

Совершенно новое значение печати отмечается современниками как одно из проявлений этого подъёма. Н. В. Шелгунов, рассказывая об этом, говорит, что и положение писателя стало иное,—писатель перестал только развлекать, «он стал наставником и учителем общественного строительства»; однако и «оценка писателя была строгая». В те годы, пишет Шелгунов, «точно чудом каким-то создался внезапно совсем новый, небывалый

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 373.

[2] Судебное дело, неправильно решённое в пользу графа Кочубея, после оглашения этого в «Колоколе» было пересмотрено по личному приказу Александра II («Колокол» № 7, 1858 г. См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 496).

После статьи в «Колоколе» о несправедливом предании суду московских студентов за столкновение с полицией резолюцией Александра II студенты были освобождены, а полицейские отданы под суд («Колокол» № 5 от 1. XI 1857 г. и № 8 от 1. II 1858 г. См *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 117).

читатель с общественными чувствами, общественными мыслями и интересами, желавший думать об общественных делах» [1]. Этому шелгуновскому «чуду» правильный корректив даёт издатель его мемуаров, напоминая, что десятилетием раньше, в глухую николаевскую пору, уже подготовлялся такой читатель, общественное сознание которого формировалось под влиянием произведений Белинского [2].

Таким образом, листки «Колокола» попадали на подготовленную почву; обращения редакции встречали деятельный отклик, и уже в первое время издания журнала Герцен мог констатировать большой приток писем и корреспонденций.

А через два года, по словам Кельсиева, «рукописей и дел привозилось и присылалось в Лондон несметное множество — одних нефранкированных писем получал Герцен шиллингов на десять в день (рубля на 3)» [3]. К этим указаниям можно отнестись с достаточным доверием, так как Кельсиев лично участвовал в разборке редакционной корреспонденции, и извращать факты ему в данном случае не было никаких оснований. К тому же некоторые номера «Колокола» подтверждают это количеством страниц, отведённых материалам корреспондентов.

В имеющейся литературе о Герцене «Колокол», если о нём упоминают, обычно рассматривается лишь как одно из проявлений деятельности и идеологии его редактора. О статьях и заметках корреспондентов и информаторов журнала почти не говорится, им не придаётся должного значения. А между тем приведённые факты дают полное основание считать одной из специфических особенностей «Колокола» значительное творческое участие в нём активных читателей-корреспондентов.

И, переходя к анализу самого материала «Колокола» и пути его развития, надо признать на основании указанных соображений *три* главных фактора жизни журнала.

Во-первых, *события в России;* они наложили особую

---

[1] *Н. В. Шелгунов,* Воспоминания, стр. 81, 98.
[2] Там же, стр. 206.
[3] «Литературное наследство» № 41—42, стр. 284.

печать на время приблизительно с 1855 по 1866 г. небывалой до тех пор интенсивности общественной жизни, тех её особенностей, которые ассоциируются с условным понятием «эпоха 60-х годов». В сущности это понятие с наибольшим основанием и должно быть приложимо к указанному 10-летию. Издание «Колокола» почти точно совпадает с этим временем, и журнал всю свою тематику базирует на этих «событиях в России».

Во-вторых, *редакция «Колокола»* с её исключительным интересом к русской жизни, умением уловить очередные запросы её и влиять на неё в определённом направлении. Ею создавался блеск формы и биение революционного пульса журнала.

В-третьих, *среда читателей «Колокола»,* которая не только содействовала его широкому распространению и успеху, но и доставляла критически проверенный конкретный материал, заполнявший весь костяк журнала, что служило в свою очередь творческим общественным воспитанием самой среды читателей.

Эти три фактора в их взаимодействии и в постоянном влиянии на жизнь «Колокола» и надо иметь в виду, изучая всё десятилетие его существования.

В тех немногочисленных упоминаниях о «Колоколе», которые даёт историография вопроса, обычно указывается, что за всё время его издания надо различать два периода развития журнала:

Первый — с 1857 по 1862 г. — подъём и расцвет «Колокола» (тираж доходит до 2 500—3 000 экземпляров; спрос превышает издательские возможности).

Второй — с 1863 по 1867 г. — упадок журнала (тираж падает до 500; спрос почти прекращается).

Такое традиционное разделение периодов развития журнала (по тиражу и распространению) не противоречит внешним фактам, но оно несколько поверхностно и недостаточно для уяснения специфики «Колокола» как общественно-политического журнала, так как не даёт представления о всём многообразии интересов, вопросов, направлений и событий, которыми жила редакция «Колокола».

Необходимо взять другой критерий — *внутреннее развитие журнала,* изменения его программы и тактики,

связанные с общими условиями социально-политической жизни России.

При таком подходе можно наметить *три периода развития «Колокола»:*

Первый — с 1857 по 1861 г.; этот период характеризуется следующими явлениями: преобладание крестьянского вопроса на страницах «Колокола» и временный блок его редакции с либералами; успех журнала в России.

Второй — с 1861 по 1863 г. — характерен ростом революционности «Колокола» в связи с крестьянским движением в ответ на реформу 19 февраля 1861 г. и окончательным разрывом редакторов журнала с либералами; в польском вопросе «Колокол» занимает радикальную позицию.

Третий — с 1864 по 1867 г. — определяется наличием новой социальной базы «Колокола» в среде «разночинцев»; внешними, но весьма значительными факторами деятельности редакции «Колокола» в этот период явились перевод журнала на континент и отсутствие связей с Россией.

4. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ИЗДАНИЯ «КОЛОКОЛА» (1857—1861)

А. Программа и тактика «Колокола» в первом периоде. Крестьянский вопрос на страницах «Колокола»

1 июля 1857 г. вышел первый номер «Колокола».

«С изданием «Колокола», — указывает впоследствии Герцен, — начинается второй возраст нашего станка».

«Второй возраст» — это не только продолжение начатой деятельности в новой форме; эта новая стадия определяется новыми задачами.

Деятельность Герцена в этот период определяется всё тем же неуклонным стремлением к цели, поставленной им и Огарёвым ещё в юности, — к борьбе с царизмом, к борьбе за экономическое, правовое и духовное освобождение русского народа.

К началу 50-х годов это стремление получает дальнейшее углубление созданной Герценом теорией «русского»

социализма», где крестьянская земельная община, сохранившаяся в России, мыслится им как путь к этому освобождению, как «Архимедова точка» [1] для перехода России к новому строю — социализму.

Теоретическому обоснованию этого учения и пропаганде его Герцен и посвящает первые годы своей издательской деятельности, до приезда Огарёва. Но Герцен не видит, что в этом учении его «нет, — как говорил В. И. Ленин, — *ни грана* социализма» [2], не видит буржуазного характера выдвинутой им крестьянской идеи «права на землю».

Субъективно Герцен сознаёт себя социалистом, и «неисправимости», по его выражению, этого убеждения он остаётся верен до конца жизни, несмотря на то (а может быть, именно вследствие этого), что в дальнейшем им были внесены некоторые коррективы в его теорию «русского» социализма».

Огарёв по приезде в Лондон активно входит в деятельность Герцена и, полностью разделяя его взгляды, присоединяется к этой теории Герцена и участвует в её пропаганде ещё в первых сборниках «Полярной Звезды».

Но теперь, ко времени возникновения «Колокола», перед редакторами будущего журнала раскрываются новые возможности.

Учитывая те особенности политического момента в России, о которых упоминалось выше, и имея к 1857 г. прочно налаженное издательство и крепкие связи с родиной, Герцен и Огарёв считают возможным перейти на *новую стадию борьбы*. Не ограничиваясь теоретической пропагандой своих взглядов в сборниках «Полярной Звезды» и других публикациях Вольной русской типографии, они ставят теперь себе новую задачу — *практически влиять на ход общественной жизни России.*

А в России от 40-х до 60-х годов «*все* общественные вопросы, — как указывает Ленин, — сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками» [3]. Это состояние внутренней жизни родины не только логически осознаётся

---

[1] См. *А. И. Герцен.* Полное собрание сочинений, т. XIX, стр. 123.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 466.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, изд. 4, стр. 473.

лондонскими издателями, но и глубоко ими чувствуется,— ведь вопрос, который должна была теперь решать Россия, был с юности основным стержнем развития их гражданской сознательности и заветной целью их общественной деятельности.

Вот предпосылка, определившая в «Колоколе» с первых же номеров ту особенность, которая как необходимое условие успеха печатного органа была указана Герценом при анализе русской периодики 40-х годов: «Для живого полемического журнала... надобно иметь ту нежную щекотливость нерв, которая тотчас раздражается всем, что раздражает общество» [1]. И когда редакторы «Колокола» считают, что при подготовке крестьянской реформы «...столько для России никогда не стояло на карте, ни в 1612 г., ни в 1812 г.» [2], когда у них возникла надежда укрепить сельскую общину при освобождении крестьян и тем содействовать расчистке путей, необходимых, по их мнению, для развития нового строя социальных отношений, то естественно слышать их совет своим корреспондентам и сотрудникам: «Пишите прежде... об освобождении крестьян с землёй. Это — первый вопрос, стоящий на дороге» [3].

Такое внимание «Колокола» к крестьянскому делу общеизвестно. Известен также и его проект освобождения. Поэтому, лишь кратко напомнив его основные пункты, я остановлюсь на том, как он складывался на страницах «Колокола», каково было значение этого проекта в контексте журнала и как развивалось проводимое «Колоколом» обсуждение всего крестьянского вопроса, оказавшее действительное влияние на подготовку реформы.

Та знаменитая «триада освобождения»: «слова — от цензуры», «крестьян — от помещиков», «податного состояния — от побоев», которой открывается первый номер «Колокола» [4], не раз повторяется [5] затем редакцией с та-

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 153.
[2] «Колокол» № 93 от 1. III 1861 г.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 404.
[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 525.
[5] «Колокол» № 1 от 1. VII 1857 г., статья Огарёва «Письмо к издателю»; *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 130; ср. также *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 300.

ими определёнными мотивировками, что не остаётся сомнения в её назначении, во-первых, фиксировать всё внимание читателя на этом вопросе, во-вторых, точно определить границы поставленной на очередь задачи и сузить их для скорейшего достижения цели.

В ответе редакции на критику польского журнала «Обозрение», укорявшего «Колокол» за его слишком снисходительное отношение к Александру II, мы читаем в статье Герцена: «...все общие места, profession de foi, отступили на второй план... Мы стремимся и хотим действовать в нашем времени, в современной России, — это заставляет нас не втеснять вопросов, но стараться овладеть теми, которые уже возникли... входит (русский. — *З. Б.*) корабль в море... у него на знамени *освобождение крестьян с землёю*... Увидев это, мы бросили всё и прилепились к этому жизненному вопросу для России» [1]. А ещё раньше, в одном из первых номеров, редакция прямо указывает, что «Колокол» отказался от всяких теорий затем, чтобы его звон легче доходил до Зимнего дворца [2].

Так определялась «Колоколом» его *программа первых лет издания;* из практических соображений — *программа-минимум.* Параллельно намечалась и тактика — тактика доверия, сотрудничества всех антикрепостнических элементов.

Оценку этой умеренности программы и тактики мы встречаем в самой редакции «Колокола»: «...это не совсем Робеспьер и Марат, — не без юмора определяет Герцен направление «Колокола» в письме «Знаменитому Сенату вольного города Франкфурта-на-Майне» 1 августа 1858 г. — И вот мы не просим ничего больше... пока» [3]. Такое короткое добавление *«пока»* раскрывает больше, чем длинные статьи, сложность позиции «Колокола», показывая, что выставленная программа «деловой умеренности» не удовлетворяет издателей «Колокола», а признаётся и характеризуется ими как *временная.*

Однако пока эта программа на очереди, «Колокол» всеми средствами стремится её осуществить. Целям ско-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 453, 455, 460.

[2] Там же, стр. 130.

[3] Там же, стр. 300.

рейшего освобождения неизменно подчинена направленность каждого номера журнала.

Уже к первой годовщине «Колокола» редакция констатирует три фазы жизни журнала, обусловленные, по её словам, изменениями политики царского правительства в крестьянском вопросе [1].

Анализируя же весь первый период издания «Колокола», до 1861 г., мы можем различить ещё не одну такую фазу. «Фазы» — это, собственно, этапы различного отношения «Колокола» к изменявшейся политике правительства в деле крестьянской реформы, т. е. в сущности к изменявшимся внутри самого дворянства решениям по поводу «меры и формы *уступок*» [2] крепостным. Но наряду с этими фазами обнаруживаются и другие колебания «Колокола», которые в корне своём исходят из широкой классовой борьбы, сопровождавшей подготовку реформы со стороны крестьянских масс, и которые обусловливают серьёзные противоречия в журнале.

Однако с внешней стороны в рамках этих «фаз» «Колокол» вырабатывает свой проект освобождения и создаёт на своих страницах трибуну обсуждения всего крестьянского дела.

Для общей постановки этого вопроса в «Колоколе» первая «фаза» (указанная редакцией: с начала издания до рескриптов Александра II в конце 1857 г., т. е. первое полугодие жизни «Колокола») имеет большое значение.

В России тогда вся сила общественного подъёма, начавшегося с дней Севастополя, всё более сосредоточивается на вопросе освобождения крестьян: многочисленные рукописные «записки», проекты, «письма» всесторонне обсуждают эту тему, но в прессе не разрешается касаться назревшей эмансипации, не разрешается обсуждать её условия. И поэтому трудно переоценить влияние слов: «освобождение крестьян», впервые на русском языке *напечатанных* в «Колоколе». Этот заграничный журнал, выходящий многосотенным тиражом, освещает самый близкий для родины вопрос и тем самым, содействуя

---

1 *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 287.
2 *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.

более широкому обсуждению его, сливает свои крепнущие силы с усилиями передового русского общества.

Зная, как мы видели выше, о только что подавленном широком подъёме крестьянских волнений 1854—55 гг. и правильно предполагая недовольство вернувшихся в крепостную неволю защитников Севастополя [1], редакция «Колокола» статьями первых же номеров указывает правительству на необходимость немедленного освобождения и неизбежность кровавого восстания в случае промедления. Статьи были основаны на конкретных фактах, написаны со всем блеском герценовского таланта — они захватили внимание всей читающей России. Уже в ближайшие месяцы «Колокол» был завален откликами представителей самых разнообразных социальных групп.

Опубликованный в № 11 драматизированный отрывок даёт целый букет дворянских настроений, доходивших до «Колокола»: начиная от негодующих крепостников, которые усматривали в свободном обсуждении эмансипации и в указаниях опасности от её задержки прямой призыв к кровавому пути, вплоть до либералов, довольных тем, что в «Колоколе» высказано громко то, о чём они только шептались, и уверенных, что до широкой крестьянской массы не дойдут опасные призывы, пока они обеспечат себе выгодное разрешение вопроса.

С другой стороны, и радикальные группы демократических разночинцев сочувственно прислушиваются тогда к призывам «Колокола»; об этом свидетельствуют и частные письма к Герцену, и отклики, публикуемые на страницах самого журнала.

А. Н. Мельгунов в начале 1858 г. пишет Герцену: «Молодёжь на тебя молится, добывает твои портреты, — даже не бранит того и тех, кого ты, очевидно с умыслом, не бранишь» [2].

А корреспондент, автор статьи в № 13 «Колокола» от 15 апреля 1858 г., сообщает: «Сочинения и издания Ваши возбуждают живое, горячее сочувствие большей и лучшей части нашего молодого поколения».

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 527.

[2] «Вольное Слово» № 58, 1883, стр. 9.

Между тем, это обилие информаций сильно изменяет осведомлённость журнала. Теперь факты текущей жизни, злоупотребления и извращения крепостного права, скрытые в России, немедленно делаются через «Колокол» достоянием русской общественности, обостряя напряжённость крестьянского вопроса. «Я служу моей родине по-своему, восполняя, сколько могу, недостаток публичности в ней моими изданиями»[1], — может теперь с полным основанием сказать Герцен о характере своего журнала.

Однако редакционные статьи за первое полугодие издания «Колокола» не дают детального проекта освобождения. Редакторы, имея в виду лишь сдвинуть дело с мёртвой точки, считают уместным ограничиться пока только общими принципиальными установками.

«Колокол» сейчас лишь доказывает: во-первых, *необходимость немедленно начать освобождение,* иначе «...мужики решат его по-своему, реки крови прольются»[2].

Это крестьянское восстание, которое могут вызвать крепостники своим противодействием реформе, рисуется «Колоколом» как совершенно неорганизованное, как стихийное бедствие для дворянства. «Второе пришествие Пугачёва»[3], — поясняет один из корреспондентов.

Во-вторых, «Колокол» требует *освобождения с земельным наделом.* Освобождение без земли, какое было проведено в Остзейских губерниях, вызывает отрицательную оценку «Колокола»; «Жалкое освобождение»[4], — называет его заметка в № 4.

Правда, третий принцип, с которым в дальнейшем выступает «Колокол» — необходимость *выкупа надела,* — здесь пока ещё не даётся в деталях. Однако уже имеется

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 131.

[2] «Колокол» № 1 «Что сделано для освобождения крепостных». Как установлено в настоящее время Б. П. Козьминым («Литературное наследство» № 39—40, стр. 359—360), статья эта написана Огарёвым; до сих пор она ошибочно приписывалась Герцену.

[3] «Колокол» № 2, статья «Из Петербурга».

[4] Заметка эта, повидимому, Огарёва, так как начало её является поправкой к сообщению газеты «Nord», которое Огарёв использовал в предыдущем номере «Колокола», в статье «Правительственные распоряжения».

оговорка о «пристрастии» редакции «к общей финансовой мере» — к общему выкупу [1].

Как воспринимались в России эти общие принципы «Колокола», можно судить по читательской оценке в одном из последующих номеров: «Уничтожение крепостного права есть вопрос, возбуждением и правильным пониманием которого, мы, частью, обязаны вам, — обращается автор к редакции «Колокола». — Разумное разрешение этого вопроса, т. е. освобождение крестьян с *землёй,* сделалось нашей первой задачей, нашим пламенным, нетерпеливым желанием. С этой стороны вы вполне достигли вашей благородной цели» [2].

Таков итог обсуждения крестьянского вопроса в «Колоколе» за первое полугодие жизни журнала.

Иное положение создаётся с начала 1858 г.

Царское правительство, всё больше чувствуя опасную сухость в «пороховой бочке» крепостных отношений, делает к концу 1857 г. робкий, но уже бесповоротный шаг рассылкой по губерниям рескриптов Назимову и Игнатьеву.

«Колокол», по его собственному признанию, начинает вторую фазу своей жизни; одновременно в России начинается открытая подготовка реформы. Однако правительство Александра II всё ещё не разрешает (до весны 1858 г.) касаться в русской прессе готовящейся реформы. Но народ уже всюду заговорил о предстоящем освобождении. Корреспонденты своевременно сигнализируют об этом в «Колокол», и на его страницах появляются весьма выразительные сообщения о том, что «в Москве и по губерниям секут беспрерывно крестьян, особенно дворовых, за то, что они говорят об освобождении» [3], о том, что «...теперь уж в каждом помещичьем имении, в каждой господской передней только и разговору, что о свободе» [4]. А один из корреспондентов приводит такой бесподобный диалог, передававшийся по Москве: «В мае (58 г.) на вопрос: довольна ли Москва Закревским? (тогдашним

---

[1] «Колокол» № 4 от 1. X 1857 г.
[2] «Колокол» № 13 от 15. IV 1858 г.
[3] «Колокол» № 12 от 1. IV 1858 г.
[4] «Колокол» № 13 от 15. IV 1858 г.

генерал-губернатором), ближайший к нему чиновник ответил: «Боготворит». — «За что же?» — «Всем исправникам приказано пороть мужиков, чтоб о свободе говорить не смели» [1].

На новом этапе «Колокол» начинает *всестороннее* обсуждение крестьянского вопроса с разбором *деталей* будущей реформы.

Редакция «Колокола» сознаёт, что и здесь время общих слов прошло, что, если бы она продолжала ограничиваться общими принципами, читатели справедливо её укорили бы: «У нас теперь забота растолковать, что такое усадебная земля и сколько десятин пашни дать крестьянину, — ну, где же нам читать ваши декламации!» [2]

Обсуждение деталей крестьянского вопроса начинается разбором только что принятых мероприятий правительства. Как только в конце декабря 1857 г. в иностранной прессе появился перевод рескриптов Александра II, «Колокол» немедленно в первом же январском номере даёт о нём информацию со своей оценкой. Вслед за тем корреспондентами в редакцию доставляется и подлинный текст рескриптов и в нескольких номерах идёт их разбор.

Статьи редакции и корреспондентов в повышенном тоне положительно отмечают самый факт правительственных решений. «Великие события... совершаются в отечестве» [3]; «всё, что только есть теперь в России порядочного, благородного, патриотического, — всё на стороне... реформы» [4].

Но содержание правительственных актов вызывает резкую критику.

«Во всём рескрипте нет ни слова о несправедливости владения людьми, о необходимости искоренения этого зла, не произнесено даже ни разу слово — освобождение», — говорит автор «2-го Невского письма» в № 10 от 1 марта 1858 г.

Туманность текста рескриптов даёт возможность слишком произвольных толкований, выгодных противникам

---

[1] «Колокол» № 25 от 1. X 1858 г.
[2] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 460.
[3] «Колокол» № 7 от 1. I 1852 г.
[4] «Колокол» № 10 от 1. III 1858 г.

реформы. «Что освобождение должно быть с землёй, об этом никто из благомыслящих людей уже не спорит, — продолжает тот же автор. — А между тем, благодаря этой сфинксовой загадке рескрипта петербургские плантаторы начинают толковать, что государь хочет освободить крестьян без земли... Вот первые плоды тёмного языка. Вторая статья (рескрипта) говорит, что «крестьяне должны быть разделены на сельские общества, помещикам же предоставляется вотчинная полиция». Другими словами, — разъясняет автор, — эта статья отдаёт на двенадцать лет спины крестьян под розги помещиков... Не постараются ли наши плантаторы в эти переходные годы содрать с крестьян последнюю кожу и последний грош!»

Приводя в заключение разбора рескрипта его указание генерал-губернаторам наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь в полном повиновении помещикам, не внимали «злонамеренным внушениям», автор восклицает: «Но, если бы рескрипты были ясны и точны, каких тогда бояться внушений? Не разумеются ли уж под этим мнения людей, убеждённых в необходимости освобождения крестьян с землёю? Да русские мужики и сами, без всяких внушений, не понимают иного освобождения... Воли без мирской земли не захочет ни одна земледельческая деревня» [1].

Так при подходе к обсуждению деталей эмансипации «Колокол» ясно заявляет свой принцип о недопустимости иного освобождения, как только с наделением крестьян землёй. Борясь за полную ликвидацию феодальных отношений, он правильно обнаруживает в недомолвках и неясностях рескриптов 1857 г. принципиально иную тенденцию этих правительственных актов.

Скоро «Колокол» уже не удовлетворяется только критикой проектов правительства и начинает публикацию разработанных контрпроектов. При этом редакция «Колокола» первое место даёт корреспондентам. Публикуя в № 13 от 15 апреля 1858 г. полученную статью с таким проектом, редакция считает нужным предпослать следующее замечание: «С искренней радостью печатаем мы эту статью. В общем мы с ней совершенно согласны; мы

---

[1] «Колокол» № 10 от 1. III 1858 г.

сами хотели писать о том же вопросе, но охотно уступаем место новому сотруднику, предоставляя себе право впоследствии поговорить об этом предмете» [1].

Естественно видеть здесь желание редакции поднять активность корреспондентов и тем перевести обсуждение крестьянского вопроса на более широкое основание, захватив им более широкий круг лиц.

Так был опубликован в «Колоколе» первый проект освобождения крестьян.

Автор данного проекта глубоко не удовлетворён основаниями рескрипта от 5 декабря 1857 г.

Изложив их в трёх пунктах, как: 1) право на *всю землю* — помещику; 2) крестьянину — *усадебную оседлость за выкуп;* 3) потребное крестьянину количество земли даётся ему за *барщину или оброк,* автор восклицает: «...это всё и теперь так, из-за чего же хлопотать. *Где оброк и барщина, там нет свободы*». Затем он даёт свой проект освобождения с передачей крестьянам всей земли, которой они владеют фактически, при выкупе её общиной и прилагает детальный расчёт на примерном имении в 100 тягот.

Наконец, в № 14 от 1 мая 1858 г. появляется проект освобождения и от лица редакции «Колокола», разработанный Огарёвым.

Здесь главное внимание уделено деталям организации выкупа надельной земли как общей государственной меры. Предполагалось, — тоже с тщательными цифровыми выкладками — выкупать надел при содействии Опекунского совета. Если этот способ и таил в себе известные осложнения и ограничения (так как через Опекунский совет можно было проводить выкуп лишь заложенных там имений, а незаложенные зависели от личной воли помещика), то всё же со стороны «Колокола» можно видеть здесь шаг вперёд в разработке конкретных условий всеобщности выкупа, тогда как в предыдущих номерах мы встречали то одобрение способа «полюбовных сделок» [2], то даже приветствие откупщику В. А. Кокореву за его идею сбора денег для выкупа [3].

---

[1] «Колокол» № 13 от 15. IV 1858 г.
[2] «Колокол» № 4 от 1. X 1857 г.
[3] «Колокол» № 10 от 1. III 1858 г.

Когда все эти предложения и обсуждения «Колокола» рассматриваем в общем контексте журнала, то ясно становится их «прикладное», деловое значение. Широко опубликовать меры правительства, поддержать «полюбовные сделки» и даже частные сборы для выкупа, организовать и активизировать заинтересованных лиц и, наконец, помочь им практически, представив готовый проект освобождения, — всё это предпринимается «Колоколом» с целью ускорить освобождение, теперь уже поставленное на очередь. Так крепко держит «Колокол» связь с родиной: на новой стадии подготовки реформы в России журнал начинает новую фазу своей жизни.

«Из-за средств спора мы не поднимем» [1], — заявляет теперь «Колокол» о своей готовности поддержать любую меру в пользу готовящегося освобождения.

К средствам влияния «Колокола» на реформу должны быть отнесены и попытки его непосредственного воздействия на правительство.

Этому вопросу редакторы «Колокола» придают большое значение: изменениями своего отношения к правительству они периодизируют даже самую жизнь журнала, а формой воздействия берут и специальные «письма» к царю, и многочисленные персональные обращения к нему, и оценки его действий, вставленные в самых разнообразных статьях и заметках, заполняющих журнал.

1858 год открывается в «Колоколе» целым взрывом приветствий Александру II. Новогодний номер почти весь занят редакционной статьёй, цель которой демонстрировать решительность новой позиции «Колокола». «Мы начинаем 1858 г. приветствием Александру II за начало освобождения от крепостного состояния, — говорит автор Огарёв, правда, ещё скрытый инициалами «Р. Ч.» — Мы убеждены, что он не равнодушно примет это горячее приветствие людей, которым не нужно его бояться, которые для себя лично ничего от него не ждут и ничего не просят, приветствие свободных людей русских — царю, уничтожающему рабство. Мы счастливы, что можем этим начать новый год» [2]. Такой тон статьи, её

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 363.
[2] «Колокол» № 7 от 1. I 1858 г.

размеры и, наконец, лозунг «Освобождение крестьян», крупным шрифтом поставленный как заголовок номера, — всё это должно было показать поворот редакции. Он становится ещё заметнее, когда в № 9 (от 15 февраля 1858 г.) Герцен за полной подписью публикует своё открытое письмо к Александру II «Через три года», начинающееся словами: «Ты победил, Галилеянин». Подчёркивая, что с момента подписания Александром II рескриптов «наше (т. е. «Колокола») положение (sic!) к нему изменилось», письмо заявляет: «Имя Александра II отныне принадлежит истории... Начало освобождения крестьян сделано *им,* грядущие поколения этого не забудут»; и далее в горячих словах выражает уверенность, что намерения Александра, желания «образованного меньшинства» и воля народа — это единое целое, одно напряжение для борьбы с противниками реформы, ценить которую письмо и призывает.

Лишь в конце Герцен делает оговорку: «Что касается до нас, — наш путь вперёд назначен: мы идём с тем, кто освобождает и пока он освобождает; в этом мы последовательны всей нашей жизни» [1].

Заключается же «письмо» признанием редакторов, «что им стало дорого мнение *освободителя крестьян»,* почему они и желают, чтобы Александр II видел в них «противников всему, останавливающему развитие, но не врагов».

В том же номере, непосредственно за «письмом» Герцена, публикуется письмо «от Н. П. Огарёва» — другу Искандеру, где автор говорит, что «с тех пор, как Александр II стал во главе великого дела освобождения крестьян, мне больно прятаться от него под псевдонимом», и просит все его статьи печатать с его именем «и заменить им буквы «Р. Ч.», которых таинственность основывалась на недоверии к власти».

Отдельные одобрения и положительные оценки действий правительства часто повторяются и в последующих публикациях редакции, встречаясь и в статьях корреспондентов.

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 127—128.

Чтобы правильно оценить эти выступления «Колокола» и возможное их влияние в России, надо выяснить, какова там была общественно-политическая атмосфера, когда появлялись из-за границы эти номера «Колокола», и как, с другой стороны, относилась сама редакция к своим декларациям, т. е. были ли они искренним признанием или лишь тактической маскировкой, принятой ad hoc.

Нет сомнения, что эти либеральные колебания Герцена были порождены тем, что он «принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьёвич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако, справедливость требует сказать, что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх» [1].

Идя на известное сближение с либералами, Герцен в то же время «боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем» [2].

Герцен поддерживает обширную переписку со своими «московскими друзьями», в которых он видел в то время бескорыстных сторонников освобождения крестьян, не понимая классовой природы либерализма.

Либералы в свою очередь пытались направить «Колокол» на путь умеренных требований и лояльного отношения к правительству. Так, Н. А. Мельгунов в начале 1858 г. писал Герцену: «...делай то, что теперь делаешь, только в ещё сильнейшей степени — печатай все гнусности, глупости и злодейства, казни их беспощадно, с лицами, именами и пр..., но обходись *ещё* осторожнее с императорской фамилией, тем более, что теперь она, положа руку на сердце, далеко не самое гнусное, что есть в России... Вы скоро можете, не краснея, подать

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 466—467.
[2] Там же, стр. 468.

друг другу руку с Александром II и считать друг друга союзниками на благо и счастье России»[1]. И. С. Тургенев в письме к Герцену от 7 января 1858 г. говорит о сочувствии «Колоколу» даже со стороны Василия Петровича Боткина[2].

Помимо своих личных постоянных корреспондентов (Тургенева, Кавелина, Анненкова, Сатина и др.) Герцен получал теперь громадное количество писем, заметок, статей и материалов для «Колокола». Сообщая М. К. Рейхель 12 ноября 1857 г. о своей издательской работе, Герцен говорит: «Наше дело растёт и растёт»[3]. А немного спустя тот же Мельгунов, оценивая последний полученный им № 5 «Колокола», пишет Герцену 2 декабря 1857 г.: «...я вижу с радостью, что число твоих корреспондентов увеличивается и что ты всё более и более находишь сочувствия в России»[4]. Тургенев в начале 1858 г. говорит ещё выразительнее: «...получил № («Колокола». — *З. Б.*) от одного из твоих пламеннейших поклонников — (имя им легион)»[5].

Такие связи определили полную осведомлённость Герцена о настроениях русского общества и создавали уверенность, что в своих выступлениях «Колокол» отражает взгляды передового большинства в России. «Мы поставили, — говорит редакционная статья в № 18 от 1 июля 1858 г., — эпиграфом «Vivos voco!» Где же живые в России? ...*Живые,* — это те рассеянные по всей России люди мысли, люди добра всех сословий, мужчины и женщины, студенты и офицеры, которые краснеют и плачут, думая о крепостном состоянии, о бесправии в суде, о своеволии полиции, которые пламенно хотят гласности, которые с сочувствием читают нас.

«Колокол» — их орган, их голос...»[6]

Частная переписка Герцена и здесь даёт интересные дополнения. В письме к Ив. С. Аксакову от 13 января

---

[1] «Вольное Слово» № 58, 1883 г.

[2] «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 116.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 47.

[4] «Вольное Слово» № 58, 1883 г., стр. 9.

[5] «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 115.

[6] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 267.

1858 г., т. е. как раз в момент подготовки февральских номеров «Колокола», Герцен прямо говорит: «Совет ваш насчёт Ал. Ник. (царя. — *З. Б.*) исполню, тем больше, что он согласен с моим искренним убеждением» [1]. Можно с достаточным основанием предположить, что публикация открытого письма была шагом, который совпадает с этим «искренним убеждением». Этот шаг Герцен в письме к М. К. Рейхель от 10 февраля 1858 г. называет своим «замирением с Александром II» [2].

К моменту выхода № 9 «Колокола» от 15 февраля 1858 г. (с указанным обращением к Александру II) Герцен сообщает в письме Мейзенбуг: «Нам пишут со всех сторон, чтобы мы всё отложили в сторону и лишь муссировали вопрос об эмансипации» [3].

Не менее доказательны письма лета 1858 г.

К этому времени поступают новые вести из России, свидетельствующие о симптомах роста правительственной реакции — об усилении цензуры, об опубликовании «программ для занятий Губернских Комитетов», а вскоре затем — и об утверждении царём проектов Главного Комитета. Позиция передовых кругов в отношении правительства нашла свое выражение в «Современнике», где новые мероприятия правительства встречают резко отрицательную критику, лишь сдерживаемую рогатками цензуры. Либеральные круги тоже были недовольны Александром II, но надеялись ещё некоторыми своевременными мерами, направленными к ускорению реформы, мирно разрешить социальную задачу.

И «Колокол», выдерживая свою программу, продолжает с ними контакт. Статья Герцена к годичному юбилею журнала (в № 18 от 1 июля 1858 г.) обнаруживает новое отношение «Колокола» к правительству. Начинается третья фаза его жизни, в которой приёмами укоризны и умеренной критики он пытается удержать Александра II на пути реформ. В «Колоколе» этого времени читаем: «...в продолжение этого года сбылось одно из наших пламеннейших упований... началось освобождение крестьян. Но на душе не легче и чуть-ли мы

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 123.
[2] Там же, стр. 124.
[3] Там же, стр. 125.

в этот год не сделали шаг назад. Причина очевидна, мы её скажем прямо и мужественно: Александр II не оправдал надежд, которые Россия имела при его воцарении... И наш «Колокол» напрасно звонит ему, что он сбился с дороги... Нам показалось, что живые есть в самом дворце, мы обращали нашу речь к ним, мы не раскаиваемся в этом. Как бы то ни было и что бы ни случилось, но государь, положивший начало освобождению крестьян, заслужил великое имя в истории... Но говорить нам с ним нечего» [1].

А письмо Герцена к Анненкову, совпадающее со временем написания этой статьи, точно указывает: «Статья моя именно в том роде, какую вам желается, — печально и твёрдо» [2].

Вскоре другому личному корреспонденту Герцен пишет: «Из России новости отвратительные. Вот тут с ними и нежничай! Глупость большой порок, а наш молодой человек (т. е. Александр II.—*З. Б.*) — из одной ошибки в другую» [3].

Приведённые письма, вводя в закулисную жизнь редакции «Колокола», не только подтверждают его крепкую связь с русской жизнью, но и раскрывают внутренние побуждения редакции при её тактических поворотах.

В искренности руководителей «Колокола» нет сомнения — они искренне стремятся добиться полной отмены крепостных отношений и ускорить освобождение крестьян любыми средствами; и так же искренне убеждены, что слово людей, отражающих чаяние всей передовой России (а для этого убеждения у них были, как мы видим, основания), может повлиять на правительство; что правительству не безразлично их одобрение или порицание. Когда они отвечают на упрёки своих критиков, укоряющих их в непостоянстве политического направления [4], они и здесь вполне искренни, говоря, что начало поворотов идёт не от них и что повороты «Колокола» лишь отражение событий в России.

По существу отношение «Колокола» к правитель-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 262—267.
[2] «Звенья», т. III—IV. «Academia», М.—Л. 1934, стр. 397.
[3] «А. И. Герцен. Новые материалы», стр. 81.
[4] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 362.

ству за весь предреформенный период в основном остаётся неизменным. Стремление оказывать на него влияние, конечно, объясняется не сознанием безнаказанности из заграничного далека разговаривать с царём «egal á egal» (как с равным), как объясняли это в кругах крепостников, враждебных «Колоколу»[1]. Причина здесь лежит гораздо глубже. Она вытекает из общественно-философских взглядов редакторов «Колокола», которые можно усмотреть в общих высказываниях их журнала.

В ряде статей, и в начале издания «Колокола» и позднее, мы не раз встречаем оценку актов царской власти, встречаем замечания о возможной деятельности царского правительства и отдельных социальных групп и о желательном её направлении. То царская воля рисуется изолированной благородной силой, сообразоваться с которой приглашаются «Колоколом» наиболее благоразумные из помещиков; о самих же помещиках в их большинстве говорится, что они «враждебны намерениям правительства»[2]. То царская власть изображается независимой от «гнилого, своекорыстного, дикого, алчного противодействия закоснелых помещиков»[3]. То указывается, что «правительство... обязано развязать крестьян с помещиками общей финансовой мерой, ...если не хочет, чтобы народ развязался по-своему»[4]. То правительство образно показано живущим своей, особой от страны жизнью: «...а правительство пусть себе живёт на дворцовой набережной... пока от старости... глаза закроются», в то время как вся страна пойдёт вперёд в общественной самодеятельности[5]. То, наконец, прямо говорится: «Правительство — судья между двумя тяжущимися», имея в виду крестьян и помещиков[6]. Отсюда естественно сделать вывод, что для редакторов «Колокола» власть царского правительства представляется явлением, стоящим *вне* отдельных социальных групп и их борьбы.

---

[1] См. «Из записок сенатора К. Н. Лебедева», «Русский архив» 1889 г., I, стр. 150.

[2] «Колокол» № 7, статья Огарёва «Освобождение крестьян».

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 127.

[4] «Колокол» № 30/31 от 15. X 1858 г.

[5] «Колокол» № 73/74 от 15. VI 1860 г.

[6] «Колокол» № 63 от 15. II 1860 г.

В то же время, признавая «здравый смысл — единственным мерилом наших действий и двигателем народностей по историческому пути» [1], редакция «Колокола» считает, что сила царской власти моральным воздействием и логическими доводами может быть повёрнута в любую сторону.

Отсюда и повороты «Колокола», рассчитывающего то одобрением, то порицанием «выправить» линию поведения правительства в деле реформы.

А поскольку Александр II признаётся ещё потенциально благорасположенным ко всем передовым идеям, так как он ещё «никого не казнил, никого не ссылал на каторжную работу за мнения... и, никто иной, [как он], поднял крик «освобождения крестьян» [2], то в «Колоколе» не раз ещё возрождаются надежды на его прогрессивную деятельность.

Между тем, к осени 1858 г. дело освобождения ещё шире захватывает «Колокол»: с октября начинается в нём публикация «материалов по крестьянскому вопросу». Сперва здесь даются сообщения корреспондентов о деятельности Главного Комитета по крестьянским делам, а затем материалы с мест в связи с деятельностью губернских комитетов. Вообще с началом работ губернских комитетов «Колокол» обращает сюда своё внимание с надеждою именно здесь видеть успешное продвижение крестьянского дела при содействии передового дворянства.

Повидимому, те надежды на образованное дворянское меньшинство, которые, исходя ещё из заветов и примера декабристов, диктовали Герцену его горячий листок 1853 г. «Юрьев день» и Огарёву его статью «Русские вопросы» во второй книге «Полярной Звезды» (за 1856 г.), не покидают редакторов «Колокола» и теперь. Это надежды на «...мыслящих людей в России, людей прогресса и науки, людей практических и живших с народом... (которые) сумеют... не только ясно понять и формулировать чего они хотят, но сверх того сумеют понять за народ его желания и стремления», —

---

[1] «Колокол» № 12 от 1. IV 1857 г., статья Огарёва «Русские вопросы».

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 461.

как говорит редакционная статья в № 2 «Колокола» от 1 августа 1857 г.

Приветствуя в начале 1858 г.[1] инициативу нижегородского дворянства (по организации губернского комитета), Огарёв выражает уверенность, что упорство крепостников здесь будет сломлено: «Дело решено. Вперёд, Россия, вперёд», — заканчивает он.

Деятельность губернских комитетов «Колокол» показывает протоколами и постановлениями заседаний; их подлинный текст своевременно доставляют корреспонденты.

Параллельно такой публикации материалов «Колокол» выполняет и совет одного из корреспондентов — уделять место различным частным проектам освобождения, с тем чтобы «таким сосредоточением мнений дать современное описание положения вопроса»[2]; и на страницах журнала продолжается дискуссия по конкретным вопросам отдельных проектов. В центре её — вопрос о выкупе надельной земли, уже поставленный ранее в «Колоколе» и поддержанный в редакционном проекте Огарёва[3] и в статье Герцена[4].

Позиция «Колокола» в этом вопросе, повидимому, взволновала его читателей: уже через два номера (в № 17 от 15 июня 1858 г.) редакция помещает информацию о полученном возражении, которое и публикуется в следующем листе[5].

Редакторы «Колокола» с большим вниманием отнеслись к этому выступлению и благодарят автора за его «превосходное возражение»; кроме того, пишут они, хотя «статья не подписана», но «ex ungue leonem» (т. е. «по когтям узнаём льва») — так выражает «Колокол» своё уважение к оппоненту в тон его эмоциональному, классическому обращению: «Et tu quoque Brute! (И ты, Брут!)». Уже одно это обращение показывает, что позиция «Колокола» была неожиданной для оппонента, что он предполагал встретить иную оценку выкупа,

---

[1] «Колокол» № 7 от 1. I 1858 г.
[2] «Колокол» № 18 от 1. VII 1858 г.
[3] «Колокол» № 14 от 1. V 1858 г.
[4] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX стр. 234.
[5] «Колокол» № 18 от 1. VII 1858 г.

и дружески убеждает, надеясь доказать редакции преимущества своего проекта освободить крестьян *с землёю без выкупа* с урезанным наделом, допуская лишь в крайнем случае некоторое вознаграждение помещикам.

«Как! — восклицает оппонент.— И «Колокол» требует, чтобы русский мужик выкупил свои человеческие права с клочком пóтом и кровию орошённой им и его предками земли! Et tu quoque, Brute! Но скажите, ради бога, как, почему, за что крестьянин должен нести бремя выкупа, как бы он маловажен ни был?»

Доказав далее недопустимость выкупа с моральной, исторической и юридической точек зрения, автор пространно разъясняет и экономическую несостоятельность этой меры: крестьянин не в состоянии будет заплатить налагаемую на него сумму выкупа.

Затем он переходит к положительной части своего проекта: «Я предлагаю отделить из всей земли каждого селения, за исключением лесов, третью часть и предоставить оную во владение сельской общины, безвозмездно, с тем, чтобы эта третья часть ни в каком случае не превышала трёх десятин на тягло.

Вместе с сим я предлагаю употребить 30 или 40 млн. руб. сер. на вспоможение тем из мелкопоместных помещиков, кои потерпят особенный ущерб от невозможности располагать всеми силами своих крестьян попрежнему».

Автор предвидит два возможных возражения на его проект: «1) Безвозмездность наделения крестьян землёю; 2) недостаточность земли, отделяемой для крестьян». Опровергая первое, автор не повторяет своих прежних доводов, не желая «входить в изыскания о праве помещиков на землю, о справедливости безвозмездного наделения крестьян землёю и т. п. Все такие изыскания не ведут ни к чему, — говорит он и подходит к делу с другой стороны. — Главный практический вопрос состоит в том: потерпят ли помещики ущерб от такого узаконения? Или, другими словами: сохранят ли остающиеся две трети земли за помещиком прежнюю свою стоимость, или возвысятся или понизятся в цене своей? Ответ не может подлежать никакому сомнению в глазах людей добросовестных. Возможность владения землею для всех состояний в государстве неминуемо возвысит ценность

земли повсеместно; так что остающиеся за помещиком две трети земли будут стоить более, нежели вся земля, прежде бывшая в его владении... Впрочем, — оговаривается автор, — признавая безвозмездное наделение крестьян одной третью земли вполне справедливым, я всем сердцем желаю, чтоб правительство могло найти средства дать хотя некоторое вознаграждение помещикам за сию одну треть. Только я думаю, что правительство, в выгодах государственных, должно, определяя сие вознаграждение, сообразоваться не с чем иным, как со способами казначейства». Предполагая, что нужная сумма может быть получена правительством от внешнего займа и от особых налогов, автор заканчивает заявлением, что, по его убеждению, «многие помещики откажутся от вознаграждения за одну треть земли, уступленной крестьянам».

Переходя затем ко второму возможному возражению, автор считает его «весьма основательным. Но, — говорит он, — признавая необходимость освобождения с землёю безвозмездно, я должен был стремиться к возможному ограничению количества, отходящего от помещика к крестьянам. Уменьшить ниже трёх десятин на тягло количество земли мне показалось невозможным, не поколебав в сильной степени основания, на котором должно устроиться самобытное, независимое состояние земледельческое. Но сия ограниченность наделения имеет и свои выгоды, по крайней мере относительные, если не положительные. Во-первых, она лишает помещика по возможности самой меньшей части земли; во-вторых, обеспечивая более или менее, по крайней мере прокормление крестьян... она указывает им на необходимость искать дальнейших средств существования в найме земли помещичьей».

Так, в конечном счёте, к защите интересов помещиков сводит свою мотивировку этот принципиальный противник выкупа [1].

Из ответа Огарёва своему критику и последующей переписки их на страницах «Колокола» видно, что этот оппонент не на много ошибся, ожидая найти в журнале

---

[1] «Колокол» № 18 от 1. VII 1858 г.

иную оценку выкупа. Огарёв прямо и говорит: «*Внутренне* я очень согласен на безвозмездное наделение крестьян землёю. Но *опыт* доказывает, что применение его невозможно. Большинство помещиков не согласится не только на безвозмездное наделение землёю, но едва согласится на выкуп» [1].

Эта «деловая» уступка вопреки принципу не легко, повидимому, далась редакции «Колокола». Во многих последующих номерах журнала Огарёв снова и снова возвращается к вопросу о выкупе. Он стремится оправдать свою позицию, доказывая, что только признанием выкупа, поставленного как общая государственная мера, можно гарантировать крестьян от злоупотреблений всяческих «полюбовных сделок» и устранить гибельный для них срочно-обязанный период; что надо «признать выкуп земель не на том основании, чтобы было какое-нибудь действительное помещичье право на землю, а на том основании, что выкуп обойдётся обеим сторонам дешевле, чем распря и настоящий бой...» Это Огарёв пишет в № 77/78 от 1 августа 1860 г. А через два номера снова повторяет: «Для выкупа помещичьих крестьян мы видим не юридическое основание, а основание необходимости; при борьбе двух сословий, дать помещикам выкуп за землю обойдётся крестьянам *дешевле,* чем бунтовать; для помещиков отдать — ложно считаемые ими своими — крестьянские земли за самый ничтожный выкуп — *выгоднее,* чем гибнуть во время крестьянского восстания» [2].

Так и в вопросе выкупа видно всё то же стремление «Колокола» временными уступками устранить возможные осложнения и ускорить тем проведение реформы в интересах крестьян, с полным наделением их землёю.

Правда, настаивая на обязательности выкупа, редакция «Колокола» не только не обрывает дискуссии со своим оппонентом, но просит его продолжать и свою полемику [3] и свои корреспонденции в «Колокол» [4]. Воз-

---

[1] «Колокол» № 38 от 15. III 1859 г.
[2] «Колокол» № 80 от 1. IX 1860 г.
[3] «Колокол» № 40/41 от 15. IV 1859 г.
[4] «Колокол» № 38 от 15. III 1859 г.

можно, однако, что здесь имело влияние и персональное отношение редакции к автору.

Кто он? На тех же страницах «Колокола» мы встречаем ряд указаний, достаточных, чтобы высказать догадку об общественном облике и положении этого корреспондента. Уже в первых намёках информации об его статье редакция, как мы видим, относится к нему весьма почтительно, что в дальнейшей переписке усиливается соответствующими выражениями, например: «Искренне и с глубоким уважением жму вашу почтенную руку» [1]. А когда Огарёв отвечает ему на первое возражение глубоко прочувствованной статьёй, то начинает её таким значительным обращением: «Мой почтенный и благородный критик... которого я уважаю, как одного из представителей священной для меня традиции» [2].

Такие указания заставляют предполагать, что в лице этого защитника безвозмездного наделения землёю крестьян при освобождении мы встречаем одного из декабристов, активно переживавшего предреформенную подготовку, убеждённого в важности такого радикального решения крестьянского вопроса и старающегося убедить в этом и редакцию «Колокола».

Но «Колокол» остаётся при своих взглядах. Он даже не поддерживает, а ограничивается лишь опубликованием такого, казалось бы, близкого ему взгляда его «почтенного критика»: «при эмансипации должно быть *искупление* со стороны помещиков, а не *выкуп* со стороны крестьян» [3].

А в дальнейшем вопрос о выкупе надела, имеющем решающее значение в отмене феодальных отношений, естественно, играет большую роль при оценке «Колоколом» и тех практических шагов, которые делаются в России в официальной подготовке реформы.

---

[1] «Колокол» № 38 от 15. III 1859 г.
[2] Там же.
[3] «Колокол» № 40/41 от 15. IV 1859 г.
Только некоторый отклик этого взгляда встречаем мы в признании редакцией необходимости бесплатного освобождения дворовых «во искупление» дворянских грехов» («Колокол» № 61 от 15. I 1860 г., примечание редакции к сообщению «Тверской Комитет»).

Комментарии и примечания редакции к упомянутым публикациям протоколов губернских комитетов из месяца в месяц становятся всё более резкими. «Колокол» не удовлетворён ни темпами их работ, ни направлением.

«Работы петербургского и московского комитетов плетутся кое-как, — читаем в отрывках письма «Из внутренности России» [1]. «Нижегородское дворянство, несмотря на то, что Комитет существует с ранней весны, ничего не сделало, большинство проникнуто сознанием необходимости выработать такие начала, которые заставили бы крестьян жалеть о теперешнем порядке. Такими же чувствами одушевлены Тамбовцы, Саратовцы и, в особенности, Пензенцы» [2].

Проходит ещё несколько месяцев, и «Колокол» оценивает работу губернских комитетов ещё более отрицательно. Подводя итоги работам Московского комитета, Огарёв пишет: «С подобными комитетами Россия будет волочиться в грязи, а не итти вперёд по пути своего развития... Выход один: выкуп. Но не выкуп усадебной земли, а выкуп всей земли, какую имеют в пользовании помещичьи крестьяне... без переходного состояния, и разом для всей России» [3].

Если в данном случае выкуп рассматривается «Колоколом» как средство бороться с тенденциями крепостников провести безземельное освобождение, то, получив затем материалы проекта Ростовцева, «Колокол» в идее выкупа, принятого последним, усматривает положительную эволюцию взглядов Ростовцева и прекращает его политическое преследование. Известно, каким нападкам на страницах «Колокола» подвергался Ростовцев с момента усиления своего влияния в правительственных сферах. Сначала это были отдельные выпады в общих статьях; в них осмеивалась его роль при восстании декабристов, его, «20-летнего юноши, горевшего любовью» к царскому престолу, который, как сказано в верноподданнической брошюре барона Корфа, «в порыве молодого и неопытного энтузиазма» сделал... — добавляет «Колокол», — донос на товарищей. Этот «энтузиазм»

---

[1] «Колокол» № 25 от 1. X 1858 г.
[2] Там же.
[3] «Колокол» № 35 от 1. II 1859 г.

Иакова Ростовцева «Колокол» не забывает буквально при каждом упоминании его имени и затем помещает специальные заметки, в прозе и стихах, ещё более дискредитирующие его как предателя декабристов. А в то время авторитет «Колокола» в России был настолько велик, что эта кампания журнала против Ростовцева отразилась даже, как сообщала иностранная пресса, на его официальном положении [1].

Но вот проходит полгода, и позиция Ростовцева в крестьянском деле меняет к нему отношение «Колокола»: в итогах анализа его проекта освобождения в № 42/43 от 1—15 мая 1859 г. читаем: «...если генерал покаялся и хочет явиться свободным гражданином России — тем лучше».

Как рассказывает член Редакционной комиссии Н. Семёнов, Ростовцев действительно много делал для ускорения реформы и настолько стремился всесторонне выяснить все её условия, что прислушивался к мнению «Колокола» по крестьянскому делу; он даже имел разрешение царя получать «Колокол» для Редакционной комиссии [2].

Итак, «Колокол» одобряет финансовый проект Ростовцева о выкупе крестьянами земельного надела и совершенно правильно расценивает «идею выкупа» в проекте Ростовцева; он говорит, что она сдала в архив проекты губернских комитетов, которые исходили из инструкции Главного комитета, основанной на других принципах и ставившей задачей губернских комитетов лишь «улучшение быта крестьян». Теперь, отмечает «Колокол», правительство пришло к более широкому понятию — *«освобождению крестьян с землёю»*.

Но в то же время «Колокол» совершенно не согласен с административным проектом Ростовцева, в котором видит сохранение крепостных отношений в оставлении за помещиком права вмешиваться в дела крестьянского мира, права высылать крестьян из своего имения и пр. [3] Впрочем, «Колокол» не меняет к Ростовцеву благожела-

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 389.
[2] См. *Н. М. Семёнов,* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II, т. I, Спб. 1889, стр. 114.
[3] «Колокол» № 42/43 от 1—15. V 1859 г.

тельного отношения, советует ему развивать деятельность сообразно первому (финансовому) проекту и, указывая противоречия его двух проектов, считает второй «личиною перед дворянством, закрывающей первый».

Анализ проектов Ростовцева заканчивается таким патетическим обращением к Александру II: «Пришла, пришла пора общественного подвига. Как некогда тёмный мещанин Минин вызывал на битву за Русь князя Пожарского, — мы, безвестные книгопечатальщики, зовём государя на гражданский подвиг освобождения» [1].

Такой прилив доверия «Колокола» к правительству Александра II не случайно совпадает с разочарованием журнала в деятельности губернских комитетов. Предположения «Колокола» о возможности преобладающего влияния в них образованного дворянского меньшинства не оправдались. Получаемые и публикуемые в журнале материалы показывают стремления губернских комитетов, за незначительным исключением, ограничить реформу лишь минимальными уступками крестьянам, т. е. предоставить личную свободу за выкуп, без земельного надела, и вообще, насколько возможно, сохранить феодальную зависимость.

Но «Колокол» не сразу отказывается от своих прежних надежд на дворянство. Напечатав несколько губернских проектов чисто реакционного характера [2], «Колокол» внезапно прерывает публикацию этих материалов и, что особенно примечательно, в нескольких номерах журнала совершенно не касается крестьянского вопроса. Это впервые с начала издания.

Но и вернувшись к публикации подлинников, «Колокол» всё ещё не касается работ губернских комитетов; теперь журнал печатает тексты частных проектов: А. М. Унковского — в № 39 от 1 апреля 1859 г., В. А. Панаева — в приложении к № 44, а потом переходит к анализу проектов Ростовцева и дискуссии о них.

Создаётся впечатление, что редакция «Колокола» выжидает более подробных информаций, чтобы дать окончательную оценку работ губернских комитетов.

---

[1] «Колокол» № 42/43 от 1—15. V 1859 г.
[2] «Колокол» № 30/31, 32/33, 34, 35.

В частной переписке Герцена мы уже весной 1859 г. имеем об этом определённый отзыв; в письме к Мишле Герцен пишет: «Вообще, великое дело освобождения крестьян вместе с землёю не останавливает своего хода. Оппозиция дворянства очень велика, и это равносильно полному самоубийству, потому что освобождение будет, во что бы то ни стало, и дворянство, ненавидимое народом и сокрушённое правительством, потеряет всякое политическое значение» [1].

А в июльских номерах 1859 г. и в «Колоколе», наконец, читаем то же самое, даже в более резкой форме. Здесь, подводя итог ранее опубликованным протоколам и в частности протоколам Московского комитета, редакция указывает, что она берёт на себя «горькую обязанность сохранить для потомства документы того, насколько в половине XIX-го столетия *русское дворянство хотело зла русскому народу*» [2].

И теперь «Колокол», верный своему взгляду на царскую власть, апеллирует прямо к ней: «Благо есть власть, пусть же она берёт на себя право первого человеческого шага в русской жизни и провозгласит выкуп, определённый не помещиками, а возможностью и статистическими данными — выкуп обязательный» [3].

Конечно, действительность была очень далека от этих желаний «Колокола»; и когда в Лондон через корреспондентов доходит, и, надо сказать, очень быстро, проект «Положения» редакционных комиссий, правда, ещё не утверждённый царём, но фактически не противоречащий его намерениям, «Колокол» вынужден немедленно начать его беспощадную критику.

«Переходное, срочно-обязанное положение», ненужность и опасность которого, как источника крестьянских волнений, доказывает Огарёв от лица редакции [4], и полное устранение заинтересованных крестьян от решения насущных для них вопросов [5] — всё это вызывает горячее возмущение «Колокола».

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 552.
[2] «Колокол» № 48 от 15. VII 1859 г. (Курсив мой. — *З. Б.*).
[3] «Колокол» № 47 от 1. VII 1859 г.
[4] «Колокол» № 51 от 1. IX 1859 г.
[5] «Колокол» № 54 от 15. X 1859 г.

«Из России — сумбур... Ростов[цев], говорят, сошёл с ума. В Петербургском университете из 300 студ. приняли 75 человек» [1], — так констатирует Герцен в частном письме этого времени крепнущую в России реакцию.

Поэтому более тревожно звучит и обращение «Колокола» к Александру II в новогодней статье: «Государь, проснитесь, новый год пробил нового десятилетия, которое, может, будет носить ваше имя, но ведь нельзя одной и той же рукой ярко и светло записывать своё имя в историю, как освободитель крестьян, и подписывать нелепые повеления против свободной речи и против молодости юношей. Вас обманывают, вы сами обманываетесь... Велите снять маски и посмотрите хорошенько, кто друзья России... Вам это потому вдвое важнее, что ещё друзья России *могут быть* и вашими» [2].

А через два месяца, дав в траурной кайме сообщение о назначении графа В. Н. Панина председателем редакционных комиссий, на место умершего Ростовцева, Герцен в редакционной статье заявляет:

«Глава самой дикой, самой тупой реакции поставлен главою освобождения крестьян... Тон царствования изменился, с ним должны измениться и все отношения. Члены редакционных комиссий... должны тотчас подать в отставку.

Меньшинство дворянства (курсив мой. — *З. Б.*) должно... взять в свои руки дело освобождения крестьян... Мы недавно советовали государю сорвать маски с своих приближённых; он её снял с себя... и это не так дурно! *Истина прежде всего,* — истина...

Что касается до нас, наша дорога ясна, — об ней мы поговорим в другое время» [3].

Активность читателей заставила «Колокол» заговорить об этом очень скоро.

Через месяц, в № 68/69 от 15 апреля 1860 г. Герцен объясняет, что «*множество* (курсив мой. — *З. Б.*) писем, полученных нами в последние 10 дней», вызвано было потребностью у «испуганных, удивлённых людей... за-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 158.
[2] Там же, стр. 194.
[3] Там же, стр. 236—237.

явить своё негодование, свой крик боли, вслед за неожиданным воскресением николаевского времени».

Позиция «Колокола» в это время выражалась вполне определённо: дольше он не считает возможным поддерживать правительство Александра II.

«Нас упрекнуть нельзя. Мы держались до последней крайности, до открытой измены... когда главный поток шёл своим руслом, — теперь другое дело!

Прощайте, Александр Николаевич, счастливого пути!.. Нам сюда» [1].

Письмо Герцена к m-lle Рив от того же времени помогает уточнить позицию «Колокола». «В России, — пишет Герцен, — сильная реакция среди правительства.

У Александра II большая власть, великая сила — сила глупости. Против тупости нет оружия» [2].

Значит, редакторы «Колокола» причину перемен внутренней политики России в первую очередь видят в персональных недостатках царя, «не понимающего», что ему «разумнее» было бы заботиться о большинстве населения, и потому «изменяющего» интересам народа.

И если здесь слышится отказ «Колокола» поддерживать царское правительство, то в недалёком будущем «угрюмые события», как называет «Колокол» растущую в России реакцию, заставляют его сделать дальнейший вывод. В статье «За пять лет» читаем:

«...пора свои дела делать самим...

Убедимтесь, что от правительства ждать нечего».

Заканчивается статья ещё более значительным заявлением: «Ослабим правительство нашим неучастием» [3].

В «Колоколе» это была повторная публикация статьи. Она была написана и издана ранее как введение к сборнику политических статей Герцена и Огарёва под заглавием «За пять лет». Это показывает всю важность затронутого вопроса для издателей журнала. Недаром и самый сборник называют они «пограничным столбом» в их отношении к правительству.

Мысль об изоляции и, через то, ослаблении прави-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 290.

[2] Там же, стр. 296. Рив — английская общественная деятельница, к которой Герцен относился с большим уважением.

[3] Там же, стр. 318, 320.

тельства повторяется и далее на страницах «Колокола» и находит конкретное выражение в проекте Герцена составить «Союз воздержания от телесных наказаний» [1], будущим членам которого предлагается действительным прекращением битья крепостных фактически отменить телесные наказания, игнорируя правительство.

С этим предложением Герцен обращается к «образованному меньшинству дворянства», степень образования которого, «его поведение в губернских комитетах, его совершеннолетие, выразившееся в желании самоуправления, — всё это, — говорит он, — несовместимо с диким битьём и сечением крепостных» [2].

Как показательна для Герцена в последний год перед реформой эта попытка выделить хоть какое-то меньшинство дворян с надеждой на их прогрессивную деятельность! Факты русской жизни, в изобилии сообщаемые ему корреспондентами и столь же щедро помещаемые им в каждом номере «Колокола», уже привели его в то время к убеждению, что дворянство в целом — это «гнусная, позорная, не аристократическая каста, а каста палачей и плантаторов» [3]. Однако прежние связи, близость по происхождению к «помещичьей, барской среде» [4], культ традиций декабристов всё ещё заставляют его в этой же среде искать передовых деятелей, что и отражается, как видим, в тенденциях журнала.

Между тем, недоверие «Колокола» к правительству растёт, и ту же мысль — об ослаблении правительства общественной самодеятельностью — встречаем в проекте «организации выкупа» надельных земель при освобождении *«помимо правительства»* [5].

Этот проект подробнее изложен в новогодней статье Огарёва, где правительственное «предстоящее освобождение» называется «канцелярским» и «свобода» — поддельною [6].

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 355.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 293.
[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 466.
[5] «Колокол» № 73/74 от 15. VI 1860 г. и № 81 от 15. IX 1860 г. (Курсив мой. — *З. Б.*).
[6] «Колокол» № 89 от 1. I 1861 г.

Повышение резкости тона «Колокола» по адресу правительства было тотчас замечено читателями, и в начале 1861 г. Герцен получает указание о настроении либералов в частном письме своего постоянного в то время корреспондента И. С. Тургенева. «Просят тебя, — пишет он, — очень щадить велик. кн. Конст(антина) Ник(олаевича) в твоём журнале, потому что, между прочим, он, говорят, ратоборствует, как лев, в деле эмансипации против дворянской партии, и каждое твоё немилостивое слово больно отзывается в его чувствительном сердце» [1]. Письмо это, как видим, очень характерно для тех общественных кругов, с которыми был тесно связан Тургенев, — здесь и противопоставление себя «дворянской партии», т. е. крепостникам, и надежды на великокняжескую помощь, украшенную демократическими тенденциями.

По отдельным заметкам в разделе «Колокола» «Смесь» можно судить, что редакция журнала имела сведения по крестьянскому делу, не совпадающие с этой либеральной идиллией: о губернаторских кандидатах в губернские по крестьянским делам присутствия; о переселениях помещиками крестьян на болото перед реформой; о назначении флигель-адъютантов для усмирения *ожидаемых* крестьянских волнений. Однако, опасаясь, повидимому, неосторожным выступлением сыграть наруку крепостникам, затягивающим реформу, «Колокол» предпочитает иногда молчать: в дни завершения подготовки реформы в журнале нет ни статей, ни корреспонденций по крестьянскому вопросу. По письмам Герцена видно, как не легко ему было это молчание, — с недели на неделю его волнение возрастает. 7 марта 1861 г. Герцен пишет Тургеневу: «...эти дни—не жизнь, а судорожное пережигание себя» [2], и просит Тургенева немедленно сообщать ему все новости из России, «а если очень важно», то и телеграфировать. А через несколько дней признаётся: «Я одурел от беспокойного ожидания и от досады, что не могу ехать» [3]. И в это время прорывается в «Колоколе» его горячая статья «Накануне». «Если б можно

---

[1] «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 132—133; *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 7.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 43.
[3] Там же, стр. 46.

было, — пишет здесь Герцен, — ещё раз сказать: «Ты победил, Галилеянин!», как громко, как от души сказали бы мы это»[1].

Но события в России заставляют «Колокол» говорить совсем другое: № 94 открывается ещё более взволнованной статьёй «Духу не достало!» по поводу отсрочки объявления манифеста 19 февраля: «Эта отсрочка, это ожидание — сверх сил человеческих. Тоска, тоска и страх!»[2]

Однако в том же номере, в заметке «15 марта. Последние новости» «Колокол», сообщая об утверждении Александром II главных оснований освобождения, так говорит о нём, повторяя, видимо, информацию своих либеральных корреспондентов: «Государь до конца отстаивал крестьян с величайшею твёрдостью против рассвирепевших крепостников»[3].

Наконец, когда на страницах «Колокола» появилось долгожданное слово «Манифест»[4], Герцен приветствует Александра II именем *«Освободителя»*, благожелательно обращается к великому князю Константину Николаевичу и снова в приливе надежд на их деятельность призывает сделать «скорее, скорее *второй шаг». «Черёд за гласностью»,* — заканчивает Герцен статью, с удовлетворением отмечая, что третье требование «Колокола» — отмена телесных наказаний — уже поставлено на очередь намерением Константина Николаевича отменить их во флоте.

В конце этого номера публикуется объявление от Вольной русской типографии и издателей «Колокола» о праздновании ими 10 апреля 1861 г. в Orset House (дом Герцена) «начала освобождения крестьян», на которое приглашается «каждый русский, сочувствующий великому делу».

С каким волнением готовится Герцен к этому дню, видно из сохранившегося чернового проекта его речи на предстоящем празднике[5]. Вся речь проникнута радостным настроением; черновик, написанный рукой Герцена

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 37.
[2] Там же, стр. 46.
[3] Там же, стр. 52.
[4] «Колокол» № 95 от 1. IV 1861 г.
[5] ГАОР. Коллекция Герцена и Огарёва, ф. № 5770, арх. № 2.

(с пометкой 27 марта, как раз во время подготовки редакцией № 95 «Колокола» от 1 апреля 1861 г.), имеет несколько перечёркнутых поправок, а конец речи дан в двух вариантах. Это понятно. Герцен весьма тщательно обдумывает будущую речь, и, если и оставляет сознательно сильный эмоциональный колорит её, это не лишает всё выступление принципиально-программного значения.

«Друзья и товарищи! — так начинается речь. — Сегодня мы оставили наш станок вольного русского слова для того, чтоб братски отпраздновать *начало освобождения крестьян в России*. Что для нас значит это освобождение, — вы знаете. В освобождении крестьян *с землёй* лежит вся будущность Руси — не самодержавной, не помещичьей, не завоевательной, не Московско-татарской, не Петербургско-немецкой, — а Руси народной, общинной — свободной».

Далее Герцен напоминает, что вольный станок его начал работать, когда «тяжёлая оргия реакции дошла до последней степени... но, — продолжает он, — я верил *в Россию тогда, когда все сомневались в ней*». Первые же листы, напечатанные в его типографии, говорили о необходимости освобождения крестьян. «И вот начало его возвещено — робко, с усечением, *но возвещено!* Сильно переменились события с тех пор, как мы печатали первые листы в 1853 г. ... И, если бы кто тогда сказал, что мы через восемь лет соберёмся на дружеский пир и что героем этого пира будет Русский Царь, Вы подумали бы, что он сумасшедший или хуже». Но теперь Герцен считает, что ему «тем легче признать великий подвиг Александра II, что самое это признание — залог нашей искренности, а нам, — говорит Герцен, — необходимо доверие или нечто больше доверия! Манифест 19-го февраля — подорожная; дорога ещё всё впереди, а почта в руках свирепейших татарских ямщиков и немецких берейторов... А обличить их козни в России нельзя. Слово отстало — оно у нас крепко цензуре. — Оттого-то печатание за границей и необходимо... Мы выведем их на лобное место... Наш труд теперь только порядком начинается. А потому — Друзья — к нашим станкам! На нашу службу русскому народу и человеческой вольности. Но

Прежде осушим этот бокал за здоровье наших освобождённых братьев и в честь Александра Николаевича — их освободителя!» (Мелким шрифтом подписано Герценом: «Тост. Ура».)

Затем следует тост «За Народ Польский, за его свободу и равенство; за полную независимость Польши от России — и за дружеское соединение Русских с Поляками.

Тост за Государя» [1].

Так готовился редактор «Колокола» к празднованию освобождения крестьян. Но... речь эта не была произнесена.

Проходит две недели, и первые же слова о состоявшемся торжестве звучат глубокой тоской:

«Праздник наш был мрачен.

...мы хотели поднять наш стакан... за *Александра II— Освободителя крестьян!* Мы очень хорошо знали ответственность, которую на нас обрушивал этот тост... поступок наш казался нам чистым и справедливым...

Но рука наша опустилась: через новую кровь, пролитую в Варшаве, наш тост не мог итти» [2]. Такой политики царского правительства — решать польский вопрос кровавым усмирением — «Колокол» не может спокойно обойти. В частном письме этого времени Герцен, имея в виду правительство, определённо говорит: «Нет, с ними нам, всё-таки, не итти» [3].

А когда из России приходят вести о расстрелах «освобождаемых» крестьян, журнал Герцена оставляет всякую политику замалчивания и статьями «Русская кровь льётся!» [4], «12 апреля 1861» (Апраксинские убийства) [5], «Разбор нового крепостного права» [6] начинает новый период своей деятельности.

---

[1] ГАОР, Коллекция Герцена и Огарёва, ф. № 5770, арх. № 2.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 67.
[3] Там же, стр. 74.
[4] См. там же, стр. 94.
[5] См. там же, стр. 106—108.
[6] «Колокол» № 101.

Б. Противоречия умеренной программы «Колокола»

Итак, колебания «Колокола» в отношении царского правительства с целью то одобрением, то порицанием влиять на его политику в крестьянском деле продолжались вплоть до начала осуществления реформы.

Но, констатируя их наличие за всё время подготовки эмансипации, было бы неправильно преувеличивать их значение; ведь в сущности они означали, как мы видели, лишь стремление «Колокола» осуществить программу-минимум, т. е. стремление держать контакт со всеми антикрепостническими элементами и в частности с той группой русского общества, группой либеральных дворян, которая стояла за реформу и меняла свою тактику в спорах с крепостниками «из-за меры и формы *уступок*» [1] помещиков крепостному крестьянству при «освобождении».

Признавая же этот контакт, никоим образом нельзя считать направление «Колокола» и до 1861 г. идентичным направлению российских либералов. «Колокол» и в то время шёл дальше их, гораздо глубже захватывая общественную жизнь. Это проявлялось в тех действительных колебаниях, собственно, даже противоречиях, «Колокола» между заявленной его редакторами умеренной программой и «неисправимостью», по выражению Герцена, их общественно-политических взглядов [2].

Взгляды эти сложились у Герцена и Огарёва ещё в годы их пребывания на родине, под прямым воздействием окружающей русской жизни; они развивались под влиянием роста связи с нею в период эмиграции и проявлялись теперь на страницах «Колокола» как непосредственное отражение той классовой борьбы, которая нарастала в предреформенной России.

«Мы — крик народа русского, битого полицией, засекаемого помещиками», — заявляет «Колокол» в одном из первых номеров 1857 г. [3] В начале издания это звучало

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.

[2] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 262—267.

[3] «Колокол» № 5 от 1. XI 1857 г.

ещё как программа для дальнейшего, но каждый последующий номер так же неуклонно стоял на защите интересов и прав народа. «Дворяне скажут, что наше требование (ввести в губернские комитеты представителей крестьян)... происходит из демократического чувства, — пишут редакторы «Колокола» в начале 1858 г., — мы и не отрекаемся от нашего демократического чувства, мы уважаем в себе это чувство» [1].

Рассмотрим, как же конкретно осуществлял «Колокол» защиту народа на своих страницах.

В комментариях правительственных актов, в оценках новостей, получаемых из России, в самом подборе материала и в замечаниях раздела «Смесь» «Колокол» всюду даёт такие толкования, ставит такие точки над «i», освещает такие стороны вопроса, которые либералы стараются замолчать, не заметить, а в практической жизни задвинуть или совсем отбросить. Вот яркий пример: в первой же статье, посвящённой рескриптам Александра II, «Колокол», говоря о предстоящей работе губернских комитетов, прямо ставит вопрос: «Кто же подаст в Комитетах голос в пользу мужика?.. и губернаторы, и образованные помещики, и депутаты министерства—дворяне» [2]. Вопрос недопустимый с точки зрения либералов. Либералы старательно закрывали глаза на эту вопиющую несправедливость всей организации дела; они повествовали с наивным видом о добрых защитниках крестьян в комитетах. Вспомним хотя бы приведённое выше письмо Тургенева о «ратоборстве» в Главном комитете «чувствительного» вел. кн. Константина Николаевича. И если даже сам «Колокол» непоследовательно выступает в той же статье с приветствием правительству, то всё же дело сделано, мысль доведена до читателя и слово, ещё не сказанное им, громко звучит со страниц журнала, причём эта «опасная» для дворян мысль — о необходимости крестьянского представительства при подготовке реформы — не мимоходом брошена «Колоколом»; к ней журнал не раз возвращается и, разбирая правительственные проекты освобождения, ставит её в центре своей

---

[1] «Колокол» № 7 от 1. I 1858 г.
[2] Там же.

критики [1], а также получает её усвоенной и отражённой в статьях корреспондентов [2].

В другом случае «Колокол», защищая в крестьянине достоинство человеческой личности, помещает блестящую статью Герцена «Сечь или не сечь мужика?», где автор возмущён самой постановкой этого вопроса в русской подцензурной печати [3].

А в это самое время либеральный корреспондент Герцена передаёт ему такое мнение своего единомышленника: «Освобождённые мужики станут казёнными... Для нас всех, для России, нужны права, гарантии. Вот куда должен гнуть Герцен» [4]. Здесь всё типично — и знак равенства между дворянством и Россией, и противопоставление «нас всех» — мужикам, и признание, что эти «мужики» и после освобождения остаются «мужиками», т. е. чёрной костью.

В каждом номере «Колокола», даже если и нет соответствующей статьи от редакции, мы найдём или такую рекомендацию к заметке корреспондента [5], или такие комментарии к публикуемым известиям из России, что они заставят читателя задуматься и подведут его к необходимому выводу.

Вот, например, довольно большая заметка, с острым юмором повествующая о путешествии императрицы Александры Фёдоровны за границу с громадной затратой государственных средств; статья неожиданно кончается короткой фразой: «А вы, мужички, платите, — вам не привыкать стать». Другой раз приводится *только текст* официального документа — переписка военного начальства о заготовке лесных материалов для розог, а от редакции дано только выразительное *заглавие:* «Теория и поэзия розог и шпицрутенов в приложении к защитникам отечества» [6]. Иногда даётся лишь короткая оценка редакцией бытового факта, которая вызывает целую

---

[1] «Колокол» № 48 от 15. VII 1859 г. и № 54 от 15. X 1859 г.

[2] «Колокол» № 13 от 15. IV 1858 г.

[3] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 76—78.

[4] «Вольное Слово» № 58, 1883 г., стр. 9.

[5] Например, к статье «Высочайшие путешественники» в «Колоколе» № 6 от 1. XII 1857 г.

[6] «Колокол» № 48 от 15. VII 1859 г.

гамму настроений, как, например, в статье «Колокола» № 62 от 1 февраля 1860 г., цитируемой В. И. Лениным: «Когда получалось известие, что крепостной крестьянин убил помещика за покушение на честь невесты, Герцен добавлял в «Колоколе»: «И превосходно сделал!» [1] Про более же обычные сообщения о притеснениях крепостных и говорить не приходится: читатели так откликаются на демократические тенденции «Колокола», что изобилие соответствующих корреспонденций не раз констатирует сама редакция.

В статьях корреспондентов выводы и толкования приводимых фактов «Колокол» сохраняет в полном авторском тексте, не ограничиваясь, как в редакционных статьях, выразительным намёком. В этом отношении показательно окончание большой корреспонденции об «усмирении» крестьянских «бунтов» под заглавием «Прокламация губернатора Новосильцева и воз розог»: «Бедняк, всё-таки, должен терпеть и терпеть до тех пор, пока, наконец, всё, что веками накипело в этой горькой, истерзанной, придавленной, никакой отрады не знающей душе, разом прорвётся наружу, как наболевший нарыв, и ужасен будет тогда расчёт притеснённых с притеснителями!» [2]

Ещё более значительна попытка автора «Письма к редактору», занявшего почти весь № 25, обратиться через «Колокол» к крепостному крестьянству: «Ждите, бедные труженики! Не дождаться вам этого дня (т. е. полного освобождения. — *З. Б.*)... Слышите ли, бедняки, — нелепы ваши надежды на меня, — говорит вам царь. На кого же надеяться теперь? На помещиков? Никак — они заодно с царём, и царь явно держит их сторону. На себя только надейтесь, на крепость рук своих: заострите топоры, да за дело — отменяйте крепостное право, по словам царя, снизу!»

Такие отклики корреспондентов обнаруживают то революционизирующее влияние, которое оказывала на читателей демократическая направленность «Колокола», имевшая несравненно большее значение, чем либеральные заверения редакции.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 467—468.
[2] «Колокол» № 10 от 1. III 1858 г.

Так же значительно было и второе противоречие «программе-минимум» в этот период издания «Колокола» — постоянная пропаганда теории «русского» социализма».

Для редакторов журнала этот вопрос был первостепенным. В борьбе за принципы русской земельной общины они видели и верность социалистическим идеалам своей юности, и ценный опыт критики общественно-политического строя Запада, и веру в силы и дарования русского народа. События русской жизни того времени создавали, по их мнению, благоприятные условия для начала реализации этих принципов в признании при освобождении крестьян «права на землю» каждого земледельца. «Я наше время для России считаю столько же важным, как эпоху Петра I, — говорит Герцен в одной из статей 1859 г. — Если слепые и глупые не хотят понять, что́ за вопрос поднят теперь в России, и смешивают признание *права человека на землю* с личным освобождением от помещичьей власти, — пусть остаются при своей тёмной воде в глазах» [1].

Ленинский анализ теории «русского» социализма» [2] показал, что общественно-политическое зрение и самих редакторов «Колокола» страдало существенными недостатками; однако для них, субъективно, путь к социализму мыслился вполне ясным, и самое издание «Колокола» с его действительным влиянием на подготовку крестьянской реформы расценивалось ими как практический шаг к реализации этой теории. Поэтому замалчивать этот вопрос в «Колоколе» для его редакторов было невозможно, хотя тем и создавалось противоречие на страницах журнала.

Правда, в первом же номере «Колокола» статья Огарёва, озаглавленная «Письмо к издателю», стремится смягчить для либеральных читателей содержание этого пугающего их понятия «социализм». «Из ваших сочинений, — обращается автор к издателю «Колокола», — можно заключить... что вы не кровавый революционер, а что последние годы вас выучили не верить... политическим

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 8.
[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 465—466.

революциям... и что вы готовы ужиться со всяким правительством, лишь бы оно стояло на высоте экономических изменений в государстве. Дело не в перемене правительства, а в перемене, которая улучшила бы положение людей. *Вот в чём ваш, так называемый социализм»* [1]. Однако в той же статье Огарёв подчёркивает важное значение русской общины и настаивает на необходимости поставить полемику о современной сельской общине. «Мне странно,—говорит он,—что серьёзные люди не хотят обратить внимание на то, что Европа гибнет не от революции и не от Наполеонидов, а от частного землевладения и что общинное землевладение способно к иному развитию... Во всяком случае полемика о живых, современных интересах, о современном значении и положении сельской общины должна явиться в ваших изданиях» [2].

В дальнейшем ходе издания освещение этого вопроса даётся всестороннее. «Мы ещё не видали развития общинного начала, — говорит Огарёв, доказывая возможность развития положительных сторон жизни при благоприятных условиях, — мы только видим препятствия, которые ему поставлены... Прежде всего снимемте препятствия к этому развитию, т. е. помещичье право и чиновничество, потом станемте пещись о распространении образования не на началах насилия. Вот в этом и состоят наши три животрепещущие вопроса» [3].

К этим же трём вопросам (отмена крепостного права, создание самоуправления и распространение образования) снова обращается Огарёв и в «Письме к соотечественнику» [4], защищая жизненность общинных начал в

---

[1] «Литературное наследство» № 39—40, стр. 295. (Курсив мой. — *З. Б.*) В своей статье Б. П. Козьмин даёт такое толкование этому положению Огарёва: Огарёв «сам чувствовал, что о его и Герцена социализме можно говорить только *условно*». (Курсив мой. — *З. Б.*) Мне кажется, что подобное толкование не может быть принято в отношении Герцена и Огарёва, которые видели будущий строй социализма безусловно противоположным современным капиталистическим отношениям («сущность перемены лежит в экономических данных государства» — там же) и считали общинное развитие *безусловным* путём к социализму, борьбу за который ставили себе задачей жизни.

[2] «Колокол» № 1.

[3] «Колокол» № 9 от 15. II 1858 г.

[4] «Колокол» № 77/78 от 1. VIII 1860 г.

практической деятельности русского общества того времени. Разбирая преимущества этих начал в специальных статьях по данному вопросу, Огарёв обычно останавливается на отличии их от тех форм частного землевладения, отрицательное влияние которых уже сказалось в жизни Запада, — крупнопомещичьего в Англии, мелкособственнического — во Франции.

В статьях Герцена освещаются другие стороны вопроса. Доказывая, подобно Огарёву, всё положительное значение общинной самобытности России, которая для него стала особенно понятна «после грозы февральской революции», Герцен не раз останавливается на той тесной близости, которую он усматривает в дальнейшем развитии общинных начал в России, с теми новыми принципами общественного развития Запада, с принципами социализма, которые там всё явственнее поднимаются перед испуганной буржуазией. «Существенный вопрос в том,— *как* относится наш народный быт не к отмирающим формам Европы, а к тому новому идеалу её будущности, перед которым она побледнела, как перед головой Медузы!» [1]

Не сознавая буржуазного характера крестьянских мечтаний о земле и не имея возможности тогда видеть настоящего хода русской общественной жизни, Герцен не представлял себе истинного пути развития социализма. Однако в его сознании возникает, хотя ещё и туманно, необходимость создания этой новой формы общественных отношений из развёртывающейся на его глазах социальной борьбы во всём мире, «когда одна шестая земного шара перекликнется с пролетарием-работником и пролетарием-батраком на Западе, что, собственно, у *них* дело одно».

В то же время уже достаточное понимание капиталистических отношений заставляет руководителей «Колокола» продолжать начатую в более ранних работах Герцена критику буржуазного общества Западной Европы. «Я говорил и теперь утверждаю, — пишет Герцен в статье 1861 г., — что современный государственный быт

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 113.

дошёл в Европе до того предела изменяемости, далее которого он не может развиваться сообразно новым потребностям людским, *не изменяя* своих оснований, т. е. не переставая быть самим собою. Сознание этого явилось в нём самом. Социальные учения, как-бы они ни были формулированы, далеко перехватывают за возможность улучшений существующего порядка. Они стремятся водворить иное отношение людей к собственности, к обществу и между собою...»[1] Эта мысль о том, что характер сложившихся там общественных отношений приводит в тупик жизнь западноевропейских народов, что стоит вопрос не о реформировании буржуазного строя с целью «улучшить» его, а о коренной революционной ломке сложившихся социально-экономических отношений, — эта мысль постоянно повторяется и Герценом и Огарёвым не только в специальных статьях[2], но и попутно в изложении других вопросов.

Понятно, как должны были влиять на читателей «Колокола» новизна и масштаб поставленных вопросов и сколько новых мыслей возбуждали такие, например, высказывания «Колокола»: «...западный мозг, так, как он выработался своей историей, своей односторонней цивилизацией, своей школьной наукой, не в состоянии уловить *новые явления жизни ни у себя, ни вчуже»*[3]. Или в другом месте: «Разум не *один,* их *два.* Разум мира *садящегося, вечернего* не совпадает с разумом мира *восходящего, утреннего!»*[4] Или ещё: «И мы, и Европа совсем не те (чем были в 30—40-х годах. — *З. Б.*); и мы, и Европа стоим у какого-то предела; и мы, и она коснулись черты, которой оканчивается том истории»[5]. И, наконец, центральный вопрос: «Есть ли путь европейского развития единый возможный, необходимый, так что каждому народу, где бы он ни жил... должно пройти им, как младен-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 227.

[2] «Колокол» № 8 и 9 — статья Огарёва «Русские вопросы»; № 57/58 — статья Огарёва «Ответ»; № 77/78 — статья Огарёва «Письмо к соотечественнику». См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 87—126.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 99.

[4] Там же, стр. 10.

[5] Там же, стр. 109.

цу прорезыванием зубов... или оно само — частный случай развития, имеющий в себе общечеловеческую канву, которая сложилась и образовалась под влияниями частными?.. И в таком случае не странно ли нам повторять теперь всю длинную метаморфозу западной истории, *зная вперёд* ...что со всем этим развитием, рано или поздно, нас также причалит к той меже, перед которой вся Европа свернула паруса и, испугавшись, гребёт назад» [1].

По многим номерам «Колокола» можно видеть, как активно реагируют его читатели на эту пропаганду теории «русского» социализма». В журнале появляются не только краткие отклики, но и большие статьи, вызывавшие ответные статьи редакции.

Обстоятельно, по пунктам, пытается один из анонимных корреспондентов (в № 57/58 от 1 декабря 1859 г.) возражать против силы и положительного значения крестьянской общины, существующей в данное время в России. Его положения сводятся к следующему: процент общинных владений невелик и ежегодно сокращается, территориально они недостаточно распространены и искусственно поддерживаются в интересах помещиков.

Эти положения самим автором ставятся сразу под удар возражений редакции тем, что служат подходом и обоснованием его принципа — освобождения крестьян без земельного надела.

Огарёв в своей ответной статье обрушился на этого защитника безземельного освобождения; цифровыми данными он опровергает положения корреспондента и доказывает затем ценность общины для крестьян при освобождении: «При вопросе об освобождении крестьян, что же бы могло быть выгоднее для помещика, как не личный надел крестьян землёю, или, проще, — продажа помещиком земли не общине, а отдельному лицу по цене, добровольно уступленной? Помещик продал бы гораздо дороже землю богатым крестьянам... продал бы в немногие руки, а остальные батраки стали бы работать из-за половины снопа. А при общинном землевладении надо

---

[1] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 108—109.

дать надел общине, не меньше известного количества на душу, да ещё правительство помешает продать втридорога. Ясно, что помещик должен принять европейское право личной земельной собственности за основание своей политической экономии. Гораздо труднее понять у нас людей учёных и бескорыстных, подобно вам, милостивый государь, которые из доктринаризма, из бескорыстного идолопоклонства перед наукой принимают ту же точку зрения и помогают помещику в порабощении крестьянства» [1].

Получала редакция «Колокола», повидимому, и иные возражения, которые не считала возможным игнорировать; так, в № 77/78 Огарёв помещает большую статью в ответ читателю, признающему, как видно, современное значение земельной общины, но сомневающемуся в спасительном развитии её принципов в дальнейшем. Огарёв повторяет здесь свои обычные доводы в защиту общины и особенно выделяет значение для её будущего расцвета трёх упомянутых принципов: освобождение, самоуправление, образование.

Но сильнее звучат в «Колоколе» взволнованные статьи неофитов теории «русского» социализма».

Уже в № 13 «Колокола» автор «Письма к редактору» признаётся, что он ставит себе основной задачей в данное время содействовать распространению взгляда, «что дело не в *номинальном* освобождении крестьян, а в том, чтобы *из массы населения* образовать *народ свободный;* в том, чтобы поддержать и развить в нём слабый зародыш социализма, глубоко укоренившийся в славянской общине... и тем самым основать будущее счастье России... может быть, Европы!» [2]

Другой сторонник принципов земельной общины обращается с горячим советом к молодёжи — бороться за их развитие и заканчивает словами: «Умрите, если будет нужно... за сохранение *равного права каждого крестьянина на землю* — умрите за общинное начало!» [3]

Такие выступления корреспондентов заостряли во-

---

[1] «Колокол» № 57/58 от 1. XII 1859 г.
[2] «Колокол» № 13 от 15. IV 1858 г.
[3] «Колокол» № 32/33 от 1. I 1859 г.

просы теории «русского» социализма» и, естественно, усиливали её пропаганду.

Последующее развитие русской общественной жизни вскрыло ошибки теории Герцена, обнаружило весь её утопизм.

Но тогда, в предреформенные годы, её пропаганда, безусловно, имела положительное значение. Связывая свои теоретические построения с жизненными интересами крестьянства, она привлекала общественное сознание к решению самого насущного тогда вопроса русской жизни — крестьянского освобождения, в наиболее благоприятной для народа форме: при достаточном наделении землёй, при значительной независимости от административной опеки, полном прекращении феодальной зависимости. Эту задачу ставили перед собой и революционно-демократические группы в России.

Не менее революционно теория «русского» социализма» Герцена ставила вопрос и в области идеологии, освобождая русскую общественную мысль от безоговорочного авторитета Запада, перед которым в смущённом благоговении ещё стояли либеральные попутчики «Колокола» того периода.

Важно отметить, как в это время наряду с пропагандой теории «русского» социализма», ставившей во главу социальных перемен перемены экономические, «Колокол» относится к узко политическим вопросам. Здесь также имело место его разногласие с либералами.

Конечно, уже сама «триада освобождения», заявленная в № 1 «Колокола», предусматривала борьбу не только за освобождение крестьян, но и за другие «свободы» в русской жизни [1]. Поэтому «Колокол» не мог игнорировать деятельность либералов в этом направлении. Их активность 1859 г. в выступлениях тверских депутатов горячо приветствуется журналом как борьба за всесословное местное самоуправление, суд присяжных и печатную гласность [2].

Мало того, редакция «Колокола» считает нужным

---

[1] «Колокол» № 1 от 1. VII 1857 г.

[2] В № 60 от 1. I 1860 г., в статье «Адрес государю», редакция говорит, что она «с радостью и сочувствием печатает адрес 6-ти членов Губернских комитетов» (по инициативе Тверского губернского

ещё более ясно раскрыть свою позицию в данном вопросе. Сообщая о вышедшей в Париже книжке князя П. Долгорукова «La vérité sur la Russie», Герцен говорит: «Автор полагает, что мы, как социалисты, не будем согласны с его конституционными стремлениями. Мы думаем, напротив, что есть обстоятельства, при которых нельзя избегнуть этих *переходных* форм, они столько же необходимы беснующемуся самодержавию, сколько камзол — беснующемуся вообще. Такую власть надо взять в опеку, пока она не наделала больше бед» [1].

Вот до этого предела «Колоколу» по пути с либералами. Но они здесь удовлетворённо останавливаются, а «Колокол», как явствует из приведённых высказываний, расценивает конституционные свободы лишь как облегчение условий перестройки русского общества на путях к социализму как конечной цели.

Наконец, необходимо указать ещё одно противоречие «Колокола» этого времени.

В течение всего первого периода, в тон своей умеренной программе, редакция журнала не раз говорит о желательности мирного перехода к новым социальным отношениям. Огарёв в своём «Письме к издателю» в первом номере «Колокола» характеризует взгляды редакции далёкими от сочувствия революции. В № 10 опровергается обвинение, возводимое на «Колокол», в подготовке восстания в России, поскольку организация восстания не входит в намерения издателей журнала [2]. А статья Герцена в № 59 даёт ещё более определённую формулировку: необходимо «воспользоваться этим временем (ре-

---

комитета), представленный Александру II 29 ноября 1859 г. В № 61 от 16. I 1860 г. даётся сообщение корреспондента Тверского комитета о трёх проектах Тверского комитета и изложение проекта большинства, который вызывает наибольшую поддержку автора. В № 65/66 от 15. III 1860 г. — описание корреспондентом истории с депутатами первого призыва, рост влияния Унковского и пр.; в сноске — благодарность редакции корреспонденту, «приславшему эту превосходную статью». В № 70 от 1. V 1860 г. помещено «Письмо к редактору» с сочувственным изложением дела тверских дворян.

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 300—301 (курсив мой. — *З. Б.*).

[2] «Колокол» № 10 от 1. III 1858 г.

форм. — *З. Б.*), чтоб тихо, *бескровно* взойти в новый возраст»[1]. Защищая возможность «бескровного переворота», редакция делает следующую оговорку: «Без сомнения, восстание, открытая борьба — одно из самых могущественных средств революции, но отнюдь не единственное»[2]. А наряду с этим во многих номерах «Колокола» читатель находит горячее выражение сочувствия тому, что тогда мыслилось как единственный подлинно революционный факт в жизни России, — движению декабристов. «Колокол» при каждом удобном случае подчёркивает не только своё глубокое уважение к декабристам персонально, но и свою близость к их идеологии; их взгляды и деятельность ставит для себя первым общественным заветом; полностью публикует приговор верховного суда по делу декабристов; все сообщения о декабристах помещаются на первом месте.

В № 4 в «Письме» к Александру II Герцен убеждённо оправдывает тактику декабристов невозможностью в России действовать иначе: «Представьте себе самого Иисуса Христа, который бы стал проповедывать где-нибудь на Адмиралтейской площади или в Летнем Саду; тут и до Иуды не дошло бы дело, — первый квартальный свёл бы его в III-е Отделение, а оттуда отдали бы его в солдаты или, ещё хуже, послали бы его в Соловецкий монастырь».

Не приходится сомневаться, сколь революционизирующе было влияние таких строк на читателей. Это видно уже из того, как тщательно выполнялась просьба редакции присылать ей материалы о декабристах[3]. Среди корреспонденций в «Колоколе» встречается такая многозначительная оценка декабристов: «Да, славен и велик был наш авангард! Такие личности не вырабатываются у народов даром»[4]. Обычно «Колокол» имел возможность своевременно публиковать все новости, касающиеся декабристов, благодаря аккуратной присылке информаций из России; когда несколько запоздало сообщение о смерти И. И. Пущина, редакция «Колокола»

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 121.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 1.
[3] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 43.
[4] «Колокол» № 36 от 15. II 1859 г.

выражает недовольство: «Мы упрекаем наших корреспондентов, что они так поздно известили нас. Всё, касающееся до великой, передовой фаланги наших вождей, наших героических старцев, должно быть отмечено у нас».

Так, анализируя содержание «Колокола» за первый период издания (с 1857 г. до половины 1861 г.), приходится констатировать значительные противоречия в ряде его основных, принципиальных установок. Сама редакция обходит их молчанием; она как бы не замечает их; во всяком случае, не придаёт большого значения. Но читатели «Колокола», активно участвующие, как мы видели, в обсуждении и разработке отдельных вопросов, поднимаемых журналом, не оставались равнодушными к этим противоречиям его.

В. Отношения редакции «Колокола» с либеральными и революционно-демократическими кругами в России

Осенью 1858 г. появляется первая критическая статья [1]. Автор её недоволен «новым» направлением «Колокола» и других лондонских изданий, которое он усмотрел в последних выпусках; оно заключается, по его мнению, в стремлении редакции примириться с властями предержащими в России, с какой целью и стали появляться в журнале похвалы как отдельным влиятельным лицам, так и распоряжениям правительства. «Неприятно и грустно нам видеть, — пишет автор статьи, — что вы влагаете в ножны меч, поднятый для истребления гадов, наполняющих Россию. Ни одного удара — и уже перемирие». Далее автор высказывает предположение, что это смягчение тона лондонских изданий вызвано намерением Герцена возвратиться в Россию; от этого он советует Герцену отказаться и «продолжать добро и благородно начатое для блага России дело».

Кроме того, автор требует от редакции лондонской типографии публиковать всё, что будет прислано из России, и не быть цензором авторов присылаемых статей. Мотивирует он это требование следующим образом: «Это

---

[1] «Колокол» № 23/24 от 15. IX 1858 г.

всё не ваша собственность, а достояние всей России; подлежит не вашей, а общей критике и, отнимая у народа эту собственность, вы отнимаете у него шаг к прогрессивному движению». Заканчивается письмо следующими словами: «Примите же этот опытом и убеждением рождённый совет братьев ваших по духу, горячо вас любящих и искренно преданных делу прогресса любезного нашего отечества. С. Петербург, мая 1858 г.»

Редакция «Колокола» отвечает немедленно: в том же номере, непосредственно за «Письмом», напечатан и ответ за подписью «И—ра» [1]. С грустью укоряет он своего критика в необоснованных подозрениях: «Напрасно автор письма видит в этом (т. е. в приветствии «от души» Александру II, начавшему подготовку реформы. — *З. Б.*) какую-то заднюю мысль «*возвращения*». Мы ничего личного не вводили в наши публикации. Как ни тяжела разлука с родным краем, но мы никогда не купим уступкой убеждений право возвращения. Казалось бы, что это доверие мы заслужили» [2].

На совет печатать в «Колоколе» всё, что получается в редакции, Герцен отвечает решительным отказом: «...мы никак не считаем» достоянием «России всякую всячину, которую нам присылают. Мы не знаем редакции в мире, которая бы без разбора согласилась печатать грамотные и безграмотные статьи, иногда полные личностями, иногда — неосторожностями, которые вздумают ей послать... цензором быть неприятно, но на редакции лежит нравственная ответственность».

Отношение же редакции к самому факту подобной критики Герцен выразил так: «Помещая это письмо, как довольно резкий отголосок мнения, которое мы не можем не уважать, мы не думаем ни возражать на него, ни начинать полемики» [3].

Однако уже через два номера в «Колоколе» Герцен помещает пространную статью «Нас упрекают», в которой редакция возражает своим критикам. Как видно из самой статьи, за это время было получено «Колоколом» столько советов, указаний, упрёков, что редакция сочла

---

[1] То-есть — Искандера (псевдоним Герцена).
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 341.
[3] Там же.

необходимым подытожить эти замечания и, выделив направление, наиболее далёкое «Колоколу» — враждебным оно ещё не названо, —опровергнуть его.

Так возникла эта отповедь «прямолинейным доктринёрам... людям обдуманным, точным, которые доживают до старости лет, не сбиваясь с дороги и не сделав ни орфографических, ни иных ошибок...», и которые укоряли, повидимому, «Колокол» в неустойчивости по отношению к царскому правительству.

Не отрицая самого факта, Герцен даёт объяснение, совершенно изменяющее постановку вопроса. Да, шаткость была в журнале, но она была вызвана шаткостью самого правительства, и «Колокол», «служа отголоском дум и мыслей (читателей) о политике правительства, умалчиваемых дома», а вовсе не поучая их, колебался и волновался вместе с ними.

Но это ещё не всё. Далее следует разъяснение ещё существеннее. «Не имея ни исключительной системы, ни духа партии, всё отталкивающего, — продолжает Герцен, — мы имеем незыблемые основы, страстные сочувствия, проводившие нас от ребячества до седых волос; в них у нас нет *легкомыслия,* нет *колебаний,* нет *уступок*! Остальное нам кажется второстепенным; средства осуществления бесконечно различны... Но так как главное дело в том, чтоб крестьяне были освобождены с землёю, то из-за средств спора мы не поднимем» [1]. В этом, хотя и не раскрытом в деталях, признании о «незыблемых основах» своих убеждений вырисовывается силуэт настоящего «Колокола» — демократического, революционного «Колокола» будущих, 60-х годов, а пока наивно предполагающего, что можно, после такого признания, говорить правительству о сотрудничестве.

Эта статья в «Колоколе» и послужила поводом для Б. Н. Чичерина, защитника и типичного представителя «гувернементального доктринаризма» (по выражению Герцена), обрушиться на журнал своим известным обвинением [2].

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 363.

[2] Оно было напечатано в № 29 «Колокола» от 1. XII 1858 г. за подписью «Ч.», а в 1862 г. было опубликовано и в России самим автором.

Б. Н. Чичерин, в те годы молодой учёный, уверенно начинал свою академическую карьеру. Он выступал уже с твёрдо сложившимся мировоззрением, вполне определившимися общественно-политическими взглядами. Роль государства, как творчески решающего фактора в развитии общества, защищается им в первых же печатных трудах (в 1857 г. издана его диссертация «Областные учреждения России XVII в.»). Народу отводится место лишь инертного объекта государственного воздействия, в особенности в исторически сложившихся условиях России.

Политически эти принципы приводят Чичерина к защите сильной монархической власти и к убеждению, «что только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов»; а потому он готов «поддерживать всеми силами... сколько-нибудь либеральное правительство». Так заявил Чичерин своё политическое credo уже в 1855 г. в «Письме к издателю» [1]. Это «Письмо» было составлено им совместно с Кавелиным, когда они посылали Герцену первые материалы рукописной бесцензурной литературы для её публикации в Лондоне [2]. Тогда Чичерин, будучи недоволен николаевской системой после севастопольского разгрома, делает поворот к реформам, но, как явствует из «Письма», видит в центре их правительственную деятельность.

Либеральные веяния первых лет правительства Александра II только укрепили эти взгляды Чичерина. В то же время обострение социальных противоречий в период подготовки реформы заставило этого дальновидного защитника своего класса с напряжённым вниманием относиться к противоположным политическим мнениям. Своей статьёй Чичерин пытается разбить и обезвредить демократические и революционные тенденции «Колокола», «доказывая» их беспочвенность и абсурдность.

---

[1] «Голоса из России», ч. 1, Лондон 1856, стр. 22.

[2] Это были те статьи 1855 г., о которых Герцен резко отозвался, указывая на их угоднический тон по отношению к правительству.

Этот «Обвинительный акт», как назвал статью Чичерина Герцен, действительно имел вид сурового приговора, и Герцен в своём предисловии правильно его оценил: «Обвинительное письмо», печатаемое нами сегодня, существенно отличается от прошлых писем против «Колокола». В тех был дружеский упрёк и тот дружеский гнев, в негодовании которого звучала знакомо и приветливо родная струна.

Ничего подобного в этом письме.

Те были писаны *с нашей стороны,* оттого в самых несогласиях и упрёках было сочувствие. Это письмо писано с совершенно *противной* точки зрения». «Последнее слово этого обвинения, — резюмирует Герцен, — состоит в том, что вся деятельность моя, т. е. дело моей жизни, — приносит *вред России*... Но я — не судья в своём деле... И потому я без комментариев передаю обвинение на суд общественного мнения».

Общественное мнение в лице читателей «Колокола» живо откликнулось на этот призыв его редактора, и в течение ближайшего же времени редакция «Колокола» получает множество писем с выражением сочувствия и одобрения [1]. Опубликованные в журнале, по настойчивому требованию авторов, возражения на «Обвинительный акт» и параллельно с ними напечатанное Герценом письмо, присланное в защиту взглядов Чичерина [2], обнаруживают тот политический водораздел в русском обществе, который стал намечаться с началом подготовки реформы.

«Вы представить себе не можете, — говорит защитник Чичерина, — с каким удовольствием письмо г. Ч. было прочитано целой колонией Русских в городе, из которого я вам пишу». И далее: желание «постепенного и систематического превращения известных административных и общественных форм в другие, более свойственные настоящим потребностям России... Вот мнение того меньшинства, которое стоит на рубеже старых идей и устарелых форм, признавая их недостатки, но которое, не до-

---

[1] «Колокол» № 32/33 от 1. I 1859 г.; № 39 от 1. IV, № 40/41 от 15. IV 1859 г.

[2] «Колокол» № 32/33 от 1. I 1859 г.

веряя безусловно обманчивым утопиям кровавых переворотов, ждёт, прежде нежели срубить старое зло, чтоб вновь насаждаемое благо пустило бы прочные корни в родной земле!» [1]

Этот политический портрет либерала, нарисованный одним из единомышленников Чичерина, хорошо дополняют следующие слова его противника: «Да! Удивили нас наши *либералы*. О, Николай Павлович, как он ошибался в русских людях, преследуя, тесня их за либеральные... о, ужас! даже революционные стремления и тенденции. Он, невинный, вовсе не догадывался, что весь наш либерализм дальше острых и резких слов, дальше шумной беседы никуда не шёл... Умер Николай Павлович и унёс с собою весь наш либерализм... Инстинктивно, по чувству самосохранения стали мы на сторону, так называемого, правительства, потому что эта позиция совершенно освобождает нас от всякого дела... С большим усердием и заботою мы *охраняем* почти каждый шаг правительственных распоряжений. Чуть где рождается звонкое, свободное слово, явится действие, поступок, обнаруживающий единственно только потребность самостоятельного, не крепостного существования, — мы кричим из всех сил, что это мальчишество, что это ни на что не похоже, что этим испортят всё дело... с каждым днём всё больше и больше обнаруживается, что мы, увы! — не люди Декабря, что мы, собственно, люди слов, что перед честным гражданским делом мы просто робеем, путаемся и не решаемся ни на что» [2].

В настоящее время, имея в своём распоряжении переписку тех лет Герцена с Чичериным [3], а также и с другими его личными корреспондентами, мы можем видеть, как расценивал руководитель «Колокола» это выступление. Статья Чич[ерина], — пишет Герцен к Рейхель, — пробный камень: кто с ним, тот, разумеется, враг всего, что нам дорого» [4]. Что же касается самого автора

---

[1] «Колокол» № 32/33 от 1. I 1859 г., подпись А. Спартанский.
[2] «Колокол» № 40/41 от 15. IV 1859 г.
[3] Журн. «Вольное Слово» № 61—62 от 22 мая 1883 г., стр. 6—7. См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 406—424.
[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 500.

«Обвинительного акта», то о нём можно сказать, что не сразу он подошёл к правильной оценке социальной сущности своего конфликта с «Колоколом».

В своём письме, сопровождающем статью, Чичерин ограничивается только психологической мотивировкой: «Нас разделяет, как я сказал в статье, вещь, которая, может быть, важнее всех причин: политический темперамент». Но вскоре Чичерин идёт и дальше. «Вы правы, — пишет Чичерин Герцену, — мы офицеры, стоящие в различных армиях, но — знамя у обеих армий одно — свобода, а между тем мы глубоко разделены и разделены тактикой. Тут что-нибудь да не так, а в чём дело — это скажется, вероятно, впоследствии. Может быть, — наконец, доходит Чичерин, — *тут открывается различие между либерализмом и радикализмом,* может быть, и что-нибудь другое» [1]. Чичерин колеблется — ведь ещё большинство либералов настолько против него в его споре с Герценом, что ряд видных либеральных деятелей считает нужным коллективно об этом заявить обеим сторонам [2].

Но окончательное определение позиции либералов было лишь вопросом времени; в ближайшие же годы соотношение сил стало ясным. И Чичерин, открыто печатая в России то же самое своё обвинение Герцену в 1862 г., когда «вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши» [3], мог с удовлетворением сказать: «За мною остаётся... честь начинания» [4].

Парируя обвинения умеренно-либеральных «доктринёров», редакция «Колокола» выслушивала одновременно укоризны и со стороны демократических кругов.

На это указывает та же статья Герцена «Нас обвиняют».

Но, как мы видели, при столкновении с Чичериным «Колокол» апеллирует к общественности и с целью ориентировать общественное мнение считает себя вынужденным опубликовать и самый «Обвинительный акт»,

---

[1] Курсив мой. — *З. Б.*

[2] Мы имеем в виду протест 7-ми, посланный через Чичерина Герцену (об этом см. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 423—424, примечание Лемке).

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 467.

[4] *Б. Н. Чичерин,* Несколько современных вопросов, М. 1862, стр. 6.

и письмо в защиту его автора, а затем уступает место читателям и даёт им слово в нескольких номерах журнала, чтобы разбить доводы появившегося врага. К критикам из левого лагеря он относится совершенно по-другому. Это — «свои», и потому журнал всегда охотно открывает им свои страницы, хотя и не присоединяется к их крайним мнениям.

Так было с «Письмом к редактору» в № 25 от 1 октября 1858 г., которое автор заканчивает призывом к крепостным крестьянам самим добывать себе свободу, «заострив топоры». За эти «топоры» либеральные читатели возмущённо требуют «Колокол» к ответу. И редакция отвечает... назиданием этим читателям: нужно разбираться в том, что публикуется от редакции, а что является мнением корреспондента; и советует не пугаться свободного слова, а учиться не только говорить его, но и слушать [1].

Но тут же редакция не считает возможным умолчать, что ею было получено письмо, полное упрёков по адресу «Колокола» за умеренность, сентиментальность, уступки. Не оправдываясь и не возражая, Герцен так оканчивает заметку: «Мне было больно (пусть они меня ещё раз обвинят в сентиментальности) читать такие строки из *нашего стана;* совесть моя говорит, что я их не заслужил» [2].

Впрочем, это был лишь единичный выпад против «Колокола» со стороны революционно-демократических кругов.

В то время, в конце 1858 г. и в начале 1859 г., «Колокол» имел положительный контакт с влиятельным центром демократизма, кружком «Современника». Доказательство этого — позиция, которую занимал тогда в отношении к герценовскому журналу Добролюбов. Как сообщает его товарищ по институту Шемановский, Добролюбов участвовал в «Колоколе»: в сентябрьском № 23/24 есть его статья «Партизан И. И. Давыдов во время Севастопольской кампании»; при этом со стороны Добролюбова не последовало возражений на редакторские изменения, внесённые Герценом.

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 497

[2] Там же, примечание Герцена.

По свидетельству другого близкого ему современника, В. И. Глориантова, Добролюбов собирает в Нижнем-Новгороде материалы для «Колокола» [1]. Он постоянно следит за журналом и считается с его отзывами о людях и фактах [2].

Другой представитель этих же кругов, будущий резкий оппонент Герцена в 60-х годах Александр Серно-Соловьёвич, также даёт положительный отзыв о «Колоколе» в письме к своему другу И. И. Шамшину в начале 1859 г.: «В последнем номере («Колокол» № 36 от 15 февраля 1859 г. — *З. Б.*) отличный ответ на письмо русской дамы». Это был ответ Герцена корреспондентке, стремящейся обратить его к религии; ответ, которому Герцен, публикуя его в «Колоколе», придал декларативный и агитационный характер [3].

Правда, не проходит и года, как разыгрывается известный инцидент со статьёй Герцена «Very dangerous!» («Очень опасно!»), напечатанной в «Колоколе» № 44. Детальный анализ его в литературе[4] позволяет теперь считать, что во всём этом конфликте группы «Современника» с руководителем «Колокола» инициатива шла со стороны Герцена. Не разделяя его упрёков петербургским публицистам за слишком резкое выступление их против обличительной литературы в России, можно понять его опа-

---

[1] См. «Известия Академии наук СССР», Отделение общественных наук, № 1—2, 1936, стр. 176.

[2] Там же, стр. 175—176.

[3] *М. Лемке*, Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», Спб. 1908, стр. 262.

[4] См. статью Б. Козьмина «Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «русского человека» к Герцену» («Литературное наследство» № 25—26, стр. 576—585) и статью Е. М. Зеликина «Отношение Герцена к Чернышевскому» (сборник «Н. Г. Чернышевский», Труды научной сессии к пятидесятилетию со дня смерти, изд. Ленинградского Государственного университета, 1939, стр. 182—225).

М. В. Нечкина в своём исследовании «Н. П. Огарёв в годы революционной ситуации» («Изв. Академии наук СССР», серия истории и философии, т. IV, № 2 за 1947 г.) весьма убедительно доказывает большую близость издателей «Колокола» с Чернышевским. Программу же «Колокола» тех лет (1859—1860) М. В. Нечкина признаёт «лишь частным выражением программы лондонского революционного центра», а инцидент с указанной статьёй Герцена — не имеющим того значения в вопросе взаимоотношений этих революционных деятелей, какое ему до сих пор приписывали.

сения оборвать неумеренными упрёками только что зарождавшееся в печати критическое отношение к русской действительности, что и вызвало появление его статьи.

Но вполне естественно, что совершенно неуместное замечание Герцена о представляющейся петербургским публицистам возможности заслужить благоволение властей за подобное направление вызвало и крайнее волнение Добролюбова, потрясённого этим предположением [1], и решение Чернышевского ехать немедленно в Лондон для личного объяснения с Герценом.

Личная встреча Герцена и Чернышевского не привела их к окончательному сближению; наоборот, обе стороны остались неудовлетворёнными [2].

Попытка Чернышевского убедить Герцена оставить тщетные надежды на правительство и признать единственный выход в революционной борьбе не удалась. «Кавелин в квадрате — вот вам и всё» [3], — резюмирует Чернышевский в письме к Добролюбову впечатление от своего посещения Герцена, раздосадованный его либеральными колебаниями.

Но всё же этот инцидент разрыва между ними не вызвал.

«Современник» тогда же, в июньской книжке 1859 г., поместил вполне корректную статью Добролюбова, в которой некоторые исследователи отношений Герцена и Добролюбова в тот период правильно видят его ответ Герцену: «...нас многие обвиняют, что мы смеёмся над обличительной литературой и над самой гласностью; но мы никому не уступим в горячей любви к обличению и гласности... Оттого-то ведь и смех наш происходит: мы хотим более цельного и основательного образа действий, а нас потчуют какими-то ребяческими выходками, да ещё хотят, чтоб мы были довольны и восхищались» [4].

---

[1] См. *Н. А. Добролюбов,* Дневники, стр. 256—257.

[2] *Е. М. Зеликин,* Н. Г. Чернышевский, стр. 194; *Б. П. Козьмин,* Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «русского человека» к Герцену («Литературное наследство» № 25—26, стр. 581); *М. А. Антонович,* Воспоминания, «Шестидесятые годы», 1933, стр. 48—67.

[3] *Б. П. Козьмин,* Примечание к книге П. Д. Боборыкина «За полвека», ЗИФ, М.—Л. 1929, стр. 358.

[4] «Современник», 1859 г., июнь, стр. 317—318.

А со стороны Герцена в августовском номере «Колокола» печатается объяснение по поводу статьи «Very dangerous!» с целью смягчить и загладить её резкость.

«Нам бы чрезвычайно было больно, если бы ирония, употреблённая нами, была принята за оскорбительный намёк. Мы уверяем честным словом, что этого не было в уме нашем; если б оно было, мы иначе бы стали обличать» [1].

Кроме этой небольшой заметки, в «Колоколе» мы не встретим никакого намёка на весь инцидент, так взволновавший обе стороны; отношения герценовского журнала с русскими демократическими кругами не были преданы редакцией огласке.

Причина этого — та оценка, которую даёт Герцен этим отношениям. Это — отношения друзей, которые, расходясь по некоторым вопросам, резко спорят из-за них.

Такова же была основа и статьи «Very dangerous!» в момент её написания. Тогда же в письме к М. К. Рейхель от 20 мая 1859 г. Герцен определяет своё выступление в № 44 не как вызов или обличение, а только как «головомойку» «Современнику» [2].

Редакционная же статья Герцена в № 64 (от 1 марта 1860 г.) устраняет всякое сомнение в этом вопросе: «Мы расходимся с вами *не в идее,* а в средствах, — говорит он здесь, — не *в началах,* а в образе действования. Вы представляете *одно из крайних* выражений *нашего* направления... К тому же в наше бойкое время нельзя давать много места междоусобному спору... а надобно, избравши дорогу, итти, вести, пробиваться...» [3]

Статья эта предшествует публикации «Писем из провинции», анонимный автор которых был единомышленником Чернышевского и Добролюбова (как доказал это в своей работе Б. П. Козьмин). Укоряя вновь «Колокол» за умеренность и колебания, он призывает его переменить тон: «...пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь! Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам её поддерживать. С глубоким к вам уважением — «Русский человек».

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 61.
[2] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 579.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 219.

Такое обращение обнаруживает, что и другая сторона находит возможность итти общим с редакцией «Колокола» политическим путём, видя в журнале Герцена *свой орган.*

Это было тем более возможно, что либеральные колебания «Колокола» всегда прекращались, когда критерием проверки своего отношения к происходящему он брал интересы народа. В данной связи любопытен следующий характерный пример: в том же 64-м номере от 1 марта 1860 г., где Герцен указывает на своё различие в средствах с радикалами и говорит, что «к топору, к этому ultima ratio притеснённых, мы звать не будем до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора», в том же самом номере в небольшой взволнованной заметке раздела «Смесь» он, возмущённый переданным иностранной печатью проектом Главного комитета — сохранить розги для крестьян после реформы, пишет: «Если это правда, пусть же первый топор, который они (дворяне. — *З. Б.*) вызовут этим решением, падает на их преступные головы!» [1]

Интересно отметить, что в мемуарах того времени мы встречаем подтверждение сочувствия Герцена направлению «Современника», которое он высказывает в беседах с приезжавшей к нему молодёжью. «Разговор зашёл о «Современнике», направлению которого Герцен, как видно было, очень сочувствовал, — пишет в своих воспоминаниях А. В. Романович-Словатинский, тогда молодой учёный.—Он и со мной начал речь об этом направлении» [2].

Однако в этот период (до 1861 г.) и большинство либералов российских не считает нужным порывать с Герценом. «Колокол» им был ещё нужен. Сами боясь сказать свободное слово и желая в то же время сильнее задеть своих противников — реакционеров-крепостников, они направляют против них резкие мнения Герцена, прикрываясь ссылками на «Колокол».

Наиболее откровенные из них так прямо, «по-деловому» и указывают в частных письмах Герцену, зачем им нужен «Колокол».

Некий депутат редакционных комиссий, скрытый для

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 229.
[2] «Вестник Европы», т. II, Спб. 1903, стр. 205.

нас под псевдонимом «N. N.», в письме из Берлина от 11 июня 1859 г. признаётся: «И брань, и слова сочувствия Вашего для нас весьма полезны: Ваше бесцензурное, свободное слово нас отрезвляет, — заставляет нас сличать наш язык с Вашим... Спасибо, сто раз спасибо Вам».

«Вы должны нам выставлять требования крайние, — пишет он же 30 августа 1859 г., — Вы должны нас постоянно подгонять и никогда не быть нами довольными; но мы, действуя, должны делать уступки, без чего не получим и того, чего можно достигнуть... На нашем месте Вы едва ли не так же бы поступили». И снова повторяет: «Выставляйте свои требования — это для нас полезно. Ругайте нас с своей точки стояния: это необходимо и благодетельно». Кончается письмо настойчивым советом «разобрать» состав редакционных комиссий и Главного комитета: «Теперь важно хлестнуть этих господ, ибо скоро главные основания поступят на их рассмотрение». О себе же он сообщает: «Я хотел было к Вам прислать моё сочинение о нескольких вопросах по крестьянскому делу, но теперь... я должен многие мысли проводить в Комитете, а потому неловко их огласить из Лондона» [1].

Используя в качестве бича или пугала вдохновенные страницы герценовского журнала, некоторые либералы всё же желают и принципиально оправдать свою известную близость или, по крайней мере, общение с этим страшным «Колоколом».

Из письма Кавелина к Герцену от 1862 г. можно видеть, как этот классический либерал расценивал «Колокол» в первый период его деятельности. «...когда ты, — пишет Кавелин, — бросал в гениальных своих статьях и памфлетах мысли, которые забегали на века вперёд, а для текущего дня ставил требования самые умеренные, самые ближайшие, стоявшие на очереди, ты мне представлялся тем великим человеком, которым должна начаться новая русская история» [2].

Значит, в то время, по мнению Кавелина, между его взглядами и направлением «Колокола» различия, в сущности, никакого не было, поскольку «Колокол» стоял за

[1] «Вольное Слово» № 58, 1883, стр. 10—11.

[2] «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 60.

те же умеренные очередные требования, которые были дороги Кавелину; а с тем, что человечество необходимо перейдёт к социализму *через века,* Кавелин и не спорил. Следовательно, считал Кавелин, противоречия его с «Колоколом» лишь кажущиеся, и если говорить о каких-либо несогласиях, то они вовсе не в сущности дела, а лишь... в «хронологии».

«Русский либерал *не хочет* видеть своего отличия от русских демократов» [1], ибо это ему выгодно,— говорит В. И. Ленин о либералах начала XX века. Либералам 60-х годов точно так же было выгодно не видеть своего отличия от демократической направленности «Колокола». В деле освобождения крестьян особенно ясно обнаруживается, как они тщательно закрывали глаза на эти неприятные им тенденции «Колокола». «Они (либералы.—*З. Б.*) всё ещё надеются мирного и безобидного для крестьян решения вопроса» [2], — правильно указывает редакции «Колокола» письмо «Русского человека». И вот, когда эти либералы читают о том же в «Колоколе», они им не нахвалятся, «не замечая» самой сути герценовской мотивировки. А «Колокол» между тем не раз подчёркивал, что он только потому за мирное разрешение вопроса, что немирное слишком дорого станет народу да и едва ли будет успешным. «Дать помещикам выкуп за землю обойдётся крестьянам дешевле, чем бунтовать: для помещиков отдать... земли за самый ничтожный выкуп — выгоднее, чем гибнуть во время крестьянского восстания», — читаем в одной из статей Огарёва 1860 г. [3] А ещё раньше Герцен настойчиво указывает: «Пора приступить к общей государственной мере выкупа крестьян с землёю, или мы пойдём навстречу страшных несчастий. Они начались,— и сердце обливается кровью при мысли, что теперь делается!

Злодейства совершатся, людей засекут!.. Злодейства эти скроются, благодаря второму бичу русской жизни, — безгласности» [4].

Столь же твёрдо защищает «Колокол» интересы народа, немедленно откликаясь на крестьянское движение

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 448.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 226.
[3] «Колокол» № 80 от 1. IX 1860 г.
[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 234.

против откупной продажи вина в 1859 г. Остроумными заметками журнал обращает внимание читателей на этот вопрос [1]. Когда же были получены известия о военном «усмирении *непьющих»,* сочувствие «Колокола» к этим «бунтовщикам», по терминологии правительства и либеральствующих дворян, выразилось в горячих словах Герцена: «Бедное войско, бедные офицеры! мало было им защищать трон и алтарь, помещичьи розги и чиновничий разбой, — пришлось теперь защищать кабак» [2].

Уже в начале 1860 г. Герцен считает нужным отмежеваться от либералов: «самое слово *либерал* как-то мало идёт ко мне, особенно с тех пор, как в России доктринёры и бюрократы, цензора и генерал-адъютанты хвастаются своим либерализмом» [3]. Однако до разрыва с либералами у «Колокола» в это время дело ещё не доходит.

В то же время именно постольку, поскольку журнал держит контакт с демократическими группами, создались те условия, при которых журнал Герцена в первый период издания (1857—1861) достиг колоссального влияния.

Г. Успех «Колокола» к началу 60-х годов. Формирование широких кругов читателей-корреспондентов. Внешняя структура и оформление журнала. Распространение лондонских изданий.

Успех «Колокола» в России был им завоёван, как мы знаем, в первые же месяцы его существования.

Его распространение, обеспеченное влиянием предшествующих изданий Вольной русской типографии и подготовленное (как указывалось выше) распространением в читательских кругах рукописной бесцензурной литературы, сразу получило прочное основание.

О первом же номере «Колокола» И. С. Тургенев сообщает Герцену: «Твой «Колокол» достиг высочайших

---

[1] «Колокол» № 44 от 1. VI 1859 г.; № 46 от 22. VI, № 52 от 15.IX, № 55 от 1.XI 1859 г.

[2] *А.* И. Герцен, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 86.

[3] Там же, стр. 238.

«регионов», — какое он там произвёл впечатление, сам можешь посудить» [1].

Но, конечно, не эти «высочайшие регионы» определяли положение журнала; важно было то, что «Колокол» нашёл и твёрдый путь к широким читательским кругам. Первый показатель этого — спрос. Об этом мы получаем достаточно ясное представление из указаний самого Герцена.

Герцен никогда не афишировал положение своего издательства, но никогда и не скрывал хода дел, в особенности в дружеской переписке. Как в начале, при организации типографии, он сообщал друзьям о затруднениях, неудачах, так теперь он делится с ними успехом. Подготовляя № 5 «Колокола» (который вышел в ноябре 1857 г.), Герцен мог сообщить Мишле 12 ноября 1857 г.: «Наша пропаганда всё разрастается, мы печатаем тысячами экземпляров и всё распродаём» [2]. К концу 1857 г. Герцен пишет Тургеневу: «Успех нашей типографии... monte... monte... monte. — Теперь уже набирают три француза, три англичанина... и наши поляки» [3], а в письме к М. Ф. Корш от 7 июля 1858 г. признаётся: «Если б у нас был помощник, мы бы «Кол[окол]» издавали всякую субботу» [4].

И в самом «Колоколе» есть прямое указание на подъём издательства: № 63 от 15 февраля 1860 г. заканчивается сообщением от редакции: «Вольная Русская Типография в Лондоне, увеличивая свои работы, перемещается с 1 марта по новому адресу». Вскоре Герцен в письме от 18 апреля 1860 г. к m-lle Рив снова констатирует: «...в России... наш голос проникает всё дальше и дальше, и всё, что мы печатаем, немедленно распродаётся» [5].

Уже с 1858 г. на издательство Герцена работают две типографии, но спрос так велик, что не всегда есть возможность его удовлетворить. Это видно из ответа Герцена в «Колоколе» корреспонденту, жалующемуся на неаккуратность доставки «Колокола» на континент: «В июне

---

[1] «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 109.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 49.

[3] Там же, стр. 62.

[4] «А. И. Герцен. Новые материалы», стр. 81.

[5] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 296.

месяце, напр., сверх 3 листов, вновь напечатанных, г. Трюбнер получил заказ на 4.800 разных листов «Колокола» и на 25 полных экземпляров. Типография не могла их выставить и отправила только 4.300» [1].

К 1861 г. тираж «Колокола» ещё возрастает, доходя до предельной цифры — 2 500 экземпляров, и обе типографии «полностью загружены вперёд на целый год, печатая ещё и 2-е издание «Колокола».

Успех издательства подтверждается ещё тем, что и с материальной стороны дело стоит теперь крепко. Не лишённые комизма факты доказывают, как выгодна была Трюбнеру, крупному лондонскому книготорговцу и издателю, клиентура Герцена. Летом 1858 г. Герцен со свойственным ему юмором сообщает Мальвиде Мейзенбуг: «Вообразите, Трюбнер подарил мне ящик шампанского! Ожидали ли вы чего-нибудь подобного?» [2] А осенью того же года пишет М. К. Рейхель: «Скульптор Грасс сделал мой бюст по заказу Трюбнера» [3].

Герцен указывает в точных цифрах размеры торговли Трюбнера его книгами. В марте 1859 г. он пишет сыну: «Кто осмелился бы думать в 1854 году... что Трюбнер будет продавать в год на 50.000 фр. русс. книг» [4].

О таком положении дел издательства имеются также указания современника, наблюдавшего дело со стороны. Мы имеем в виду воспоминания Гиляров-Платонова, которые тем интереснее, что автор не только не разделял взглядов Герцена, но принадлежал к враждебному лагерю. «Припомним пятидесятые года, — пишет он, — *пятьдесят седьмой* по преимуществу и следовавшие за ним ближайшие. Лондонская типография с издателем Трюбнером в Paternoster row зашибали деньгу; листки и книги русские... разлетались оттуда в неимоверном числе экземпляров... Во всяком городке... Европы, куда только ступала русская нога, красовались разные «Звёзды», «Колокола», «Голоса», революционные катехизисы разных наименований... шли всеми путями, сухопутными

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 58, примечание.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 260.

[3] Там же, стр. 389.

[4] Там же, стр. 526.

и морскими, эти листки и книги в Россию... Кто не читал, не слыхал, не видел? Только ленивый читать, лишённый любопытства, обделённый чувством общественным» [1]. К этим сведениям существенно добавить соображения, высказанные в одном из юбилейных сборников 1920 г.:

«Колокол»... был журнал нелегальный, не без труда проникавший через границу, и потому количество читателей, приходившихся на 1 экземпляр «Колокола», конечно, не вдвое и не втрое, а во много раз превосходило количество читателей одного экземпляра легального журнала, тем более газеты», а «наиболее распространённый в то время легальный журнал «Современник» (расходился. — *З. Б.*) не более, чем в 6.000, наиболее популярные газеты — 10—12 тыс.» [2]

Факты, подтверждающие колоссальный успех «Колокола» в те годы в России, имеются в многочисленных мемуарах и переписке современников, а также в «делах» политических процессов. Они общеизвестны.

Мы остановимся лишь на тех, которые дают достаточный материал для выяснения, в каких социальных группах распространялись лондонские издания.

Записи «Дневников» Добролюбова, уже приводившиеся нами, рассказывают, что в товарищеских кружках петербургских студентов была организована передача последних новинок из Лондона.

В кружках бывали студенты различных учебных заведений. Добролюбов пишет, что он получил вторую книгу «Полярной Звезды» от «восточных студентов», т. е. от студентов восточного факультета университета. «Разумеется, я с ними толковал весьма мало, потому что передо мною был собеседник поинтереснее. С 10 ч. начал я чтение и не прерывал его до 5 ч. утра... Закрывши книгу, не скоро ещё заснул я... Много тяжёлых, грустных, но гордых мыслей бродило в голове... Проснулся в 10 ч. и... полюбовался ещё раз на портрет Искандера, который достали они же» [3].

---

[1] Цит. по *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 259.

[2] Сборник «А. И. Герцен», ГИЗ, 1920, стр. 39.

[3] *Н. А. Добролюбов,* Дневники, стр. 195.

Опубликованные Лемке материалы особой следственной комиссии князя А. Ф. Голицына (1861—1862) дают дополнительные сведения о том, как студенты распространяли издания Герцена и среди молодёжи, находящейся зне стен университета, и среди учащихся средней школы, встречаясь с ними на публичных лекциях и в воскресных школах [1]. Из воспоминаний П. А. Кропоткина [2], П. И. Суворова [3], Ашенбреннера узнаём, что издания Герцена были известны даже воспитанникам военно-учебных заведений, причём Ашенбреннер даёт очень интересное указание, что с сочинениями и изданиями Герцена автор и его одноклассники познакомились через своего преподавателя. «Учитель Л... познакомил нас с Герценом. Были и между нами молодые люди, которые, познакомившись с этим писателем, полюбили его всей душой. Знакомство же с идеями Герцена сообщило им направление, которому они остались верны до старости... Л. входил в класс. Мы ставили «махального», и начиналось чтение: он читал нам соч. Герцена, «Колокол», «Полярную Звезду» [4].

С большим негодованием, не ослабленным временем, вспоминает князь В. П. Мещерский, как широко распространялись в конце 50-х годов издания Герцена среди чиновников всех рангов в Петербурге, и, говоря о влиянии Герцена, издатель пресловутого «Гражданина» восклицает: «Смешно вспомнить... явился новый страх — Герцен; явилась новая служебная совесть — Герцен; явился новый идол — Герцен» [5].

Естественно, что в среде профессионалов-литераторов можно было достать даже полные комплекты всего, что выходило в Лондоне. Авд. Як. Панаева рассказывает, что в 1858 г. (1859?) Н. И. Костомаров «попросил у Панаева за весь год «Колокол», которого в ссылке не имел

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 377 и след., примечание Лемке.

[2] *П. А. Кропоткин,* Записки революционера, М.—Л. 1933, стр. 87.

[3] См. *П. Суворов,* Записки о прошлом, ч. I, М. 1899, стр. 29.

[4] *М. Ю. Ашенбреннер,* Воспоминания, «Былое» № 4/16, 1907, стр. 5.

[5] *В. П. Мещерский,* Мои воспоминания, ч. 1, стр. 67.

случая читать»[1]. И. Панаев смог удовлетворить его просьбу.

Что касается Москвы, то здесь спрос на «Колокол» и другие издания Герцена был так велик, что в 1860 г. здесь была организована при ближайшем участии студентов университета нелегальная литография для их перепечатки. Она была обнаружена полицией летом 1861 г., и при аресте наиболее активных деятелей её, студентов Перикла Аргиропуло, Петра Заичневского и др., были захвачены «в значительном количестве... литографированные листы злоумышленных сочинений, по преимуществу Герцена, даваемые ими для прочтения разным лицам»[2]. Эти листы заключали в себе многочисленные статьи из «Колокола», портреты Герцена и целые номера его журнала[3].

Московские же семинаристы не жалели времени для переписки издания Герцена от руки. Рассказ об этом в своём «Дневнике» Ф. А. Гиляров заканчивает словами: «Да, Герцен — великий человек!»[4]

Так обстояло дело в столицах. Но не отставала и провинция. В доносе митрополита Филарета царю в мае 1861 г. о московской студенческой литографии упоминается, что «то же (т. е. перепечатка запрещённых сочинений. — *З. Б.*) делается в университетах харьковском, киевском и казанском»[5].

А. М. Унковский, хорошо знавший дворянскую и чиновничью среду в Твери, говорит о годах подготовки реформы: «Герцен имел до такой степени сильное влияние, что не было дома, в котором не было бы *«Колокола»*[6]. А пермский губернатор Лошкарёв, сетуя в письме от 4 марта 1862 г. к министру внутренних дел Валуеву на распространение свободомыслия в Перми, источник его видит в усиленном чтении Искандера в предреформенные годы;

---

[1] *А. Панаева,* Воспоминания, «Academia», М. — Л. 1933, стр. 379.

[2] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 172—173, примечание Лемке.

[3] См. там же, стр. 177.

[4] «Русское обозрение», т. XLIX, 1898, стр. 117, примечание.

[5] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 172, примечание Лемке.

[6] «Русская мысль», кн. VI, М. 1906, стр. 192.

состав же читателей определяет так: «Свободомыслящие, недовольные, искатели перемен, исключённые чиновники, ученики... В Перми к ним, как вредная закваска, присоединяются присланные под надзор, составляющие, без преувеличения, заразу, отравляющую молодые соки свежего края» [1].

Как некий общественный парадокс, встречаются среди постоянных читателей «Колокола» лица, стоявшие на диаметрально противоположных Герцену позициях по общественному положению и взглядам.

Тот же Унковский рассказывает: «...как курьёзно он («Колокол». — *З. Б.*) доставался, напр., мне. Я получал его иногда от И. М. Симановского, жандармского полковника. Бывало, когда я получу раньше его от кого другого, он берёт у меня, тихонько, конечно» [2].

Не менее неожиданные сведения получаем о другом читателе. 7 января 1859 г. архимандрит, ректор Казанской духовной семинарии и редактор «Православного собеседника» Иоанн Соколов пишет Н. П. Гиляровy-Платонову (тогда публицисту, близкому к славянофильским кругам): «И ещё просьба: жду не дождусь, бьюсь не добьюсь *Колокола,* нельзя ли как-нибудь на день — на два? Тотчас возвращу» [3]. А второй его корреспондент, архимандрит Вениамин, пишет ему из Риги о чтении им герценовских сборников «Голоса из России» и «Колокола» [4].

Из массы читателей очень скоро выделяются многочисленные кадры сперва эпизодических, а затем и постоянных корреспондентов «Колокола».

Актуальность крестьянского вопроса, содействие разрешению которого было первоочерёдной задачей «Колокола», скоро привлекла, как мы видели, читателей к участию в дискуссии на страницах журнала, а практическое влияние его на подготовку реформы сильнее поощряло корреспондентов.

Ещё бóльшую роль в этом отношении играло обличительство. В статье «Лобное место» («Колокол» № 3)

---

[1] Цит. по *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 410.

[2] «Русская мысль», кн. VI, 1906, стр. 192.

[3] «Русское обозрение», т. XLIX, 1898, стр. 117—118.

[4] См. там же, стр. 111.

Герцен пишет: «Наше положение обязывает нас обличать то, что скованная речь в России не смеет ещё высказать дома. Есть учения, есть люди, для которых наш станок превратился в *лобное место,* мы их выведем и покажем всему честному народу» [1].

На это откликнулось ещё больше читателей. Конечно, надо учесть, что здесь были и привходящие, сторонние причины — многие писали из личных соображений, посылали в Лондон служебные кляузы и сплетни с целью «насолить» начальству или личным врагам. Но редакция получала и ценные материалы. Вспоминая этот поток корреспонденций, Герцен так оценивает его в одной из позднейших статей: «Всякий писал, что попало: один, чтобы сорвать сердце, другой, чтобы себя уверить, что он опасный человек... но были письма, писанные в порыве негодования, страстные крики в обличение ежедневных мерзостей. Такие письма выкупали десятки «упражнений» [2].

Эти столь неравноценные корреспонденции именно самым количеством своим и давали возможность редакции «Колокола» выполнить поставленную задачу. Создавалась исключительная осведомлённость, широкая и богатая содержанием. Редакторы могли отбирать, проверять, и на страницы «Колокола» выпускались преимущественно лишь те факты, которые, раскрывая грандиозность злоупотребления или поступки власть имущего лица, носили характер принципиальный, являлись показательными симптомами состояния царского строя. Таковы, например, дела графа Кочубея, подстрелившего своего управляющего и оставшегося безнаказанным; московского обер-полицмейстера Беринга, самоуправство которого под эгидой генерал-губернатора Закревского не знало границ; флигель-адъютанта Сумарокова-Эльстона, перепоровшего не бунтовавших крестьян, и многие другие.

Стремление руководителей «Колокола» не загружать журнал частными мелочами и в то же время желание дать возможность и «маленьким людям», рискнувшим на

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 16.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 375.

письмо в Лондон, громко заявить о нарушенной справедливости или о страданиях униженной личности, заставляет их с осени 1859 г. начать эпизодическое издание прибавочного к «Колоколу» листка «Под суд!» [1]

В объявлении о предстоящем выходе его за подписью «Искандер, Н. Огарёв» указывается: «Мы открываем лобное место для частных лиц и частных дел; от наших соотечественников зависит добросовестно и смело воспользоваться нашим предложением. Мы желали бы, чтоб «Колокол» был голосом всех, а «Под суд!» — голосом каждого» [2].

Разоблачения «Колокола» производят в России сенсацию, поражая знанием деталей разбираемых дел. Сам граф Панин (влиятельный министр юстиции) был удивлён, что «решение сиротского суда в статье, помещённой нами, *списано слово в слово»*,—сообщает редакционная заметка в № 12 от 1 апреля 1858 г. Корреспондент из Новороссии рассказывает, какое впечатление произвело на местных жителей письмо, напечатанное в «Колоколе» № 22 от 1 октября 1858 г., к новороссийскому генерал-губернатору графу Строганову о злоупотреблениях местных помещиков: «...о нём (о письме) говорили не только в городах, говорили громко в местечках, где бывают воскресные ярмарки; редкий мужик в Тираспольском уезде не знает о том, что про Клопотовскую [помещицу] напечатано где-то за границей» [3]. В ряде случаев высшая администрация, спасая свой престиж, вынуждена была действовать по указаниям герценовского журнала. Несколько таких случаев опубликовано в «Колоколе», например, как московский обер-полицмейстер Берінг был удалён с занимаемого им поста через два месяца после обличения его деятельности в «Колоколе» [4], как московский же полицмейстер Сечинский принимал меры для своей реабилитации после заметки в «Колоколе» [5] и т. д.

Даже в заграничную печать проникают слухи о силе

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 61—62.

[2] Листок «Под суд!» выходил с осени 1859 г. до весны 1862 г. Всего было выпущено 13 номеров.

[3] В № 39 от 1. IV 1859 г.

[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 51—52, 118.

[5] «Колокол» № 12 от 1.IV 1858 г.

обличений «Колокола»; в письме к сыну от 17 ноября 1858 г. Герцен сообщает: «Indepén[dence] Belge» говорит, между прочим, что Ростовцев не назначен министром внутр. дел потому, что в общественном мнении его слишком уронили русские заграничные публикации, т. е. «Колокол» [1].

Безусловно, всё это ещё более поднимает авторитет «Колокола», а рост его влияния в свою очередь усиливает приток необходимых журналу материалов, и многие корреспонденты, присылая очередную информацию, присоединяют к ней одобрение журнала за его обличения. А в одном из таких посланий жалоба на неправильные решения высших судебных инстанций заканчивается словами: «Куда же тогда подать апелляцию на такое решение. Разве только в «Колокол»!» [2]

В частных письмах либеральные друзья Герцена не нахвалятся этой стороной деятельности «Колокола». Мельгунов в начале 1858 г. писал Герцену: «...имея такое огромное значение, помни, что ты им обязан *исключительно* той роли, которую ты так благородно и самостоятельно принял в последнее время, — быть возвестителем не только миру — это бы ничего, — а нам и Александру II, нашей гнили и мерзости. По твоим статьям подымаются уголовные дела, давно преданные забвению, твоим «Колоколом» грозят властям» [3]. Подобные отзывы встречаем и в письмах Тургенева [4]. Даже Чичерин в своём «Обвинительном акте» говорит: «...всякий охотно признает за вами существенную заслугу — раскрытие злоупотреблений... С этой стороны... вы имеете право на благодарность всех и каждого, каково бы ни было различие политических направлений» [5]. Казалось бы, на первый взгляд, что такое мнение либералов всех мастей вполне созвучно задачам и намерениям «Колокола».

Редакторы его, уделяя в журнале много внимания и места раскрытию злоупотреблений помещиков и чиновни-

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 387.
[2] «Колокол» № 23/24 от 15.IX 1858 г.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 243.
[4] «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 116, 123.
[5] Цит. по *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 415.

ков, диких распоряжений администрации и неправильных судебных решений, с понятным удовлетворением отмечают положительные результаты в России такого звона своего «Колокола». Почти в тон словам Мельгунова звучат слова Герцена в письме к Мишле от 16 апреля 1859 г.: «Наши дела идут хорошо: русская пропаганда из Лондона идёт, всё усиливаясь, и мы представляем собою силу, которая беспокоит правительство, но которую оно уже не смеет отрицать. После наших статей уже выгнали нескольких губернаторов и отдали под суд с дюжину чиновников» [1].

Но когда вглядишься в подбор фактов, выдвигаемых для обличения, и в ряд заявлений «Колокола», становится ясно, что у редакторов «Колокола» и его либеральных корреспондентов и критиков в понимании самой сущности обличительства, его конечных целей была большая принципиальная разница. Типичная задача либерального обличителя — раскрывать недостатки общественной жизни, чтобы их исправлением улучшить и укрепить существующий социально-политический строй со всем аппаратом его власти — чужда руководителям «Колокола». *Интересы народа* — вот что лежит в основе обличительства «Колокола». «Одна горячая любовь к России, — заявляет редакционная статья в начале издания, — одно глубокое убеждение, что наш обличительный голос полезен, заставляет нас касаться страшных ран нашего жалкого общественного быта и их гноя. Мы — крик русского народа» [2]. А значительно позднее, когда за плечами «Колокола» был уже полуторагодичный стаж и множество раскрытых злоупотреблений, Герцен от лица редакции так определяет эту деятельность: «Мы не представляли себя никогда ни правительственным авторитетом, ни государственными людьми. Мы хотели быть протестом России, её криком освобождения и криком боли, мы хотели быть обличителями злодеев, останавливающих успех, грабящих народ, мы их тащили на лобное место» [3].

Особенно чётко выясняется эта позиция «Колокола» в резком ответе редакции на предложение наивного корреспондента взяться журналу за улучшение работы государ-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 552.
[2] Там же, стр. 53.
[3] Там же, стр. 405.

ственной таможни, обличая чиновников, слабо ведущих борьбу с контрабандой: «...нам вовсе нет дела до полицейского или таможенного послабления,—говорят редакторы «Колокола», — мы не учим, как крепче запирать тюрьмы и как прочнее клепать цепи» [1].

Но были у «Колокола» и такие корреспонденты, которые понимали самую сущность его обличительства. Один из них пишет: «...только обнародование фактов, вырываемых из канцелярских вертепов и известных немногим, в состоянии раскрыть глаза толпе, расшевелить её или, по крайней мере, разбить очарование, производимое на неё существующим понятием «о важности государственного управления» [2].

Как близок был этот автор в понимании задач журнала к руководителям «Колокола», видно, если мы сравним его мнение со словами Герцена, сказанными, по свидетельству В. А. Панаева, весной 1859 г. «Колокол», — сказал Герцен, — ...является органом протеста против существующих порядков, т. е. носит в себе характер разрушительный» [3].

Если же и встречаются в «Колоколе» этого периода обращения к Александру II с советом изменить в лучшую сторону своё бюрократическое окружение, то это лишь выражало наивную надежду редакторов «Колокола» при содействии «внеклассовой» царской власти сперва обезвредить, а затем и полностью уничтожить бюрократический «чин», заменив его мирским самоуправлением.

Так сложилось в «Колоколе» революционное по значению и демократическое по направлению обличительство, которое захватывало жизнь самых широких слоёв населения России. Но, чтобы быть влиятельным и актуальным, оно требовало постоянно нового материала, что и обеспечивалось активностью читателей-корреспондентов.

Уже со второго номера в «Колоколе» появились корреспонденции читателей. Количество этих корреспонденций и роль их в обогащении журнала новым материалом возрастают из номера в номер.

---

[1] «Колокол» № 52 от 15.IX 1859 г.
[2] «Колокол» № 23/24 от 15.IX 1858 г.
[3] «Литературное наследство» № 41—42, стр. 603.

Не только информационная часть «Колокола» и документальные публикации, а часто и редакционные статьи были основаны на присланном корреспондентами материале.

Конечно, за всем этим стояла громадная работа редакции по отбору, обработке и систематизации получаемых материалов. Но в одном отношении журнал полностью зависел от корреспондентов: от их преданности делу, начатому Герценом; от понимания, что участие в «Колоколе» налагает на них большую ответственность перед родиной — в отношении *достоверности* направляемых в «Колокол» сведений. Заботясь об укреплении общественного значения журнала, Герцен ставит этот вопрос перед своими корреспондентами ещё в одном из первых номеров «Колокола»:

«Душевно, искренно, дружески благодарим мы неизвестных особ, приславших нам в последние два месяца большое количество писем и статей. Сведения из России, особенно из наших судебных пещер, из тайных обществ, называющихся министерствами... нам необходимы. Мы надеемся на продолжение присылок... но... полная свобода наша обязывает нас к некоторой строгости в выборе...

Только достоверная истинность сведений, оглашаемых нами, и некоторое значение их, может дать силу и важность нашему органу» [1].

«Умоляем всех особ, пишущих к нам,—повторяет Герцен в одном из номеров, — проникнуться ради нашего дела... что всякий факт неверный, взятый по слухам... может сделать нам ужасный вред, лишая нас доверия»[2].

Вскоре редакция с удовлетворением констатирует и со стороны корреспондентов желательную заботливость в этом отношении и благодарит за поправку неточности в напечатанном сообщении, заявляя, что готова «впредь и всегда печатать *всякое опровержение, основанное на фактах*» [3].

Получая такие фактические поправки, Герцен не только выражает благодарность за них, но снова поясняет их значение: «...мы ещё и ещё раз просим тех, кому дорога гласность, нами открытая, кому дорог наш орган, быть

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 35—36.
[2] Там же, стр. 53.
[3] Там же, стр. 119.

очень осторожными, сообщая нам новости,—ничем нельзя больше лишить «Колокол» его силы, как заставляя его повторять неосновательные слухи и ложные вести» [1]. Большинство корреспондентов так добросовестно относилось к принятой на себя обязанности, что за время издания «Колокола» во всех опубликованных материалах не было ни одной серьёзной ошибки. Бывали персональные неточности в сообщениях о частных делах, но они большей частью вскоре исправлялись. Этот факт — наилучшее доказательство близости, созданной «Колоколом» с читателями в России; они видели в нём своё дело и принимали на себя ответственность за качество его публикаций. В одном из писем в редакцию так и говорится: «Ошибки и промахи «Колокола» лежат на нас, а не на нём» [2].

Значительна была роль корреспондентов и в выработке стиля «Колокола» как общественно-политического журнала. Видя быстрый успех «Колокола», рост его авторитета, а затем встречая в ряде его статей шутливую иронию, высмеивание отдельных лиц и фактов, читатели, повидимому, выражают редакции опасения, как бы не утратил «Колокол» свою глубину и значительность, приняв стиль лёгкого сатирического журнала.

Это волнует и личных корреспондентов Герцена, которым дорог «Колокол» того времени. Тургенев 7 января 1858. г. пишет Герцену: «6 № Коло[кол] — хорош — но, по-моему, немного сбивается на charivari; а К-л и Шаривари большая разница... «игривость» — не нужна, особенно теперь, когда в России готовятся весьма серьёзные вещи» [3]. Редакция учла эту заботливую критику и в № 8 вступает в полемику с одним из авторов, защищая роль смеха, которую она ставит очень высоко, заявляя, что не собирается и в дальнейшем отказываться от этого публицистического приёма:

«Смех — одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и ещё держится...

Смех — вовсе дело не шуточное, и им мы не поступимся.

---

[1] *А. И. Герцен.* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 315.

[2] Там же, стр. 489.

[3] «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 115.

...Смех нивелирует, а этого-то и не хотят люди, боящиеся повиснуть на своём собственном удельном весе» [1].

«Смех у нас любят,— замечает Герцен,— это страшное оружие — его уступить нельзя» [2].

Мотивируя так обстоятельно своё расхождение с мнением корреспондентов, редакция «Колокола» подчёркивает тем самым и своё желание прислушиваться к их замечаниям. Такое внимание отмечается и самими читателями как характерная черта редакции «Колокола». Один из корреспондентов, посылая полемическую статью по вопросу о значении земельной общины, считает нужным подчеркнуть: «Вы так терпеливо и приветливо выслушивали несколько раз многие возражения на ваши заметки и статьи, что я не имею повода сомневаться в снисходительном приёме и моих препровождаемых при сем замечаний. Желаю, чтоб они были для вас доказательством участия и внимания, с которым вслушиваются в ваш голос издалека» [3]. Внимательно учитывались редакцией замечания читателей и о самой структуре «Колокола». Так, предполагая, повидимому, давать в журнале библиографический материал лишь весьма узко, редакция затем, под влиянием читателей, расширяет его. «С величайшим удовольствием, — пишут редакторы, — будем мы, по совету одного корреспондента, извещать не только о вновь выходящих книгах о России, но и о всех особенно замечательных книгах, выходящих в Европе» [4].

Впрочем, упомянув о структуре «Колокола», необходимо заметить, что говорить о ней можно лишь условно: ни твёрдо установленных разделов, ни постоянных руководящих передовиц в нём не было. Даже такая организующая публикуемый материал деталь, как оглавление, появляется в «Колоколе» лишь 1 января 1860 г. Состав материала и его расположение в журнале целиком ставились в зависимость от очередного актуального вопроса общественно-политической жизни России и значимости тех корреспонденций, которые получались от чита-

---

1 *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 118—119.
2 «Звенья», т. III—IV, стр 393.
3 «Колокол» № 57/58 от 1.XII 1858 г.
4 «Колокол» № 4 от 1.X 1857 г.

телей. Агитационная задача редакции — создать максимальную впечатляемость отдельного выпуска—заставляла бесконечно варьировать размещение материала. Поэтому каждый новый «лист» (как с 1 января 1858 г. стали называть номер «Колокола» его руководители) начинается то длинной статьёй, разбирающей последнее распоряжение правительства (например, в № 1 от 1 января 1858 г.— о рескриптах Александра II 1857 г.), то короткой, но выразительной заметкой редакции или большой корреспонденцией, вскрывающими новое злоупотребление администрации или помещиков (например, в № 10 от 1 марта 1858 г. — о самодурстве рязанского губернатора или в № 15 от 15 мая — о жестоких наказаниях крепостных, заметка Герцена «Розги и розги!»). То в начале номера помещается некролог лица, общественную роль которого «Колокол» считает нужным подчеркнуть перед читателями (например, в № 5 от 1 ноября 1857 г.— о кончине декабриста И. Д. Якушкина, то — даже стихотворение, характеризующее общее значение политического момента (например, в № 14 от 1 мая 1858 г.— стихотворение Огарёва по поводу казней). Но иногда даётся и общая редакционная статья итогового или программного характера (например, в № 18 от 1 июля 1858 г., посвящённая годичному юбилею «Колокола», или в № 32/33 от 1 января 1859 г.— о характере самого издания «Колокола»).

Особенно характерно для «Колокола», что единственный раздел журнала, который всегда выделялся в номере заглавием и который сохранился с первого до последнего номера, был раздел «Смесь», т. е. раздел, по самому своему существу не имеющий тематических рамок.

Конечно, рассматривая «Колокол» за всё время его издания, можно выделить несколько групп разного вида материалов, используемых в журнале. В разных сочетаниях и в разной последовательности мы здесь встречаем:

1. *Статьи и заметки:* от редакции; персональные того или другого редактора; полученные от корреспондентов.

2. *Письма в редакцию и ответы* на них редакторов.

3. *Подлинные тексты документов,* не допускаемых цензурой к публикации в России.

4. *Информации* от редакции или же составленные на основании корреспонденций или перепечатки из русской и иностранной печати.

5. *Некрологи и биографии.*

6. *Воззвания и персональные обращения редакторов.*

7. *Библиографические заметки.*

8. *Стихотворения и отрывки художественной прозы.*

9. *Отчёты о денежных сборах,* организуемых редакцией.

10. *Объявления.*

11. На особом месте — *«Смесь»*. Единство содержания этого раздела во всей многотемности помещаемого в нём материала указывается самой редакцией. Начиная этот раздел в № 1 «Колокола», редакторы дают ему эпиграфом слова Гоголя: «Сквозь видимый смех — невидимые слёзы». Что Герцен придавал «Смеси» особо серьёзное значение, видно уже из того, что вёл он её всегда лично сам, никому не доверяя этой работы (за очень небольшими исключениями в последние годы издания). И если большие статьи в «Колоколе» захватывали читателя блеском герценовского художественного пера, то политический успех «Смеси» обязан был его таланту публициста: самой композицией материала и краткими комментариями достигает он здесь исключительной выразительности каждого поставленного вопроса.

Но что оставалось неизменным в «Колоколе» в течение всего десятилетия — это внешнее оформление журнала. Общий облик «Колокола» установился к осени 1858 г. и сохранялся без всяких перемен всё последующее время.

Текст «Колокола» печатался в два столбца мелким газетным шрифтом. Это давало возможность на восьми страницах (таков размер герценовского журнала) дать большой материал. И хотя неизменный формат «Колокола» — «in folio», однако отдельный номер был весьма портативен благодаря тонкой бумаге, на которой он всегда печатался. Последнее условие имело, конечно, существенное значение при распространении журнала, в особенности когда средством транспортировки был чемодан или даже просто карманы отдельного читателя «Колокола» или посетителя Герцена.

Общеизвестно, что участие читателей играло большую роль в самом распространении «Колокола»; хотя безусловно слова В. И. Кельсиева о том, что «Колокол» и пр. (т. е. прочие лондонские издания. — *З. Б.*) распространялись *единственно* путешественниками, возвращавшимися из-за границы» [1], не соответствуют фактам.

Во время наибольшего успеха, которого достиг журнал Герцена к 1861 г., усилия отдельных сочувствующих лиц тонули в широком потоке движения лондонских изданий через книготорговые предприятия и материально заинтересованных агентов.

Как отмечалось выше, уже к началу 1857 г. укрепившееся издательство Герцена располагало такими комиссионерами во многих городах Западной Европы. Появление «Колокола» сильно подняло спрос на лондонские издания и за границей, среди прибывающих из России туристов и других путешественников; число контрагентов-книготорговцев значительно увеличивается. Заниматься продажей изданий Герцена становится выгодным уже не только в крупных европейских городах, расположенных вблизи курортов или транзитных путей.

2 августа 1857 г. Н. А. Мельгунов пишет Герцену из Гунценбаха: «Лондонск. издания распродаются так быстро, что недостаёт экземпляров. Да нельзя ли поставить Трюбнера в прямые сношения с Грациями? (так в шутку он называет сестёр — владелиц книжного магазина. — *З. Б.*). Здесь русских видимо-невидимо... Этим надо пользоваться» [2]. А незадолго перед этим И. С. Тургенев в письме из Зинцига, сообщая Герцену об успехе первого номера «Колокола», писал: «Печатай 1 и 2 части Полярной Звезды вторым изданием. Здесь только и слышно, что жалобы на невозможность достать их» [3].

---

[1] «Литературное наследство» № 41—42, стр. 273. (Курсив мой. — *З. Б.*). Вполне допустимо предположить, что Кельсиев, преувеличивая здесь роль отдельных случайных распространителей «Колокола», хотел уклониться от указания путей более организованного распространения.

[2] «Вольное Слово» № 58, 1883, стр. 8.

[3] «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 109.

К концу же 1857 г. Мельгунов пишет из Бадена: «В нынешнем году требования на твои издания были страшные» [1].

В декабре 1857 г. III отделением были получены сведения с точным обозначением книготорговцев, связанных с изданиями Герцена: *в Лондоне* — книжная лавка Тхоржевского и К⁰ («участником в оной был известный Осип Ольшевский, сосланный впоследствии в Сибирь»); книжная лавка Трюбнера. *В Гамбурге* — книжная лавка Кампе. *В Вене* — Славянская книжная лавка. *В Берлине* — книжные лавки Шлезингера, Ф. Шнейдера и К⁰, Боте и Бока, Астера и К⁰ («имеющая свой склад в Лондоне»); книжный магазин под названием «Stuhrsche Sortiments»; антикварная книжная лавка; книжная лавка Е. Г. Шредера; книжная лавка В. Адольфа и К⁰. *В Бреславле* — книжная лавка Гирта. *В Познани* — книжная лавка Лиснера. В *Лейпциге* — книжная лавка Брокгауза; книжная лавка Гергардта; книжная лавка Бибровича. *В Брюсселе* — книжная лавка Маркварта *В Париже* — книжная лавка Франка.

Особенно были озабочены царские чиновники сообщением о намерении лейпцигского книготорговца Бибровича (эмигранта) открыть «лавку в Дрездене, где другие книгопродавцы не занимаются ещё, подобно ему, продажею революционных сочинений» [2]. Правильно усмотрев здесь опасный показатель роста этой торговли, III отделение через правительственную миссию в Дрездене хлопочет об отказе Бибровичу [3]. Однако живое дело прорывает эти плотины. Не Бибрович, так другой книготорговец, Авенариус, стал контрагентом Трюбнера в Дрездене и продавал всё выпущенное Герценом [4].

---

[1] «Вольное Слово» № 58, 1883, стр. 8.

[2] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 538–539, примечание Лемке.

[3] Там же.

[4] Это видно из письма Герцена от 30 июля 1858 г. к М. К. Рейхель, которая тогда жила уже в Дрездене: «...Получили ли вы экземпл. «Кн. Щербатов и Радищев»? — спрашивает Герцен. — Если нет, справьтесь у Авенариуса. — Трюб[нер] ему писал и присовокупил, чтобы дал по два «Колокола» и *всего* (курсив мой. — *З. Б.*), что вы спросите» (*А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 277).

Но III отделение имело неполные сведения: торговля лондонскими изданиями шла шире, чем ему было известно. Уже для середины 1858 г. и затем для начала 1859 г. мы имеем указания на книготорговцев, продающих издания Герцена в пунктах, не отмеченных в приведённом списке [1].

К этому-то времени возникает оптовая пересылка от заграничных книготорговых предприятий книжным фирмам в Петербург, причём отправители прибегают часто к весьма замысловатой маскировке своего «опасного» товара. В конце 1858 г. шефу жандармов стало известно, что заграничные книготорговцы, посылая в Петербург издания Герцена, оклеивают их другими обёртками или прячут между газет, пропускаемых цензурой, а лейпцигский книготорговец Шор «вошёл в соглашение с шляпной мастерской Фризер и весь посылаемый ей товар обёртывал в листы «Колокола» [2].

Другие коммерсанты пытаются ещё шире поставить дело и наладить более прочную связь. В марте 1858 г. в руки III отделения попал документ, раскрывающий подобные попытки: «29 марта министр народного просвещения Ев. Ковалевский прислал шефу жандармов литографированные циркуляры парижских книгопродавцов А. Боне и Шульца, с предложением снабжать герценовскими изданиями; представил их министру петербургский книгопродавец Шмидекампф. В апреле дополнительно сообщено, что такие же циркуляры получены Минлосом и Мюнки,— они их просто изорвали. Обе бумаги были доложены» царю [3]. Шмидекампф, доказав таким образом свою благонадёжность, решил, повидимому, всё же не отказываться от выгодного товара, но предпочёл, как увидим ниже, получать его более безопасным путём —

[1] В письме к сыну от 7 октября 1858 г. Герцен говорит о книготорговце Lauffer'e в Женеве, у которого был склад его книг, а в письме к нему же от 11 марта 1859 г. в Ниццу поручает: «Непременно намыль голову Висконти, что он мало продаёт, дорого и мало выписывает... пусть же он требует экз. 100 («Пол. Звезды»), но главное «Колокол» (*А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 527—528).

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 248 примечание Лемке.

[3] Там же, стр. 134, примечание Лемке.

через иностранную цензуру в Петербурге, «смазывая», где нужно, продвижение заграничных книг денежной «благодарностью» [1].

Так обстояло дело в Петербурге. Но и южная граница России не была непроницаема для лондонских изданий. Из частного письма Герцену одного из корреспондентов (Чумикова, как указывает Лемке) узнаём, что ему берлинский книготорговец Шнейдер сбывает всего более русских книг в Афины и Константинополь [2].

Учитывая политическую обстановку этих столиц, можно с уверенностью сказать, что для лондонских изданий это были лишь транзитные пункты, откуда они заодно с обычной контрабандой, широко практиковавшейся на Чёрном море, попадали в наши южные порты, в особенности в самый крупный — Одессу. Это предположение подтверждается письмом к Герцену из Одессы постоянного в то время корреспондента «Колокола» — Громеко. «О закрытии для «Колокола» одесского порта не беспокойтесь, — пишет он, — ничего не сделают» [3].

Наконец, надо иметь в виду, что и с Дальнего Востока в Сибирь проникали запрещённые издания. В тех же воспоминаниях И. Попова, где он говорит о получении первых изданий Герцена, есть указание, что «Колокол» доходил через Китай и Кяхту до Иркутска, а оттуда попадал и на поселения декабристов [4].

Зная эти факты, мы можем с полным доверием отнестись к словам М. К. Рейхель, которая в своих воспоминаниях говорит, что *«Колокол»* Герцена проходил через все таможни и читался с возрастающим интересом» [5].

Есть достаточно сведений и о том, какими путями издания Герцена, достигнув пограничного пункта, дальше распространялись по России. Яркую картину проверки на таможне даёт Добролюбов. В «Дневнике» (1857 г.) он передаёт рассказ, лично слышанный им от цензора В. Н. Бекетова, «известного либеральностью по глупости»,— добавляет Добролюбов. Бекетов «рассказывал...

---

[1] «Колокол» № 208 от 15.XI 1865 г.
[2] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 60
[3] «Вольное Слово» № 57 от 15 марта 1883 г., стр. 7.
[4] *И. Попов,* У могилы Герцена, см. «Путь», V, 1912, стр. 60.
[5] «Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель», стр. 79.

как недавно получил из-за границы заграничные книги. Шепнул знакомому советнику в таможне, и тот крикнул: «каталоги»... Каталоги проходят без осмотра... Делают и иначе. Fables de Lafontaine 200 экземпляров. Один экземпляр берётся и просматривается слегка, потому что Fables de Lafontaine строго просматривать нечего... Остальные экземпляры проходят так, хотя на них только обёртка Fables, а иногда даже и того нет» [1].

Повидимому, такой провоз запрещённой литературы через таможню и распространение оттуда были поставлены весьма прочно. Как рассказывает Никитенко со слов князя Юсупова, хозяин одного берлинского книжного магазина предложил последнему дать заказ на герценовские издания, которые он обещал князю доставить в Петербург прямо на дом. Юсупов, удивлённый этим, заметил, что он может задержать того, кто принесёт эти издания. «Не беспокойтесь! — ответил хозяин. — Вы не в состоянии будете этого сделать, вы и не увидите того, кто вам принесёт их» [2]. Но, конечно, такая «коммерчески» поставленная доставка запрещённых изданий могла иметь место лишь в Петербурге, при непосредственной близости к таможне, да ещё в двух-трёх крупных центрах, у больших книжных фирм. Распространение же этих изданий, и в частности «Колокола», по всей России не могло иметь материального интереса для торговцев; представляя большой риск, оно, конечно, могло осуществляться только лицами, особенно в том заинтересованными. В. И. Ленин, говоря о напряжённости общественно-политического положения в России начала 60-х годов, отмечает «распространение по всей России «Колокола», как один из показателей революционного натиска того времени [3]. В одном из сообщений Добролюбова говорится, что среди лиц, идейно заинтересованных в успехе запрещённой литературы, встречались люди, посвятившие специально этому свои силы. Упоминая о Н. А. Мордвинове, Добролюбов записывает в «Дневнике»: «Это — человек, лично знакомый с Герценом и имеющий

---

[1] *Н. А. Добролюбов,* Дневники, стр. 194.
[2] *А. В. Никитенко,* Записки и дневник, т. II, Спб. 1905, стр. 95.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 26.

тенденции совершенно такие же, как и этот человек. Он ездил по России, распространял сочинения и идеи Искандера»[1].

Выше уже упоминалось о перепечатке журнала студентами (в особенности Московского университета) и переписке от руки семинаристами. Своеобразный способ применили почитатели «Колокола» в Воронеже; в воспоминаниях де Пуле рассказывается о том, что там переписывали «Колокол» *с местными добавлениями*[2]. Таким образом, авторитет герценовского журнала служил здесь непосредственным орудием борьбы с конкретными случаями местных злоупотреблений.

Но, говоря о движении «Колокола» через границу и по России, надо упомянуть два пути, по которым он мог проникать без препятствий. Во-первых, это свободное получение запрещённой литературы в посольствах. В. Алексеев в своих воспоминаниях рассказывает, как он, будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, давал уроки русского языка членам голландского, а затем прусского посольств и мог пользоваться этой заграничной литературой, причём в 1859 г. одним из его учеников был сам Отто Бисмарк, бывший тогда прусским послом в Петербурге; его Алексеев знакомил с литературными формами русского языка по «Дворянскому гнезду» Тургенева и «Колоколу» Герцена[3].

Вторым открытым путём была отправка «Колокола» обычным почтовым способом в запечатанных конвертах. К этому часто прибегал Герцен, посылая свой журнал не только лично «хозяину» Зимнего дворца[4], но и простым смертным, а также учреждениям. Так, московский жандармский генерал Перфильев извещал шефа жандармов, что «ректор московского университета получил

---

[1] *И. А. Добролюбов*, Дневники, стр. 118.

[2] См. *И. С. Никитин*, Соч., 1908, стр. 69.

[3] См. «Исторический вестник», XI, 1891, стр. 451.

[4] Публикуя в № 27 от 1.XI 1858 г. «Открытое письмо» к императрице Марии Александровне, Герцен в конце листа помещает такую заметку: «Мы отправили пропилый лист «Колокола» в конверте на имя государя. Важность «Дедновского дела» (раскрытие «Колоколом» злоупотребления администрации в селе Деднове. — *З. Б.*) побудила нас к этому. Надеемся, что Долгоруков не скрыл его» (*А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 366).

в конверте номер «Колокола»[1]. А в январе 1858 г. Н. И. Греч писал Тимашеву: «...получив из Лондона неизвестно кем поданный на почту пакет со вложением листка под заглавием: «Колокол», № 7, — долгом считаю представить оный при сем Вашему Превосходительству»[2].

Из воспоминаний П. М. Ковалевского (родственника министра просвещения) знаем, что «Герцен высылал свои издания всем министрам и сановникам»[3].

А новороссийский генерал-губернатор граф А. Г. Строганов извещает шефа жандармов В. А. Долгорукова 24 августа 1858 г. о целой «серии однообразных конвертов, надписанных одною и тою же рукой», с «прокламациями» Герцена, направленных по различным адресам, и просит его подумать о способах борьбы с этим «злом»[4]. Интересно свидетельство М. К. Лемке, много работавшего над рукописями Герцена: «Из массы прочитанных мною разнообразных архивных дел, вообще, видно, что надписи на конвертах, заключавших в себе номера «Колокола» и др. своих изданий, делались самим Герценом и запечатывались сюргучом с неясной печатью»[5].

С распространением «Колокола» растёт и его авторитет. Связи с Россией увеличиваются; и даже мельком брошенные замечания в частных письмах Герцена показывают, как росло число посетителей его: 12 сентября 1857 г. — к Мейзенбуг: «Русская миграция продолжается»[6]; 4 октября 1857 г. — к ней же: «У нас, по-прежнему, лавины русских и горы отправленных книг»[7]; 30 июля 1858 г. — к Рейхель: «Русских мириады здесь, — я уж начинаю барахтаться»[8]; 18 сентября 1858 г. — к ней же: «Количество русских таково, что я, наконец, должен

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 535.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 133, примечание Лемке.
[3] *П. М. Ковалевский,* Стихи и воспоминания, стр. 339.
[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 248, примечание Лемке.
[5] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 304, примечание Лемке.
[6] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 21.
[7] Там же, стр. 39.
[8] Там же, стр. 277.

был назначить два дня в неделю: *среду* и *воскр.*, в три часа — для любезных незнакомцев» [1]; 2 июня 1859 г. — к Мейзенбуг: «Опять у нас около дюжины русских» [2].

О таком множестве посетителей Герцена говорит и Кельсиев, начиная свой ответ следственной комиссии словами: «Точно водопад лился — одно лицо сменялось другим» [3].

Читатели «Колокола» доставляли Герцену громадное количество корреспонденций. На это редакция даже сочла нужным указать в «Колоколе». Номер 42/43 от 1 и 15 мая открывается редакционной заметкой, где говорится, что корреспонденций так много, что приходится ограничиваться выписками из них [4].

Кельсиев рассказывает о своеобразной технике пересылки корреспонденций из России, к которой многие прибегали: «Письма и статьи вывозились отъезжавшими за границу и сдавались на почту в Берлине, в Дрездене, в Штеттине на адрес Трюбнера, Тхоржевского и одного дрезденского банкира, приятеля Герцена, которого имя теперь не припомню» [5].

Всё это создавало исключительную осведомлённость редакции, и на страницы «Колокола» попадали факты и документы из самых секретных тайников царской администрации. «Ужасно подумать, — писал известный своей близостью к III отделению И. П. Липранди камергеру и тайному советнику Гедерштерну 22 июня 1861 г., — каким образом лондонско-русский типографский станок сделался как бы *ухом Дионисия Сиракузского,* выслушивающего самые секретные из некоторых документов!!» Липранди поэтому просит своего адресата уничтожить его письмо [6]. И сам шеф жандармов князь Долгоруков, как сообщал Герцену один из его корреспондентов, ещё в 1858 г., сказал у себя за обедом: «H[erzen] est une puissence» [7].

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 337.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 26.
[3] «Литературное наследство» № 41—42, стр. 418.
[4] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 560.
[5] «Литературное наследство» № 41—42, стр. 421.
[6] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 203, примечание Лемке.
[7] «Вольное Слово» № 58, 1883, стр. 9.

Д. Борьба царского правительства с растущим влиянием «Колокола»

Это признанное даже официальными кругами влияние и осведомлённость «Колокола», а также связь его с самыми различными районами России вызывали серьёзные опасения в правительственных сферах.

Отсюда — всевозможные меры III отделения и других власть имущих инстанций против распространения изданий Герцена.

Уже в первые месяцы существования журнала царским правительством делаются попытки сократить и подорвать распространение «Колокола», создав препятствия к его продаже за границей. При помощи дипломатических и недипломатических агентов удавалось добиться иногда временного запрещения торговли лондонскими изданиями там, где правительства не смели перечить желаниям Петербурга (Саксония, Франкфурт, Неаполь и др.). Но, во-первых, это удавалось лишь на короткое время, так как было весьма сложно обходить для исполнения этих желаний существующий закон о свободе печати, а во-вторых, все эти меры лишь повышали спрос. С большим юмором рассказывает Герцен в «Колоколе»: «И нам пришлось печатать после всех этих реклам, переписок, совещаний (с целью затруднить продажу «Колокола». — *З. Б.*) ... ровно *вдвое больше* наших книг!» [1]

Другим способом борьбы была посылка за границу шпионов — агентов III отделения. Но при помощи друзей и почитателей «Колокола» Герцену удавалось раскрыть и тем самым обезвредить этих шпионов. В № 4 «Колокола» Герцен помещает извещение «От издателя» — об отстранении «от всякого участия в делах г. Трюбнера» некоего Генриха Михаловского, оказавшегося осведомителем («корреспондентом») русского правительства [2].

Шпионом оказался также «профессор астрономии» М. Хотинский; обнаружив его связь с III отделением,

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 236.
[2] См. там же. стр. 36.

Герцен при содействии И. В. Долгорукова огласил это и тем прервал его «деятельность» [1].

Одновременно и в России принимаются меры: с целью подорвать связи и осведомлённость «Колокола» начинаются преследования лиц, подозреваемых как корреспонденты Герцена. С. Громеко в письме к Герцену из Одессы от 11 декабря 1859 г. указывает, как опасна становится переписка с Лондоном: «N. N. сильно прижали было по подозрению за доставление Вам сведений; губерн. предводит. (дворянства.— *З. Б.*) Касянов — обещал публично *дойти* его; Строганов (новороссийский генерал-губернатор.—*З. Б.*) тоже начал было наседать, но я успел кое-как смягчить первые перуны» [2].

Однако и эти меры преследования опять-таки бьют рикошетом их инициаторов: количество корреспондентов Герцена не уменьшается, но они делаются более осторожными, а потому уловить их становится труднее. В № 64 журнала рассказывается, как безнадёжно добивался генерал Сиверс открыть корреспондентов «Колокола» среди писарей военного министерства [3]. Это бессилие, страх перед влиянием «Колокола» правильно усматривает Герцен и в речи графа Панина к депутатам; он как новый председатель редакционных комиссий просит их не разглашать дела подготовки реформы, *«а тем более писать об нём за границу»* [4].

Тот же страх звучит и в напутственной речи законоучителя выпускным офицерам 1-го кадетского корпуса с советом «не... читать тех запрещённых сочинений, которые ходят тайком и, как волки хищные, губят религию и государство». Герцен, передавая об этом в «Колоколе», добавил: «После этого мы обеспечены: каждый молодой офицер примется за хищных волков» [5].

Факт признания тогда в правительственных сферах безрезультатности мер против «лондонской заразы» подтверждает впоследствии сам Модест Корф. В «Отзыве»

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 214.

[2] «Вольное Слово» № 57, 1883, стр. 7.

[3] «Колокол» № 64 от 1.III 1860 г.

[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 288.

[5] Там же, стр. 372.

его по поводу «Устава о книгопечатании» встречаем такое признание: «Всякому известно, что... именно в то время, когда правительство всего строже преследовало известные лондонские издания, они расходились по России в тысячах экземпляров, и их можно было найти едва не в каждом доме, чтобы не сказать в каждом кармане»[1].

Всё это приводило правительство к мысли о необходимости новых способов борьбы с лондонскими изданиями, к попытке создать видимость общественного выступления против Герцена и его журнала.

Здесь и был использован некий барон Фиркс. Он под псевдонимом «Шедо-Ферроти» выступил с брошюрой, изданной за границей на французском языке, «Lettre à M-r Herzen». В ней, признавая дарования и публицистический талант Герцена, автор советует ему для успеха самых его идей смягчить резкость тона статей; тогда он сможет найти поддержку «многих просвещённых людей и даже самого правительства»; далее автор красноречиво расписывает благие результаты такой совместной деятельности.

Брошюра эта была лишь пробой пера для Шедо-Ферроти и, может быть, пробой со стороны правительства оказать некоторое влияние на Герцена. Главное значение имела вторая брошюра Шедо-Ферроти. Это было тоже письмо к Герцену; написано оно по поводу открытого обращения руководителя «Колокола» к русскому послу в Лондоне (барону Бруннову) в связи с полученными Герценом анонимными письмами с угрозой убить его.

Уверенный, что всё это дело рук III отделения, Герцен решил дать всему огласку и высмеять эти новые происки врагов в письме к русскому послу. Шедо-Ферроти пытается поместить своё письмо в «Колоколе», но, получив отказ Герцена, печатает его в Берлине отдельной брошюрой на русском и французском языках (в декабре 1861 г.) как комментарии на письмо Герцена послу[2]. В этих-то комментариях и была центральная

---

[1] «Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати», ч. I, Спб. 1870, стр. 100—101.

[2] «Lettre de M-r Herzen à l'ambassadeur de Russie à Londres avec une replique et quelques observations de D. K. Schédo-Ferroti», Berlin 1861.

задача всей миссии Шедо-Ферроти: дать обширную уничтожающую критику взглядов Герцена. Расчёт на убедительность этого издания состоял в том, что для читателя брошюры была известна лишь одна сторона — толкование и мотивировка Шедо-Ферроти; действительные взгляды Герцена оставались от него скрытыми.

Брошюра эта была разрешена к свободной продаже в России. Влиятельные заказчики брошюры рассчитывали таким путём ослабить авторитет Герцена и его изданий. Но угоднические цели автора слишком явно выступали в красноречии этого произведения. Брошюра привлекла внимание читателей лишь упоминанием о Герцене, но содержание её вызвало немедленно должный отпор со стороны передовых кругов. Краткой, но выразительной листовкой, направленной против брошюр Шедо-Ферроти, тотчас же отозвался П. С. Мошкалов (тогда студент Петербургского университета). Автор высмеивает в ней манёвр Шедо-Ферроти и намерение правительства подорвать этим путём силу влияния Герцена. Листовка была отпечатана в Петербурге в подпольной «карманной» типографии и быстро распространилась по всей России.

Более пространную отповедь получил Шедо-Ферроти со стороны Д. И. Писарева, но его прокламация, стоившая ему ареста и тюремного заключения, не увидела света.

Для Герцена и этот инцидент имел тот положительный результат, что имя его, изгонявшееся в течение четырнадцати лет русской цензурой, было упомянуто в печати открыто.

Но опыт с Шедо-Ферроти был учтён и царским правительством. Когда с обострением реакции встал вопрос о необходимости усилить борьбу с Герценом и его изданиями, русские власти предприняли против Герцена яростную кампанию в прессе, руководимой Катковым.

Глава III

ВТОРОЙ ПЕРИОД В ИЗДАНИИ «КОЛОКОЛА» (1861—1863)

1. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

С 1861 г. в содержании «Колокола» происходят существенные изменения.

Как известно, в России общественно-политическая жизнь этого времени отмечена сильным подъёмом классовой борьбы, достигающей небывалых дотоле размеров и проявляющейся в особо острой форме. Редакция «Колокола», хорошо осведомлённая о происходящих в России событиях, даёт на них немедленный отклик.

Месяца не прошло со дня опубликования манифеста и «Положения 19 февраля 1861 г.», как в Петербург стали доходить вести о сильном недовольстве и неповиновении «освобождаемых» крестьян. Барсуков, опираясь на обильный материал, отмечает, что первые официальные известия о крестьянских волнениях были получены в столице 29 марта 1861 г. из Рязанской губернии [1], а через несколько дней А. В. Никитенко, всегда хорошо осведомлённый в делах высших административных сфер, записывает в своём «Дневнике»: «В некоторых губерниях, в разных уездах, уже произошли волнения среди крестьян, которые отказываются от выполнения всяких повинностей в отношении к помещикам. Помещики, в свою очередь, сильно раздражаются. Надо опасаться

[1] *Н. Барсуков*, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XVIII, Спб. 1904, стр. 65.

столкновения при наделе землёй». Сообщая 16 апреля о том, что накануне получена была официальная телеграмма о «бунте» в Казанской губернии, тот же автор вскоре даёт обобщающую оценку этим известиям: «Однако, добродушный русский народ, который, по словам Погодина, встретил свободу с умилением сердца, кротко и благодарно, начинает в разных местах проявлять своё вековое невежество и грубое непонимание закона и права» [1].

Эта чётко классовая оценка, сложившаяся у Никитенко в результате бесед со многими столичными и приезжающими в Петербург помещиками — влиятельными лицами в обществе и в администрации, — укрепляется затем как официальная версия: всеподданнейший доклад III отделения за 1861 г. не раз повторяет: «...проявлялись... беспорядки, происшедшие от непонятия крестьянами дарованных им прав», или «...волнения крестьян начали проявляться также вскоре после обнародования новых положений, от недостаточного понимания их, превратного объяснения нанятыми чтецами» [2].

Однако уже с самого начала реализации реформы творцы её, подготовляя при «освобождении» крестьян наступление на их жизненные интересы, ясно, повидимому, представляли себе, как проявится это «вековое невежество», это «непонимание крестьянами закона», и принимали необходимые меры: командированные заранее по губерниям флигель-адъютанты имели широкие полномочия в отношении применения вооружённой силы и «снабжены были секретным телеграфным ключом для донесения... о таких случаях, которые по своей важности подлежали особой тайне» [3].

Но помимо мер физического воздействия на народ власти прибегали и к агитации. Ещё в первой половине марта, как только «стали доноситься слухи об общем ропоте, — пишет Барсуков, — Погодин, во избежание недоразумений... счёл за благо написать две *грамотки»* с целью «возбудить в крестьянах благодарность и внушить терпение, подвигнуть к послушанию и исполнению

---

[1] *А. В. Никитенко,* Записки и дневник, т. II, стр. 12, 16.
[2] «Крестьянское движение 1827—1869», вып. II, стр. 13.
[3] Там же, стр. 10.

остальных обязанностей. К этому предприятию Погодина поощрял сам Николай Алексеевич Милютин» [1].

В первой своей «грамотке», опираясь на царистско-религиозную идеологию крестьян, Погодин старался доказать, как хороша будет теперь для них жизнь, лишь бы они выполняли требования «Положения»: «Посетил нас бог, друзья мои сердечные, святою своею милостью, наградил нас царь-батюшка за наше долготерпение; принесли для нас жертву помещики, за верную нашу многолетнюю для них работу... Боже упаси заводить какой-нибудь спор, или оказывать ослушание...», это «...огорчит батюшку царя-благодетеля вашего до глубины сердца» [2]. И так далее, на нескольких столбцах газетного листа.

Опубликовав статью в «Спб. Ведомостях», Погодин берётся за вторую. Однако его влиятельные «вдохновители» (по выражению Барсукова) из Петербурга, одобряя форму, вызывающую, по их мнению, нужное настроение крестьян, хотели более конкретного содержания. Для них было важно, чтобы в погодинском стиле крестьянам были «растолкованы» самые острые вопросы «Положения». Но Погодин не оправдал их надежд. Пойдя и во второй статье по линии наименьшего сопротивления, он пространно, с экскурсами в историю говорит лишь о правах, полученных крестьянами, а «разъяснение» самых насущных вопросов о земле, повинностях, выкупе подменяет бессодержательным многословием.

Конечно, безрезультатность таких разглагольствований была понята заказчиками Погодина. «Грамотки» его не были выпущены массовым тиражом.

Деловые вдохновители московского профессора уже пулею и плетью стали «разъяснять» к этому времени сложные вопросы «Положения 19 февраля». Они предпочли иную агитацию с показными результатами, необходимыми для официального оптимизма. Во всеподданнейшем отчёте III отделения читаем: «Чувства признательности крестьян за дарование свободы были ими

---

[1] *Н. Барсуков,* Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XVIII, стр. 36—38.

[2] Там же, стр. 38—40.

выражены... в разных губерниях молебствиями о здравии вашего величества и августейшего семейства, устройством икон, денежными сборами на церкви и училища, равно представлением всеподданнейших адресов» [1].

Такие адреса и сборы, как показывают источники, создаются среди мелких лавочников, банщиков, сидельцев в кабаках, которые лишь числились крестьянами. Этим деклассирующимся земледельцам было чему радоваться при отмене крепостного права, стеснявшего их новую деятельность.

Настоящая деревня даёт совсем другой ответ, и ответ настолько определённый, что он вызвал выступление самого коронованного «агитатора». В августе 1861 г. по дороге в Ливадию Александр II обратился с речью к волостным старшинам временнообязанных крестьян Полтавской губернии. «Ко мне доходят слухи, — строго заметил государь, как передаёт Татищев, — что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. Исполняйте, чего требует закон и положение! Трудитесь и работайте! Будьте послушны властям и помещикам» [2].

Но и это «отеческое» внушение оказалось бесплодным. Отчёт III отделения (за 1861 г.) отмечает: «...во второй половине года ослушание их (временнообязанных крестьян. — *З. Б.*) возобновилось в разных местах по случаю введения уставных грамот» [3]. В итоговой же части отчёта сказано более определённо: «...введение уставных грамот встретило *везде* упорное сопротивление» [4].

Констатирует отчёт и другой факт: «...полевые работы шли неуспешно: крестьяне или уклонялись от них, упуская удобное время, или работали небрежно... от этого некоторая часть хлеба осталась неубранною с полей, и посев на 1862 г. (озимый, осенью 1861 г. — *З. Б.*) уменьшен, местами до третьей части; в Рязанской и Самарской губерниях до половины прежнего количества» [5].

---

[1] «Крестьянское движение 1827—1869», вып. II, стр. 27.
[2] *С. Татищев,* Император Александр II, т. I, Спб. 1903, стр. 394.
[3] «Крестьянское движение 1827—1869», вып. II, стр. 17.
[4] Там же, стр. 22. Курсив мой.—*З. Б.*
[5] Там же.

Это не только задевало интересы помещиков, но ставило прямо под угрозу и основу их существования. Первые признаки этого явления были учтены правительством ещё весной 1861 г. «Замена Ланского Валуевым, — пишет Татищев, — получила определённое политическое значение, как указание на желание государя в дальнейшем направлении крестьянского дела принять в соображение законные интересы дворян» [1].

Итоги деятельности этого нового министра вполне конкретно выражаются в данных о количестве убитых и раненых крестьян по губерниям и уездам, которые приводит отчёт III отделения, подробно, как в боевых сводках [2].

Для современников этот поворот правительства в сторону реакции, с одной стороны, и рост крестьянских волнений — с другой, служили стимулом для ускорения решения тех вопросов, которые были поставлены, но не решены реформой 1861 г., — вопросов полной перестройки феодально-крепостнического общества.

Либералы, ещё продолжавшие восхищаться актом отмены крепостного права, всё ещё надеялись убедить Александра II не оставлять широкого плана реформ. Их некоторое отрезвление начинается с наглядного урока, полученного тверским дворянством в феврале 1862 г. Однако к концу года нарастающие события в Польше подготовляют резкий поворот либералов в сторону поддержки правительственной политики.

В то же время радикально-демократические общественные движения приобретали всё более и более боевой характер. Движение, возникшее в стенах университетов по узко академическим вопросам, начиная с казанского выступления 16 апреля 1861 г. (в связи с расстрелом в селе Бездна) принимает формы политического протеста. Уличные демонстрации сопровождались бурными столкновениями с полицией. С начала нового учебного года, осенью 1861 г., волна студенческого движения охватила целый ряд учебных заведений.

«Мы серьёзно считали себя «накануне» [революции],—

---

[1] *С. Татищев,* Император Александр II, т. I, стр. 392.
[2] «Крестьянское движение 1827—1869», вып. II, стр. 17—18.

пишет в своих воспоминаниях Н. В. Шелгунов... То было время самого славного возбуждения» [1].

Летом и осенью 1861 г. появляются первые политические прокламации — «Великорусс» и «К молодому поколению».

Зимой 1861/62 г. революционно-демократическое окружение редакции «Современника» под непосредственным влиянием Н. Г. Чернышевского и при его личном участии составляет известную прокламацию «К барским крестьянам».

Если «Великорусс» со своей умеренно-конституционной программой испугал власть имущих самым фактом своего появления, то уже прокламация Шелгунова «К молодому поколению», определённо заговорившая о революции, навела страх и на либеральные круги русского общества.

Умеренный либерал Никитенко в следующих словах выражает своё смятение перед надвигающейся общественной бурей:

«Не есть ли всё это процесс перерождения — и это всеобщее шатание умов, и быстрая, тревожная разладица общественных отношений, деморализация, бестолковое увлечение молодых умов, тупое бездействие зрелых... Не есть ли это... процесс перерождения народа, который не жил до сих пор жизнью естественного и здорового развития, народа, которого история мучила, а не воспитывала?.. Всё это невольно надламывает во мне веру в нашу национальную способность самим устраивать свою судьбу. Невольно приходит на ум, что русский народ в самом существе своём носит невозможность самообладания, невозможность нравственной и политической самозиждительности. Не общее ли это на всех славянах проклятие? Спаси, боже!» [2]

Приведённые строки личного дневника либерального чиновника показательны. Они свидетельствуют о зарождении определённого настроения некоторой части русского общества. Это настроение слагается под страхом классовой борьбы и не только приводит либералов типа Каве-

---

[1] *Н. В. Шелгунов,* Воспоминания, стр. 34.
[2] *А. В. Никитенко,* Записки и дневник, т. II, стр. 57.

лина к одобрению правительственных репрессий, но и закладывает базу той упадочной идеологии, которая в дальнейшем подчиняет себе неустойчивую часть русской интеллигенции. Своими измышлениями об отсутствии творческой силы и дарований в русском народе она пытается обосновать не только своё примирение с политикой царского правительства, но и собственную инертность и самоуспокоенность в теории «малых дел». Но им противостояла самоотверженная борьба революционеров, основанная на глубокой вере именно в творческую силу масс и дарований русского народа. При истоках же этого движения стояли революционно-демократическая группа Чернышевского и «Колокол» Герцена, именно в пореформенный период его издания.

2. ИЗМЕНЕНИЕ ПРОГРАММЫ «КОЛОКОЛА». РОСТ РЕВОЛЮЦИОННОСТИ ЖУРНАЛА. РАСХОЖДЕНИЕ ЕГО С ЛИБЕРАЛАМИ

1861 год был переломным в жизни «Колокола»: живо реагируя на социальные сдвиги в России, журнал Герцена ко второй половине года значительно изменяет свою программу. В то же время тематика его в первое время после реформы (весна и лето 1861 г.) в основном остаётся прежней: доминирует крестьянский вопрос. Но трактовка этого вопроса, в центре которого теперь стоит объявленное уже правительством «освобождение», самая оценка «Положения 19 февраля» и приёмов его введения создаёт в первую очередь новое направление журналу и ставит перед ним новые задачи.

Первая пореформенная статья[1] по крестьянскому вопросу была посвящена предварительному разбору «Положения». Она была написана на основании только общей части «Положения», тогда как «местные положения» с их изобретениями способов классового наступления в виде «системы градаций», новых «повинностей», временнообязанных крестьян и пр. ещё не были получены в редакции «Колокола». Следует заметить, что к моменту написания

[1] Статья Огарёва «Начало русского освобождения» (см. «Колокол» № 96 от 15.IV 1861 г.).

статьи (она помечена 9 апреля 1861 г.) сведения о начавшейся реализации реформы и отношении к ней крестьян не успели ещё дойти до руководителей «Колокола».

Вся статья проникнута тем настроением, о котором Герцен писал тогда же Н. Ф. Щербине: «...во всяком случае теперь мы пойдём скорее, — одной жабой меньше на груди» [1]. Огарёв в статье говорит сильнее: «Живой восторг от великого начинания ещё слишком волнует нас, чтоб можно было хладнокровно проследить все противоречия и ошибки нового положения...» [2] И когда он переходит затем к разбору новых прав «освобождаемых» крестьян, то останавливается на неясностях или умолчаниях текста с надеждой, что все они будут затем разъяснены новым комитетом во главе с вел. кн. Константином Николаевичем в интересах крестьян и при гласном обсуждении в прессе. Заканчивается статья даже выражением уверенности, что «Александр II будет настолько честен и искренен, что примет... имя Освободителя... не от Сената, а от народа... и не теперь», добавляет, однако, Огарёв, «а тогда, когда все крестьяне будут свободны и всем им их земля будет отдана без утайки, без недомолвок, без недоразумений, ясно и полно» [3].

Эта формула здесь весьма знаменательна: в ней уже заложена в потенции та резкая критика, в которую разовьётся затем разбор «Положения» в «Колоколе».

Ждать этого пришлось недолго. Вскоре редакция «Колокола» получает полный текст «Положения» со всеми местными вариантами, а вслед за этим начинают поступать и сообщения о начавшемся введении реформы в жизнь, о вызванных им крестьянских волнениях и об их вооружённом подавлении. Сомнения в том, как будет толковать правительство неясные пункты «Положения», исчезли, и уже с июньского (101-го) номера в «Колоколе» появляется ряд статей Огарёва, одни заглавия которых достаточно раскрывают позицию журнала. «Разбор нового крепостного права» — так называет Огарёв свою статью, в которой даёт оценку «Положения 19 февраля».

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 76.
[2] «Колокол» № 96 от 15.IV 1861 г.
[3] Там же.

«Старое крепостное право заменено новым, — пишет Огарёв. — Вообще крепостное право *не отменено. Народ царём обманут*» [1].

В своих статьях Огарёв обстоятельно, пункт за пунктом, разбирает параграфы «Положения», подводя читателя к мысли, что и в вопросе о земле, и в вопросе о выкупе «народ царём обманут». Рассматривая же вопрос о повинностях срочнообязанных крестьян, Огарёв констатирует: «Скрытая война против крестьян, по случаю их освобождения, проведена во всех положениях о повинностях — равно оброчных, надельных и смешанных» [2]. Автор уделяет большое внимание выкупу надела как условию полного освобождения. Но в действующем «Положении» Огарёв усматривает лишь препятствия, созданные к его осуществлению, и, будучи, в сущности, противником выкупа, он теперь даёт ему уже иное толкование: выкуп должен быть не выплатой крестьянами стоимости надела, а «пособием помещикам из общих государственных податей» [3]. Однако очень скоро на страницах «Колокола» читатели встречают мысль уже о полном отрицании выкупа. В № 109 от 15 октября 1861 г. в тексте прокламации «Великорусса» № 2 говорится: «...должно помнить, что выкуп отвергают единодушно все крестьяне». Если эта мысль высказана здесь и не от лица редакции, то всё же она не только безоговорочно опубликована в журнале, но дана в контексте, одобренном редакцией [4], и, что особенно важно, исходит из оценки выкупа крестьянскими массами.

В вопросе о земле Огарёв, резко критикуя уставные размеры наделов, признаёт необходимым сохранить за крестьянами *полные* земельные участки, обрабатывавшиеся ими до реформы. Это положение, расцениваемое как необходимое условие нормального развития

---

[1] «Колокол» № 101 от 15.VI 1861 г.
[2] «Колокол» № 104 от 1.VIII 1861 г.
[3] «Колокол» № 102 от 1.VII 1861 г.; № 103 от 15.VII 1861 г.; № 122/123 от 15.II 1862 г.
[4] «Колокол» № 108 от 1.X 1861 г., примечание редакции к статье Огарёва «Ответ на письмо «Великоруссу». Редакция «Колокола» всегда считала нужным дать оговорку, если она в чём-либо существенном расходилась с публикуемой статьёй корреспондента.

пореформенной деревни, затем не раз встречается в «Колоколе» [1]. Огарёв приходит к выводу, что интересы помещиков и чиновников для правительства попрежнему остаются первостепенными, но всё же, говорит он, «многое... переменилось в России. Слово освобождения сказано и потребность действительного освобождения будет с каждым днём расти в народе» [2].

В дальнейшем мысль о переходе *всей* земли в руки народа прямо ставится в статьях одного из корреспондентов. Он даёт детально разработанный проект, по которому «крепкая крестьянская община вберёт в себя... и помещичьи земли» [3] путём особо организованной артельной обработки. Огарёв полностью присоединяется к этому проекту и призывает крестьян «твёрдо стоять между собой, чтобы вся земля была земская» [4].

Такое отношение «Колокола» к главнейшим вопросам реформы вызвало сильное недовольство среди читателей и корреспондентов из либерального лагеря. Но окончательно «Колокол» отходит от своего прежнего направления, приемлемого для либералов, когда в ответ на сообщения о многочисленных крестьянских волнениях и их жестоком подавлении журнал признаёт *правильность* крестьянских выступлений и ставит своей задачей их полную поддержку.

Осведомлённость редакции «Колокола» в этом деле была полная. По опубликованным в журнале материалам и примечаниям редакции видно, что о наиболее значительных выступлениях крестьян Герцен получал сообщения от нескольких корреспондентов одновременно; это давало возможность сравнительной проверки и гарантировало их достоверность [5].

Доставка информаций была так удачно организована, что, например, сообщения о Бездненском деле Герцен

---

[1] «Колокол» № 102 от 1.VII 1861 г.; № 115 от 8.XII 1861 г.; № 122/123 от 15.II 1862 г.

[2] «Колокол» № 106 от 1. IX 1861 г.

[3] «Колокол» № 131 от 1.V 1862 г.; № 132 от 15.V 1862 г.

[4] «Колокол» № 134 от 22.V 1862 г.

[5] «Колокол» № 98/99 от 15. V 1861 г.; № 100 от 1. VI 1861 г.; № 101 от 15.VI 1861 г.

мог опубликовать в «Колоколе» [1] до их появления в русских газетах.

Сообщения о крестьянских выступлениях занимают основное место на страницах «Колокола» этого времени. Читателям давались и точные справки о местах, охваченных крестьянскими волнениями [2], и заметки корреспондентов с персональным указанием «усмирителей», и самые тексты официальных донесений [3]. На основании всего этого материала редакция «Колокола» своими блестящими обобщающими статьями подводит своих читателей к главному, решающему выводу: русский народ уже поднимается на борьбу, встаёт на защиту своих кровных интересов; долг людей, действительно преданных родине и народу, — принять участие в этой борьбе.

В статье «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ» Герцен под впечатлением первого подъёма крестьянских волнений приходит к убеждению, что вожаки, за которыми идут массы, ещё слабы, а массы ещё темны. «Твои пастыри, — говорит он в горячем обращении к народу, — тёмные, как ты, бедные, как ты; они говорят твоим языком, верят твоим упованиям и плачут твоими слезами» [4].

Возобновившееся осенью 1861 г. движение заставляет Герцена обратить внимание на его широту, и в статье, озаглавленной «Исполин просыпается!», он пишет: «Прислушайтесь, благо тьма не мешает слушать: со всех сторон огромной родины нашей, с Дона и Урала, с Волги и Днепра растёт стон, поднимается ропот; это — начальный рёв морской волны, которая закипает, чреватая бурями, после страшно утомительного штиля» [5].

Весьма существенно, что параллельно с ростом движения «Колокол» следит и за характером его, умело отмечая повышение сознательности масс [6].

---

[1] «Колокол» № 98/99 от 15.V 1861 г. «Спб. Ведомости» опубликовали сообщения о Бездненском деле лишь 19 мая 1861 г.

[2] «Колокол» № 100 от 1.VI 1861 г.

[3] «Колокол» № 101 от 15.VI 1861 г.

[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 196.

[5] Там же, стр. 260.

[6] Например, в № 110 помещена перепечатка статьи (из русской подцензурной прессы) об отказе крестьян Воронежской губернии подписать Уставную грамоту без добавочных оговорок, которые

Обилие доходящих до Герцена материалов даёт ему основание резко отвергнуть ложь официальных оценок характера русского народа и его настроений в 1861 г. [1]

«Колокол» напоминает читателям о страхе деятелей реформы и самого царя перед лозунгом восставших крепостных добиваться «другой воли» и даёт ясно понять о своём сочувствии этому требованию народа [2], точно определяя позицию своего журнала: «Мы с народом русским, мы с мужиками, а не с сенаторами» [3]. В статье «Мясо освобождения» Герцен доказывает необходимость признать в народе активного творца своей дальнейшей жизни и бороться *вместе с народом* за *его* интересы, отказавшись видеть в нём лишь объект, материал социальных опытов, лишь «мясо освобождения» [4].

Так в первые же месяцы по объявлении крестьянской реформы «Колокол» под влиянием массового движения в России отходит от своей первоначальной умеренной программы. Герцен увидел, как указывает Ленин, в крестьянских восстаниях 1861 г. революционный народ и «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» [5].

Однако быстрота, с какой царскому правительству удавалось «подавлять» крестьянское движение, расправляться с вожаками и «подстрекателями», показала Герцену, что ещё многого недостаёт народу для успеха в

создали бы известную гарантию их прав на дальнейшее. Статья сообщает о недоумении благожелательного либерального помещика, который выражает искреннее непонимание, зачем крестьянам понадобились какие-то оговорки, когда закон и без того защищает их интересы. Редакция «Колокола», применяя здесь свой излюбленный приём — дать самую суть публикации в брошенной как бы вскользь заметке, говорит в примечании о «внутрь вошедшем плантаторстве, скрытом под либеральной патокой», и выразительно заканчивает: «Неправда ли, как глупы... (длинное многоточие)... мужики?» (заметка «Шляхетские статьи и письма в русских журналах»).

[1] «Колокол» № 105 от 15.VIII 1861 г. Ср. *Н. Барсуков*, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XVIII, стр. 105.

[2] «Колокол» № 115 от 8.XII 1861 г.

[3] «Колокол» № 105 от 15.VIII 1861 г.

[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 31—36.

[5] *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 468.

борьбе. Центральной задачей «Колокола» Герцен теперь считает содействие борьбе «за победу народа над царизмом» [1], подготавливая организованность её и усиливая активность.

В одной из своих статей этого времени [2], озаглавленной «Что нужно народу», Огарёв пишет: нужно «...сбираться с силами, искать людей преданных... [чтобы] отстоять против царя и вельмож землю мирскую, волю народную, правду человеческую», а в статье «Ответ на ответ «Великоруссу» указывает на необходимость в первую очередь «перейти от слов к делу» организацией тайных обществ на местах [3].

Важно отметить, что упорство и повторяемость крестьянских волнений укрепляли тогда в радикальных кругах русского общества уверенность в революционном взрыве весной или летом 1863 г.

В третьем выпуске прокламации «Великорусса», напечатанной в № 115 «Колокола» (от 8 декабря 1861 г.), авторы её делают такое заключение: «...если не составят образованные классы мирную оппозицию, которая вынудила бы правительство до весны 1863 г. устранить причины к восстанию, народ неудержимо поднимется летом 1863 г.» [4]

Редакция «Колокола» разделяет эту уверенность своих корреспондентов и их единомышленников в России. По поводу 20-летнего срока переоброчки, установленного «Положением», Огарёв пишет: «Двадцать лет... каково хватили. Да... не то, что *двадцать* лет и не то, что эти *положения,* а само это правительство семи лет не продержится, потому, что: *народ царём обманут*» [5]. То же встречаем и в частных письмах Герцена. 13 августа 1861 г. Герцен пишет Рейхель: «Вы увидите, что этот незыблемый трон не простоит пяти лет, если наш благодушный дурачок

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 468.
[2] «Колокол» № 102 от 1.VII 1861 г.
[3] «Колокол» № 108 от 1.X 1861 г.
[4] То же самое читаем и в № 107 «Колокола» в статье «Ответ «Великоруссу». Здесь автор Николай Александрович Серно-Соловьёвич также намечает хронологические рамки для подготовки революционного выступления: «За два года от 61—63 гг.».
[5] «Колокол» № 104 от 1.VIII 1861 г.

не переменится»[1]. То же он повторяет Тургеневу[2]. А в своей статье «По поводу студентских избиений» осенью 1861 г. Герцен взволнованно заявляет: «Противоречия, лежащие в основе политической жизни нашей, раздвинулись до того, что никакой Александр Николаевич не устоит... Исход борьбы может быть тот или другой, но устранение борьбы невозможно». И заканчивает, обращаясь к читателям: «Ну, так и закидывайте аркан! [на правительство]», так как «общественное спасение, спасение народа требует [этого]»[3].

«Колокол» следит за всеми активными выступлениями против царизма. Появление политических прокламаций летом 1861 г. вызывает восторженный призыв Герцена: «Заводите типографии! Заводите типографии!» Возникновение такой формы нелегальной печати в России Герцен расценивает как результат удачи многолетнего опыта «Колокола». «Это — *второй* необходимый шаг, — говорит он; — везде так шло. Дома стеснённая мысль ныряла и появлялась вдруг где-нибудь в чужой стране, — на время это удовлетворяет. Но как только мысли, печатаемые за границей, начинают осуществляться, им нужна родная почва, близость, вдохновенье дня. Печатайте ручными типографиями, печатайте кое-как... Но... *заводите типографии! Заводите типографии!*»[4]

И «Колокол», как старший брат нелегальной печати в России, не ограничивается информацией, а содействует и распространению прокламаций «Великорусса» перепечаткой их на своих страницах, отводя значительное место вопросам, связанным с ними, почти в каждом номере до конца года.

На страницах «Колокола» развёртывается дискуссия по основным проблемам, затронутым в листках «Великорусса»: о степени актуальности для России того времени политических реформ; о возможности для революционных демократов контакта с либералами в целях мирного воздействия на правительство, или же признание неизбежности народной революции и, следова-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 171.
[2] См. там же, стр. 257.
[3] Там же, стр. 347, 350.
[4] Там же, стр. 171.

тельно необходимости её организованной подготовки в создании тайного политического общества. Все эти вопросы детально разбирает статья Серно-Соловьёвича [1] «Ответ Великоруссу», смело ставя точки над «i» при всех недомолвках и уклончивых решениях умеренного «Великорусса».

Автор горячо приветствует почин «Великорусса» в деле призыва к созданию тайного общества, действующего против современного строя России, но считает, что «главная сила» — народ, который должен быть организован сознательным меньшинством из «общества», т. е. «теми немногими сознательными людьми, которые готовы на решительную борьбу с самодержавием». «Какая цель будущего тайного общества? — Пусть конституции добиваются те, кому она может быть полезна, — говорит автор в ответ на защиту необходимости конституции «Великоруссом». — Нам не следует ни помогать, ни мешать им *теперь*. Конституция лучше самодержавия тем, что при ней будет больше простора для действий. Но мы знаем, что не она цель и последнее слово. Наша цель — полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собой, освобождение и свободный союз областей».

В основном эта же точка зрения полностью поддерживается и редакторами «Колокола», хотя у них и были некоторые разногласия по вопросам тактики с автором упомянутой статьи [2]. Руководители «Колокола» уступают ему в твёрдости решения поднятых вопросов, но сами они об этом говорят так: «Если мы и не совершенно согласны в частностях и форме, то всё же от души приветствуем этот живой призыв на живое дело. Мы давно думали о необходимости органического сосредоточения сил, но считали, что не от нас должна выйти инициатива, *не из-за границы, а из самой России*» [3].

---

[1] В № 107 «Колокола» от 15.IX 1861 г.

[2] См., например, в «Колоколе» № 108 от 1.X 1861 г. статью Огарёва «Ответ на ответ «Великоруссу». Из частного письма Герцена к Огарёву от 2 октября 1861 г. можно заключить, что Герцен одобряет его позицию. «Колокол» получил, — пишет Герцен о № 108, — всё ладно» (*А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 243).

[3] «Колокол» № 107 от 15.IX 1861 г.

Идея объединения революционных сил в России оценивается далее руководителями «Колокола» как «великое дело», и с конца 1861 г. они сами активно включаются в него. Материалы, опубликованные Лемке [1], показывают, как среди петербургских демократических деятелей (Серно-Соловьёвичи, Обручевы, Слепцов и др.) в близком контакте с лондонскими издателями начинается в это время подготовка будущего общества «Земля и воля». Сознание серьёзности этого начинания диктует редакторам «Колокола» сугубую осторожность. Весьма возможно, что желание гарантировать начинанию наибольший успех и поднять авторитет революционеров в глазах врагов заставляет редакторов «Колокола» обходить молчанием на страницах журнала те некоторые разногласия, которые возникали в «народной партии» (как часто называли тогда круги революционных демократов) [2].

В связи с подготовкой объединения революционных сил для успеха предстоящей борьбы возникла необходимость в сближении с народом, в организации его выступлений. Перед «Колоколом» встала задача развернуть агитацию среди широких масс русского народа.

Но Герцена тревожило сомнение, что «Колокол» не может влиять непосредственно на тёмные, неграмотные крестьянские массы.

С лета 1861 г. эта тревога нарастает, и Герцен в исключительной по силе статье доводит её до читателей «Колокола». «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, по-

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 69 и след.

[2] Этим обстоятельством, вероятно, следует объяснить и сдержанный тон статьи Герцена «Repetitio est mater studiorum» («Колокол» № 107 от 15.IX 1861 г.), написанной по поводу статьи Чернышевского «О причинах падения Рима» («Современник», кн. V, 1861 г.), в которой автор выступил против взглядов Герцена на общинный строй в России. Между тем, в частном письме Огарёва к Обручеву на эту статью дан резко отрицательный отзыв. Подобные же, видимо, соображения заставили редакцию «Колокола» совершенно обойти молчанием появление в России прокламации Шелгунова «К молодому поколению», которая в общем не получила одобрения Герцена.

ставленных над тобой петербургским синодом и немецким царём... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь ещё в царя и в архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его» [1].

Какой же выход? Естественно возникает мысль о посреднике. Ещё в 1860 г. Огарёв в статье «Письмо к соотечественнику» говорил: «Надо готовить учителей, проповедников науки для крестьян, странствующих учителей, которые из конца в конец России могли бы разносить полезные и прилагаемые знания».

Когда необходимость донести к массам революционно-организующее воздействие «Колокола» становится первоочерёдным делом, Герцен и Огарёв с надеждой обращаются к учащейся молодёжи.

Бурные университетские события 1861 г. и горячий отклик на них «Колокола» создали большую близость между студенческой молодёжью и редакцией авторитетного для неё журнала Герцена [2].

Одобряя и морально поддерживая демократическую молодёжь, «Колокол» раскрывает перед нею перспективу широкой общественной деятельности и лозунгом «в народ!» указывает ей труд, достойный сознательных граждан: «...куда-же вам деться, юноши, от которых заперли науку? — пишет Герцен.

— *...В народ! К народу!* — вот ваше место, изгнанники науки, покажите этим Бистромам, что из вас выйдут *не подьячие,* а воины... народа русского!

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 194.

[2] Эта близость создавалась со времени первых студенческих выступлений в 1861 г. (например, в связи с запрещением лекции Костомарова о К. Аксакове и по поводу панихиды казанских студентов по Антоне Петрове), которые были положительно отмечены «Колоколом». Редакторы «Колокола», пользуясь своими связями с Россией, обеспечивают себе активное участие в студенческом движении. Так, во второй половине 1861 г. они открыли подписку для сбора денег в пользу неимущих студентов (см. «Колокол» № 108 от 1.X 1861 г. и № 114 от 1.XII 1861 г.). В целом ряде статей Герцен изливает своё негодование по поводу правительственных репрессий, направленных против студенческого движения (см., например, статью Герцена «Третья кровь» в № 112 «Колокола» от 15.XI 1861 г.).

...Хвала вам, меньшие братья, и наше дальнее благословение!» [1]

Огарёв в статье «Университеты закрывают» [2] рекомендует студентам начать просветительную и научную работу самостоятельно, опираясь на поддержку общественных сил: «Заводите школы, заводите больницы... Пускай закрывают университеты. — Устройте кафедры в городских залах и в волостных избах, в своей комнате и на базарной площади... Вперёд, юное поколение... Иди воином во имя общей истины и народной свободы».

Кампания «Колокола» в защиту студенческого движения опиралась на громадный материал, получаемый редакцией из России.

И когда Герцен со свойственными ему редакторским умеиьем и публицистическим талантом доводит получаемый материал до своих читателей, значение студенческого движения в трактовке «Колокола» поднимается до степени общеполитической борьбы, а влияние журнала ещё более возрастает.

По мере того как растёт близость «Колокола» с радикальными кругами «Современника», в русских либеральных кругах начинает складываться такое отношение к журналу Герцена, которое вскоре приводит к полному разрыву с ним. Резкая и последовательная критика «Положения 19 февраля», которую мы видим в «Колоколе», и тем более поддержка им крестьянского движения и других антиправительственных выступлений делают невозможным для российских либералов дальнейший контакт с «Колоколом».

Однако редакторы «Колокола» не сразу приходят к сознанию, что они *окончательно* разрывают *со всеми* своими прежними либеральными друзьями. Отход Герцена от либерализма, о котором говорит В. И. Ленин [3], в 1861 г. ещё не был закончен. «Колокол» ещё не отказывает либеральному дворянству [4] в признании его положительного общественного значения.

---

[1] «Колокол» № 110 от 1.XI 1861 г.; *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 260.

[2] Прибавление к № 119/120 от 15.I 1862 г.

[3] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 467—468.

[4] См. статью Огарёва «Что нужно помещикам» в «Колоколе» № 115 от 8.XII 1861 г.

На первых порах, когда «Положение 19 февраля» только начало вводиться в жизнь, редакторы «Колокола», решительно выступая против правительства, ещё надеялись на объединение всех общественных групп для борьбы с самодержавием в интересах народа. Это объединение редакция «Колокола» мыслила в форме «Земского собора», в котором все общественные слои получат такую силу, что царское правительство должно будет уступить, и, таким образом, переустройство общества совершится *мирным* путём. Эта мечта о бескровном перевороте, несомненно, была остатком либеральных колебаний «Колокола» предреформенного периода; в сущности, она не противоречит демократическим тенденциям журнала, поскольку в ней было заложено стремление (по сути дела — утопическое) облегчить народу переход к новому общественному строю, избавив его от страданий кровавой борьбы. «Пока до этого ещё не дошло (т. е. до расстрела народа. — *З. Б.*), — пишет Огарёв, — надо со всеми другими сословиями просить царя... о созыве Земского Собора» [1].

Преследуя указанную цель объединения общественных сил, редакторы «Колокола» не возражают против проекта прокламации «Великорусса», в котором говорится об объединении активных сил русского образованного общества для подачи адреса царю; адрес должен был требовать созыва народных представителей для выработки конституции [2].

Значительное внимание уделяется на страницах «Колокола» и тому политическому движению, которое возникало тогда среди передового дворянства. Так, редакция «Колокола» приветствует намерение смоленских дворян представить адрес царю с просьбой уравнять права дворянства и крестьянства [3]. Редакция видит в этом залог «великого спокойного развития». Известные

---

[1] См. статью Огарёва «Что надо делать духовенству» в № 5 «Общего Веча» (прибавление к № 148 «Колокола» от 22. X 1862 г.).

[2] Проект собственно адреса, который был составлен Огарёвым и который предполагалось распространить в России для сосредоточения сил вокруг идеи созыва Земского собора, не нашёл своего отражения в «Колоколе».

[3] «Колокол» № 121 от 1.II 1862 г.

выступления тверского дворянства также не раз отмечаются «Колоколом» с положительной оценкой [1]. В одном из декабрьских номеров 1861 г. «Колокол» помещает даже специальную статью «Что нужно помещикам», в которой излагается проект социально-политического переустройства России с учётом интересов помещиков, чтобы побудить их защитить авторитетом своего сословия этот проект перед правительством (опять же имея в виду его мирное осуществление). Но и в только что упомянутой статье, равно как и в замечаниях по поводу дворянских выступлений, «Колокол» ставит такие условия, которые не могли быть приемлемы даже для самого либерального помещика. Этими условиями были:

1) передача крестьянам полного (дореформенного) надела;

2) выдача помещикам пособия (а не прямой выкуп, соразмерный наделу).

Характер этих требований к дворянству был обусловлен твёрдостью демократических позиций редакторов «Колокола», их заботами, в первую очередь, об интересах крестьянства. К тому же и основное содержание журнала уже так широко было представлено подлинно революционизирующими статьями и документами, что в итоге последние колебания «Колокола» в сторону либерализма сводились на-нет.

В результате радикальная пропаганда «Колокола» вызывает явное недовольство в среде либералов, которые склонны были новые веяния в герценовском журнале приписывать революционизирующему влиянию Огарёва [2]. С другой стороны, и редакторы «Колокола» постигают, наконец, истинную позицию своих прежних единомышленников-либералов. В ноябрьском номере 1861 г. Герцен в краткой заметке сообщает о том, что несколько либеральных московских профессоров передали в полицию присланную им прокламацию «Великоруссa». Герцен

---

[1] «Колокол» № 126 от 22.III 1862 г.; № 127 от 1.IV 1862 г.; № 129 от 15.IV 1862 г.; № 130 от 22.IV 1862 г.

[2] См. «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 80, 175—176.

заканчивает восклицанием: «Если это правда, мы готовы просить... чтобы нам солгали» [1].

Но события развиваются, и Герцен дальше не хочет закрывать глаза на факты. В статье «Учёная Москва» [2] Герцен с горечью констатирует решительный отход Московского университета от традиционных передовых позиций. А в дружеском признании М. К. Рейхель от 16 марта 1862 г. он, уже не сдерживаясь, резко определяет своё отношение: «Вы поймёте из начала статьи «Учёная Москва», что между нами и бывшими близкими людьми в Москве всё окончено, — до их оправдания (всё-таки ещё добавляет Герцен. — *З. Б.*). Поведение Коршей, Кетчера, а потом Бабста и всей сволочи таково, что мы поставили над ними крест и считаем их вне существующих. Статью эту я написал со слезами, но... есть для меня святыни дороже лиц» [3].

Так в позиции лично знакомых людей Герцен правильно видит признаки общего поворота либеральных кругов в сторону правительства.

Отношения между Герценом и либералами ещё больше обостряются, когда с весны 1862 г. общественная реакция начинает нарастать.

3. НАРАСТАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ РЕАКЦИИ В РОССИИ. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ «КОЛОКОЛА» С ЛИБЕРАЛАМИ. УХУДШЕНИЕ СВЯЗЕЙ «КОЛОКОЛА» С РОССИЕЙ

Крестьянское движение не было совершенно подавлено и к концу 1861 г. Наоборот, массовое недовольство, глухо нарастая, распространяется всё шире.

Это ясно понимал тогдашний министр внутренних дел Валуев. 2 декабря 1861 г. им был разослан циркуляр «к начальникам губерний», предписывавший всем мировым посредникам объявить крестьянам «о высочайших отзывах волостным правлениям» [4], т. е. о выступлениях Александра II осенью 1861 г. перед волостными

---

[1] «Колокол» № 110 от 1.XI 1861 г.
[2] «Колокол» № 125 от 15.III 1862 г.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 71.
[4] «Колокол» № 122/123 от 15.II 1862 г.

старшинами с целью положить конец крестьянским ожиданиям «второй воли».

Страх правительства перед крестьянским движением имел достаточные основания: суммируя данные за 1862 г., всеподданнейший отчёт III отделения отмечает, что с начала весны этого года «беспорядки» возникают почти повсеместно. Для их устранения «было поручено начальникам губерний лично объезжать волости, ускорять введение уставных грамот, внушить, что всякое отступление от Положения будет строго преследуемо» [1], и т. п. Но, как констатирует далее отчёт, «меры разъяснений не действовали... и для укрощения усилившихся беспорядков оказалось необходимым или посылать на постой воинские команды... или же принимать меры более строгие» [2].

Особым разделом в отчётах III отделения выделен вопрос о «подстрекателях». Он, повидимому, сильно занимал правительство, так как ещё в январе 1862 г. высочайшим повелением было продлено положение «О наказании лиц, виновных в подстрекательстве крестьян к неповиновению и беспорядкам», утверждённое Александром II 1 июня 1861 г. и установленное, как указывалось в тексте, лишь на текущий, 1861 г. [3]

Преувеличивать, раздувать роль «подстрекателей» было в интересах правительства: во-первых, призрак такого «подстрекателя» оправдывал в глазах обывателя исключительные меры администрации; во-вторых, он служил средством успокоения взбудораженного дворянства, показывая как бы недостаточную активность самих народных масс. А так как классовая борьба всё разгоралась и «крестьяне», как говорит всеподданнейший отчёт, «из заблуждения не выходили» [4], то для правительства было наиболее выгодным все контрмеры облекать в форму преследования «подстрекателей». Это гарантировало ему сочувствие и поддержку «общества».

В такой атмосфере общественного напряжения и появляется в конце апреля — начале мая 1862 г. прокла-

---

[1] «Крестьянское движение 1827—1869», вып. II, стр. 27.
[2] Там же, стр. 28—29.
[3] Там же, стр. 158.
[4] Там же, стр. 31.

мация «Молодая Россия», а через несколько дней после её появления в свет вспыхивают известные петербургские пожары.

Понятно, что заявление «Молодой России»: «...мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х гг.» [1], было воспринято большинством прочитавших прокламацию почти как начало восстания. Теперь уже все либералы без различия их оттенков и направлений — от Никитенко до Кавелина — полностью и открыто одобряют все реакционные мероприятия правительства. И всё это на том основании, как писал Герцен Кавелину, оценивая его брошюру «Дворянство и освобождение крестьян» [2], «что народ русский — скот... а правительство — умница» [3]. Герцен имел в виду попытку перепуганных либералов громкими словами о прирождённом варварстве и дикости народа оправдать свою поддержку правительства, «освободившего» крестьян. Валуев мог с удовлетворением впоследствии докладывать об этом повороте либералов царю: «Опустошительные пожары, происходившие в Петербурге в последних числах мая 1862 г., послужили поводом к принятию новых мер для ограждения общественной безопасности и вместе с тем произвели сильное нравственное впечатление не только на жителей столицы, но и на всю Россию. Ясно было, что пожары происходили от поджогов. Не менее явною казалась связь между поджигателями... и теми другими преступниками, которые усиливались возжечь нравственный пожар правительственного и социального переворота... Чуткое чувство самосохранения возбудило другие чувства, которым следовало бы пробудиться и ранее майских пожаров» [4].

---

[1] *Б. Козьмин,* П. Г. Зайчневский и «Молодая Россия», М. 1932, стр. 98.

[2] Издано в Берлине в 1862 г.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 198.

[4] Всеподданнейший отчёт министра внутренних дел за 1861—1863 гг. См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 224, примечание Лемке.

Из переписки Герцена видно, как тяжело переживал он эти перемены в людях, в которых ещё до сих пор видел передовую силу. В письме от 7 июня 1862 г. Герцен пишет Кавелину: «...я схоронил Грановского материально, я схоронил К[етче]ра, К[ор]ша — психически, Тур[генев] дышит на ладан — и ко всему этому должен прихоронить тебя. Но этого я не сделаю молча» [1].

Принципиальные расхождения с либералами приводят Герцена к полному разрыву с Кавелиным. «Жаль его, — пишет Герцен о Кавелине сыну 13 июня 1862 г., — ...надобно итти своей дорогой» [2].

Резкая перемена во взаимоотношениях Герцена с либералами не замедлила найти своё отражение в июньском номере «Колокола» за 1862 г.

В своей статье «Москва нам не сочувствует» [3] Герцен уже не считает нужным завуалировать свой разрыв с либералами: «...дорого нам было, — пишет он, — узнать из прямого, дружеского источника, что... и нам отвели скромное место на листах проскрипций английского клуба и византийского университета — вместе с преступным Михайловым, с злокачественным «Великоруссом», с крамольными студентами» [4].

Ещё более значительно в этом отношении выступление Герцена против либералов в его статье «Журналисты и террористы» [5], связанной с появлением прокламации «Молодая Россия» [6]. Эта статья, как и первая по тому же поводу под заглавием «Молодая и старая Рос-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр 198.

[2] Там же, стр. 207.

[3] Статья эта написана в ответ на письмо Н. А. Мельгунова, который заявляет, «что Москва не сочувствует «Колоколу», и подчёркивает, что он говорит «не про одни какой-либо кружок, *а о всех,* исключая, разумеется, небольшой части молодёжи».

[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 181.

[5] Там же, стр. 371—376.

[6] Революционная прокламация «Молодая Россия», составленная группой московских студентов во главе с П. Г. Заичневским, была тайно отпечатана весной 1862 г. и получила распространение в обеих столицах и в провинции.

Выражая самые радикальные взгляды разночинной интеллигенции, прокламация призывала к «революции кровавой, неумолимой», целью которой было создание в России федеративной республики

сия», послужила для «Колокола» средством определить свою позицию среди политических соседей и слева и справа. Существующее в литературе мнение об этой статье совершенно правильно отмечает: во-первых, намерение редакции «Колокола» отмежеваться от авторов «Молодой России» указанием на необдуманность, несвоевременность, а главное, на несоответствие выставляемых ими требований с основными задачами русской жизни; во-вторых, признание Герценом большего общественного значения этой прокламации, чем он хочет показать, успокаивая и правительство и общество из соображений «тактического порядка», из желания «сгладить впечатление, произведённое «Молодой Россией», и удержать правительство от окончательного поворота на путь реакции» [1].

Безусловно, Герцен видел, что прокламация «Молодая Россия» — не только плод ребяческого задора» [2]. Он понимал, что в ней проявилось новое направление русской революционной мысли, и всей силой своего публицистического таланта протестовал против него, стремясь переубедить авторов прокламации. Поскольку центральным вопросом, по которому расходились точки зрения Герцена и авторов прокламации, был вопрос о революционной тактике и в частности отношение к террору, он сюда и направляет главный удар. Логическими доводами и историческими справками Герцен доказывает гибельность террора и подводит к признанию политического насилия лишь в качестве ultima ratio общественной жизни [3]. А к молодёжи обращается с призывом:

областей, состоящих из самоуправляющихся земельных общин. Она требовала создания общественных фабрик и лавок, а также полной перестройки быта вплоть до отмены брака и семьи. Движущими силами революции «Молодая Россия» считает молодёжь, организованную в тайные общества, и войска. Эти силы должны были поддержать восставшее крестьянство.

Заговорничество и террор признаются «Молодой Россией» основами «правильной» революционной тактики.

[1] *Б. Козьмин,* П. Г. Заичневский и «Молодая Россия», стр. 118.

[2] Там же.

[3] Против террора в «Колоколе»: а) статья Герцена в том же № 139 «Выстрел, раны и убийства», б) статья Бакунина «Петербургская нескромность» в № 145 от 15.IX 1862 г.

«...оставьте революционную риторику и займитесь делом. Соединяйтесь плотнее между собой, чтоб вы были сила, чтоб вы имели единство и организацию; соединяйтесь с народом, чтоб он забыл ваш откол; проповедуйте ему не Фейербаха, не Бабефа, а понятную для него *религию земли*... и будьте готовы. Придёт роковой день — станьте грудью, лягте костьми, но не зовите его, как *желанный день*. Если солнце взойдёт без кровавых туч, тем лучше, а будет ли оно в Мономаховой шапке или во фригийской — всё равно» [1].

Заканчивается статья предположением, встречавшимся уже на страницах «Колокола» [2]: «Стань царская власть во главу народного дела, — где найдётся достаточная сила, могущая бороться с ней?» Однако эта мысль тут же опровергается тем соображением, что народной царская власть сделаться не может, так как она не понимает силы и значения движения народа за свои насущные интересы. Зачем же тогда автор статьи призывает молодёжь стремиться всеми силами, чтобы показать царской власти эту силу народа? В последних словах статьи мы находим ответ на этот вопрос: «Пусть она (царская власть) выскажется, и только после её ответа вы узнаете, что говорить народу и к чему его звать». Молодым революционерам нужно добиваться, чтобы царская власть проявила свою ненародную сущность, и тогда народ, потеряв веру в её защиту, сам скорее поднимется за своё дело. Таким образом, тактическая линия, предложенная «Колоколом», сводится к тому, чтобы путём дискредитации царской власти актами её же деятельности бороться с царистской идеологией народных масс с целью усиления их активности.

Но, продолжая анализ данных статей «Колокола», надо ещё обратить внимание и на то, как относится журнал к своим политическим адресатам. Авторы «Молодой России» — это хоть и слишком увлекающиеся юноши, но всё же это свои; им можно и должно давать советы, не отказываясь и от слова укоризны. Отвечая авторам «Молодой России» на обвинение в отсталости,

---

1 *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 375.
2 «Колокол» № 108 от 1.X 1861 г.; № 132 от 22.V 1862 г.

Герцен пишет в статье «Молодая и старая Россия»: «Вы нас считаете отсталыми — мы не сердимся за это, и, если отстали от вас в мнениях, то не отстали сердцем, а сердце — даёт такт».

А «пожилая Россия», либералы — это теперь чужие; им даётся резкая отповедь: «Что же делать, что нам дерзкий шалун, бросающий камень в фонарь, не так отвратителен, как какой-нибудь самодовольный лимфатический клоп, читающий ему *нотацию*» [1]. Признав окончательный разрыв, «Колокол» больше не желает убеждать в чём-либо людей, «которые нам толкуют o chair à canon после «Мяса освобождения» [2].

Так выяснялась, среди всей сложности общественно-политических настроений в России, позиция «Колокола»: не призыв к немедленному восстанию, как у авторов «Молодой России», не поддержка правительства, как у либералов, а содействие созданию революционной организации с целью вовлечения в движение народных масс.

Для этого было необходимо в первую очередь усилить общение с читателями. Каким способом? Прежде всего, увеличив выпуск журнала. Это было не сложно при обилии материалов из России и при наличии крепких связей с нею; и «Колокол», как мы видели, с конца 1861 г. начинает выходить то еженедельно, то двойными номерами.

Затем надо было помочь друзьям в России в самом проведении агитации. Теперь, помимо призывов к работе среди народа и конкретных советов, что нужно делать [3], читатели находят в «Колоколе» прямые указания, как проводить агитацию. Это были статьи, которые давали в популярном изложении содержание основных выступлений журнала. Для читателей «Колокола» они могли представлять интерес лишь как образец упрощённой формы изложения или пример последовательности затрагиваемых вопросов. Такой была статья Огарёва «Ход судеб» [4], популярно излагавшая то, что

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 371.

[2] Там же.

[3] См., например, статью Огарёва «Университеты закрывают» № 119/120 от 15.I 1862 г.

[4] «Колокол» № 122/123 от 15.II 1862 г.

он говорил уже во многих статьях, посвящённых разбору «нового крепостного права» и критике других правительственных реформ (суда и управления). Такой же была и другая его статья — «Куда и откуда» [1], в которой давалось указание, вокруг чего надо организовывать массы: «...по общему сговору сёл, деревень и дворян, которые заодно с народом, — отказываться»: 1) от подписания уставных грамот; 2) от перехода на оброк; 3) от выкупа усадеб и частей надела, и «твёрдо стоять между собой, чтобы вся земля была земская». Когда все будут в этом согласны, послать царю грамоту. «Смотря по ответу народ будет знать, что делать». Излагая всё это очень доступным языком, статья намечала, таким образом, целый план широкой агитации, в результате чего народ к моменту решительного выступления был бы подготовлен предварительной организацией.

Но «Колокол» не считает дело агитации лёгким и быстрым; наоборот, он внушает читателям мысль о необходимости продолжительной работы. Только что цитированная статья заканчивается таким обращением: «Если на завтра нельзя согласить земство на такую грамотку, то в 1869 г. и можно и должно» [2].

Чтобы помочь и облегчить агитацию, «Колокол» помещает статьи, в которых освещаются интересы и значение отдельных социальных групп и развиваются планы их практической деятельности в предстоящем социальном перевороте. Таких статей было несколько [3]. Их агитационно-практическое назначение видно из того, что редакция «Колокола» выпускает их отдельным изданием [4].

---

[1] «Колокол» № 134 от 22.V 1862 г.

[2] Там же.

[3] «Что нужно народу?» — в № 102 от 1.VII 1861 г.; «Что надо делать войску» — в № 111 от 8.XI 1861 г. и позднее в прибавлении к «Колоколу» «Что надо делать духовенству» — в № 5 «Общего Веча» от 22.X 1862 г.

[4] Статья «Что нужно народу?» была переиздана отдельным листом и небольшой брошюрой и отправлена в Россию в количестве нескольких десятков тысяч экземпляров (см. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 136, примечание); статья «Что надо делать войску» была переиздана в Лондоне отдельно в трёх изда-

Как нужна была эта литература в России, как велик был на неё спрос, показывают такие факты: в начале 1862 г. в Перми группой радикальной молодёжи подготовлялась перепечатка статьи «Что нужно народу?» в количестве 5 тысяч экземпляров (вследствие доноса выполнить перепечатку не удалось) [1]. Статья же «Что надо делать войску» была переиздана в России в нескольких печатных и литографированных изданиях [2].

Ещё более увеличивает редакция «Колокола» публикацию специального материала для широкой агитации, когда с лета 1862 г. начинается издание особого прибавления к журналу — листка «Общее Вече» [3], целью

ниях (см. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 314); статья «Что надо делать духовенству» была переиздана небольшой брошюрой и переправлена в Россию, где широко распространялась (см. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 531). Кроме того, были перепечатаны в лондонской Вольной русской типографии статьи Огарёва «Ход судеб» и «Разбор нового крепостного права» (см. «Русская подпольная и зарубежная печать», Издательство политкаторжан, 1935, стр. 89).

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 409, примечание Лемке.

[2] См. там же, стр. 314, примечание Лемке.

[3] Как видно из переписки и мемуаров того времени, толчком к изданию «Общего Веча» послужило в первую очередь увлечение руководителей «Колокола» теми общественно-критическими настроениями, которые существовали среди раскольников и сектантов в России. Уже одного того, что раскольники являлись представителями убеждений, преследуемых правительством, было достаточно для Герцена и Огарёва, чтобы обратить на них внимание. Когда встала задача широкой агитации в народных массах России, попытка превратить в политический протест догматическое расхождение с господствующей церковью и бытовое недовольство правовыми ограничениями среди раскольников казалась Герцену и Огарёву делом нужным и выполнимым. К тому же вести, приходившие из России, указывали на рост волнений среди крестьян-раскольников после 1861 г. Одно «Бездненское дело» было достаточно показательным. Дополняли эти сведения и личные встречи с раскольниками (например, с П. А. Мартьяновым и П. Петровым). Всё это и натолкнуло Огарёва на мысль, поддержанную затем Герценом, начать издание особого органа с целью выявить интересы и захватить своим влиянием различные круги раскольников. Правда, более широкие задачи, стоявшие перед издателями «Колокола», и определённое решение их подчинить новый орган направлению своего журнала придали ему своеобразный характер, устранив богословский догматический налёт

которого было «уяснить общее земское дело и служить выражением мнений, жалоб и общественных потребностей людей всех религиозных толков и согласий и всех сословий крестьян и разночинцев» [1].

Главной задачей издания «Общего Веча» был подъём активности народных масс в форме подготовки Земского собора. Сюда входило также разъяснение конкретных деталей борьбы за землю, за общину, за широкое самоуправление вплоть до установления выборной верховной власти. Поскольку новое издание предназначалось к распространению в народе — или через агитаторов, или даже для непосредственного чтения среди сектантов и раскольников, где чаще встречались грамотные, — слог и общая трактовка вопросов здесь были несравненно популярнее, чем в самом «Колоколе».

При этом необходимо отметить, что доступность статей «Общего Веча» достигалась не только популярной формой, но и доступностью понятий, заимствованных главным образом из области религиозной идеологии. Замысел редакторов здесь вполне ясен. Ведь грамотными в народе были тогда или сектантские и раскольничьи начётчики, или крестьяне, научившиеся грамоте у церковнослужителей. Поэтому они привыкли всякий более или менее абстрактный вопрос воспринимать в определённом кругу понятий и специфической терминологии. К этому и обращается «Общее Вече» для успеха агитации и как основной довод использует ссылки и цитаты из «священного писания». В своеобразной специфике читателя «Общего Веча» находит своё объяснение и то положение, которое постоянно развивается в различных вариантах в его листках: «Без возможности свободно жить, нет возможности свободно верить» [2]; здесь интересен сам агитационный приём, который должен был перевести сознание читателей от борьбы за свободу веры к борьбе за общегражданскую свободу. И когда было получено денежное пожертвование от двух «старообрядческих согласий» в революционный

---

[1] «Колокол» № 139 от 15.VII 1862 г.

[2] «Общее Вече» № 19 от 10.VII 1863 г.; № 21 от 1.IX 1863 г.; № 22 от 1.XI 1863 г.

«Общий фонд» при редакции «Колокола», то это и было оценено в № 21 «Общего Веча» как начало сближения жаждущих свободы веры с жаждущими свободы земской [1].

Тематика «Общего Веча» иногда была столь тесно связана с тематикой «Колокола», что статьи «Колокола» целиком перепечатывались в «Общем Вече», но только в более популярной форме [2].

Из писем Кельсиева в Россию, перехваченных полицией летом 1862 г., видно, как заботились издатели о своевременной пересылке «Общего Веча». В письме от 23 мая 1862 г. Кельсиев сообщает одному из своих московских адресатов: «К 1-му августа я пришлю вам экз. 500 «Веча», которые сбудьте на ярмарке [Нижегородской], по какой знаете цене». Дальше он просит ответить: «Какое впечатление произведёт «Вече» на нижнее [раскольническое] купечество и на крестьян?» [3], 7 июля 1862 г. он же пишет Николаю Серно-Соловьёвичу: «Дайте нам имя, на которое можно бы было послать 1 000 листов нового журнала для раскольников «Общее Вече», которое мы издаём втроём с Герц[еном] и Ог[арёвым], и который должен поспеть к Макарью» [4].

Наибольшее участие в новом издании принимал Огарёв — его статьи составляли основной материал всех номеров «Общего Веча». Статей Герцена в нём

---

[1] «Общее вече» № 21 от 1.IX 1863 г.

[2] Некоторые же неложные фактические заметки из «Смеси» переносились с оговоркой из «Колокола» в тот номер «Общего Веча», который служил ему прибавлением (см., например, в «Общем Вече» № 4 от 15.X 1862 г. две заметки из «Колокола»; в № 9 «Общего Веча» из № 154 «Колокола» от 15.I 1863 г.; в № 22 «Общего Веча» из № 172 «Колокола» от 1.XI 1863 г.).

Когда же страницы «Колокола» заполняет польский вопрос, популярные статьи о Польше даются в нескольких номерах «Общего Веча»: в № 11 от 1.III 1863 г.; в № 12 от 8. III 1863 г.; в № 15 от I.V 1863 г.; в № 28 от 20.IX 1864 г.

[3] *М. Лемке,* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 31, 33.

[4] Там же, стр. 37. Конец этого письма требует оговорки: Кельсиев в дальнейшем не участвовал в редактировании «Общего Веча»; это было лишь его проектом. Об этом он сам говорит в своей «Исповеди» (см. «Литературное наследство» № 41—42, стр. 343).

почти нет, но это не даёт основания считать «Общее Вече» изданием одного Огарёва. Уже по одному тому, что «Общее Вече» было прибавлением к «Колоколу», Герцен считал себя ответственным и за него.

Кельсиев, указывая в «Исповеди», что «Общее Вече» фактически стало выходить «под их цензурой»[1], имел в виду Герцена и Огарёва. Конечно, «Общее Вече» не было для Герцена равноценным «Колоколу». Так, когда в 1863 г. в центре внимания редакции стоял польский вопрос и надо было спешно выпустить очередной номер журнала с актуальным материалом, он спокойно решает, что можно «обойтись и без «Общего Веча». Но Герцен всё же ценил это издание. Впоследствии, подводя итог этих лет, он признаёт выпуск «Общего Веча» достижением среди ряда неудач[2]. А в письме к И. С. Тургеневу от 22 ноября 1862 г. Герцен оценивает положительно «Общее Вече» и за то, что «оно принесло переписку с раскольниками»[3] (т. е. создание связи с новыми низовыми социальными группами).

В это время, к лету 1862 г., и в России среди революционеров, как показывают опубликованные Лемке материалы[4], практически был поставлен на очередь вопрос о связях с периферией, о вовлечении в движение провинциальных сил[5]. Это также содействовало повышению спроса на лондонские издания. Хотя наплыв посетителей Герцена попрежнему был велик и через них издания Вольной русской типографии расходились в большом количестве, на очередь выступила задача организации ещё более массовой и систематической их пересылки в Россию. Этому и отвечала та организация пересылки «Колокола» и других изданий через Кёнигсберг при помощи профессионалов-контрабандистов, которую, повидимому, подготовил Кельсиев при содействии Александра Серно-Соловьёвича в

---

[1] «Литературное наследство» № 41—42, стр. 343.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 241.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 549.
[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 69—102.
[5] Там же, стр. 83 и след.

мае 1862 г.[1] По возвращении в Лондон он писал одному из московских знакомых (И. Ф. Петровскому): «Вы, вероятно, получили моё кёнигсбергское письмо, где я сообщаю вам, что дорога открыта»[2]. Письмо Кельсиева к другому корреспонденту, тоже в Москву (Владимирову), имело целью дальше закрепить налаженный путь: «Мне удалось последнее время пробить «Колоколу» широкие пути до Петербурга. Помогите делу: из Москвы он брызнет во все внутренние губернии, и пропаганда пойдёт бойко... Если вы возьмётесь быть в Москве приёмщиком, т. е. хоть сутки продержать у себя пакет, вы сделаете великую услугу делу»[3].

В то же время «Колокол» не ограничивает свою помощь революционным кругам в России снабжением агитационной литературой; новая форма связи открывается перед читателями журнала с весны 1862 г. В № 133 от 15 мая 1862 г. «Колокол» публикует извещение за подписью обоих издателей, где «в ответ на несколько писем, полученных из России», выражается согласие «учредить при редакции «Колокола» сбор денег, предназначенных на *общее наше русское дело*». Что понималось под этим термином, видно из последующих номеров «Колокола», в которых систематически печатались точные сведения о получаемых суммах в «Общий фонд», «назначаемый для русской пропаганды и для вспомоществования русским, пострадавшим от политических гонений»[4]. Очень характерен для взаимоотношений «Колокола» с его читателями самый процесс возникновения этого начинания. Ставка руководителей журнала на широкую инициативу единомышленников, лишь организуемую и развиваемую «Колоколом», сказалась и здесь. «Существование заграничной кассы для общего дела необходимо, — читаем в одном из обращений «От издателей», — мы молчали об ней до вызова и делали, что могли, на свои

---

[1] См. «Литературное наследство» № 41—42, стр. 339—340.

[2] *М. Лемке,* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 29.

[3] Там же, стр. 35—36.

[4] «Колокол» № 150 от 15. XI 1862 г.

средства. Просьба, повторяемая с разных сторон, заставила нас заявить нашу готовность»[1]. Деньги на «Общий фонд» стали поступать немедленно после майских обращений (в № 134 от 22 мая 1862 г. было повторное «извещение»; тогда же оно было выпущено отдельной листовкой). Но когда «Колокол» даёт через три месяца первый итог, он вынужден констатировать, что полученная за это время сумма (около 1 100 франков) чрезмерно мала по сравнению с необходимыми затратами. Видимо, ни инициаторы сбора, ни сочувствующие ему не обладали достаточными денежными средствами. «Колокол», желая улучшить положение, предлагает ввести самообложение[2], хотя тут же отмечает полученные отдельные крупные пожертвования и их значение. Всё, что поступало в «Общий фонд», шло на помощь эмигрантам; но и для этой цели собранных средств было недостаточно. В обращении от августа и сентября 1862 г. указывалось, что «денежные посылки... даже не покрывают самых необходимых трат для первого вспомоществования русским, вынужденным оставить Россию на время правительственного безумия»[3], «для эмигрантов, число которых вырастает благодаря безумному террору, царящему в Петербурге»[4].

Такая оценка политического положения внутри России верно отражала действительность, когда летом 1862 г. к усмирениям крестьян в губерниях прибавились обыски и аресты интеллигенции в столицах.

Правительство, развивая борьбу с враждебными ему силами, вооружается новыми средствами и против заграничной литературы, т. е. в первую очередь против «Колокола». Помимо усиления общего надзора за проникновением и распространением этой литературы (о чём

---

[1] «Колокол» № 141 от 15.VIII 1862 г.

[2] «Пусть, например, все желающие обложат себя известной... податью с доходов. Человек одинокий, имеющий не меньше 2000 р. сер., может легко дать 5% в год; люди, имеющие больше, могут прислать 10%; семейные люди могли бы давать вполовину... Г. Тхоржевский уполномочен нами принимать деньги в «Общий фонд»; его адрес на *каждом* «Колоколе» («Колокол» № 145 от 15.IX 1862 г.; *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 474).

[3] «Колокол» № 145 от 15.IX 1862 г.

[4] «Колокол» № 141 от 15.VIII 1862 г.

делались неоднократные распоряжения) [1], теперь пускаются в ход различные опровержения её сообщений в подцензурной печати. Признав желательной такую печатную дискредитацию ещё по опыту пресловутой брошюры Шедо-Ферроти, правительство решает итти дальше и стимулирует критику зарубежных изданий уже на русском языке и в российских органах печати.

Первым откликнулся Катков. Он тогда уже, «во время первого демократического подъема в России... повернул, — как указывает Ленин, — к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству» [2].

К тому же Катков был лично задет статьёй Герцена «Сенаторам и тайным советникам журнализма» [3]. В этой статье Герцен остроумно высмеивает растущие реакционные тенденции катковского журнала «Русский вестник». В февральской книжке «Русского вестника» за 1862 г. программная статья Каткова «К какой мы принадлежим партии» доказывала, прикрываясь туманными фразами и общими местами, ценность охранительных начал, презрительно третируя передовые стремления русского общества.

Язвительная критика Герцена разоблачала этого «туза журнализма», всю его враждебность живым силам пробуждающейся родины.

В ответ полились злобные инсинуации Каткова и в «Русском вестнике» и в его приложении «Современная летопись». В № 23 этого приложения за июнь 1862 г.

---

[1] Таковы, например, записки министру внутренних дел от одного из чиновников от 27 июня 1861 г. с предложением усилить ответственность лиц, у которых на таможне обнаружится зарубежная литература; утверждение царём 20 апреля 1862 г. новых мер надзора за типографиями и книжной торговлей (*А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 221—224, примечание Лемке); меры Валуева против «Колокола» (предложение агентству Рейтер посылать телеграфом официальные информации о внутренней жизни России с целью предупредить их появление в русских изданиях, выходящих за границей, со статьями о событиях русской жизни. «Эти статьи,— говорилось в записке, — после появления телеграфических депеш, потеряют свой соблазнительный интерес»). См. «Колокол» № 130 от 22.IV 1862 г.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXX, изд. 3, стр. 192.

[3] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 111—115.

Катков обвиняет издателей «Колокола» в демагогических публикациях, развращающих и губящих неопытную молодёжь в России. Он настойчиво твердит, что лондонские агитаторы толкают молодёжь на революционные выступления, сами оставаясь вне сферы опасности. Говоря многозначительно: «Мы хорошо знаем, что это за люди», Катков в рассчитанном порыве красноречия заявляет, что «заграничные проповедники», разжигая «стихийные страсти... делают те же поджоги».

И всё это печаталось в тот момент, когда читатели, перепуганные петербургскими пожарами, болезненно хватались за слово «поджог», ища их виновников. Поэтому политический резонанс такой клеветы был сейчас же положительно учтён в правительственных кругах и даже одобрен лично Александром II. Это ещё больше вдохновило Каткова.

Скоро в Москве был получен № 137 «Колокола» от 22 июня 1862 г. с ответной статьёй Герцена «Дурные оружия». В № 139 «Колокола» публикуется «Письмо Каткову и Леонтьеву». В этих своих статьях Герцен опровергает дикие выдумки Каткова и требует у него прямо и честно указать «*кого же это, когда,* при каком случае погубил наш совет, кого свёл я в казематы и Сибирь?» Герцен также предъявляет требование: если обвинять, то делать это открыто, без намёков и двусмысленностей.

В ответ Катков фабрикует большую «Заметку для издателя «Колокола». Желая её опубликовать как можно скорее, Катков задерживает уже набранную книжку своего журнала за июнь 1862 г., и, как только было получено личное разрешение министра на печатание «Заметки», он присоединяет её к готовому уже номеру «Русского вестника». В своём ответе Катков прямо называет Герцена по имени и разражается бранью по его адресу. Он изображает публицистическую и издательскую деятельность Герцена как явный вред России, как гибельный яд для русского читателя. Катков приводит полностью «Письмо» Герцена и затем, передёргивая и извращая его смысл, пытается доказать его абсурдность. «Издатели *Колокола,* — заканчивает Катков, — спрашивают нас, какие они люди. Мы сказали. Честными ни в

каком случае назвать их нельзя. От бесчестия им одна отговорка — помешательство» [1].

Катковские писания стимулируют и другие рептильные органы печати («Наше время», «Сын отечества», «Домашняя беседа») приняться за «обличение» «лондонских издателей». Упоминание имени Герцена теперь разрешается цензурой, но по специальному распоряжению министра просвещения Головнина от 30 июля 1862 г.[2] ни одной статьи в защиту его не было пропущено. Правительственная активность в этом инциденте подтверждается и следующими словами отчёта шефа жандармов: «1862 год замечателен в нашей литературе... и тем, что в этом году начали печатно говорить у нас о Герцене. Инициатива принадлежит высшему правительству» [3]. «Последствием этих статей,— продолжает отчёт,—...было то, что Герцен... намного утерял значения, приобретённого им сколько исключительным его положением, как изгнанника, столько же и продолжительным молчанием критики о заграничных печатных его сочинениях» [4].

Такая оценка агентами правительства результатов затеянной ими же кампании слишком преувеличена. Хотя общественная реакция нарастала к лету 1862 г. и бывшие либеральные союзники начали отходить от «Колокола», они всё же ещё не оказывали широкой общественной поддержки правительству; на этот путь либералы вступили через год, в связи с польским восстанием. «Реакция была тогда в инкубации, — писал Герцен, — и из внутреннего, скрытого гниения ещё не вылазила наружу» [5].

Многие современники оценивают в своих воспоминаниях антигерценовскую кампанию совсем не в тоне приведённого выше жандармского отчёта [6]. Даже в дневнике сенатора К. Н. Лебедева встречаем мнение, совершенно противоположное тому, которое высказывал шеф

---

[1] «Русский вестник», т. 39, стр. 852.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 445, примечание Лемке.
[3] Там же, стр. 594, примечание Лемке.
[4] Там же, стр. 594—595.
[5] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 398.
[6] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 451—454.

жандармов: «Реакция очень ошибается, если думает опираться на такие статьи... Каткову не поверят; скажут, что он, как Н. Ф. Павлов, подкуплен, и молодёжь прилепится к Герцену сильнее и плотнее... Отныне партия Герцена в обществе и в литературе делается могуществом, признанным правительством, как это признавала молодёжь давно» [1].

Об отношении провинциальных читателей к антигерценовским выступлениям Каткова мы узнаём из воспоминаний Ф. Воропонова: «Впечатление, произведённое... статьями [Каткова] на публику, как столичную, так и провинциальную, было сильно и значительно изменило её отношение к Каткову и его изданиям (в отрицательную сторону)... Во время появления означенных статей я... был в провинции, и помню, какое они там возбудили недоумение» [2].

На выпады Каткова «Колокол» отозвался, как уже было сказано, двумя редакционными статьями: «Дурные оружия» [3] и «Письмо Каткову и Леонтьеву» [4]. Герцен разоблачает лживость писаний Каткова и даёт свою оценку всей этой враждебной ему кампании в русской прессе: «Почти все, владеющие пращой в русской журналистике, — пишет он, — явились один за другим на высочайше разрешённый *тир* и побивают нас... Потешайтесь, господа; мы только того и хотели, чтобы как-нибудь возвратиться к вам. Мы возвращаемся мишенью; итак, à vos pieces canonniers!» [5]

Чувствительный удар всему делу «Колокола» был нанесён тогда же, летом 1862 г., но другими правительственными мерами. Усиленная полицейская слежка, которая особенно вырастает со второй половины 1861 г. [6], и за движением лондонских изданий, и за личными посе-

---

[1] «Русский архив», т. III, 1911, стр. 408.
[2] «Вестник Европы», т. IV, 1904, стр. 29—30.
[3] Статья Герцена в «Колоколе» № 137 от 22.VI 1862 г.
[4] Статья Герцена в «Колоколе» № 139 от 15.VII 1862 г.
[5] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 371.
[6] В отчёте шефа жандармов Долгорукова за 1862 г. указано, что в начале этого года было организовано *«самое близкое* секретное наблюдение как за политическими выходцами, так и за их посетителями... в Лондоне... и в Париже» (*А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 585—587).

тителями Герцена увенчалась, наконец, значительным успехом. На основании сообщения специального агента III отделения из Лондона был арестован на пароходе при возвращении в Петербург Павел Александрович Ветошников. Он как школьный товарищ Кельсиева бывал у Герцена и Огарёва и, возвращаясь в Россию, вёз от них целую пачку писем. Тогда ещё, — как вспоминает позднее Герцен, — «никто не боялся к нам ездить; никто не боялся брать с собой «Колокол» и другие наши издания... Когда мы советовали быть осторожными, над нами смеялись» [1]. Эта же «оказия» казалась очень надёжной. Ветошников, по словам Кельсиева, был как доверенный одной английской торговой фирмы «...почти хозяином парохода... Капитаны, матросы, таможенные чиновники — все его знали, кто стал бы его обыскивать?» [2] Поэтому отъезд Ветошникова и был использован для пересылки особо важных сообщений — о способах переписки с Лондоном, о проектах ближайшей деятельности; рекомендовались лица почти незашифрованно, указывались адреса. Втёршийся в число гостей Герцена агент тотчас телеграфировал в Петербург, и вся корреспонденция попала в руки полиции. «Арест Ветошникова, — говорит Кельсиев, — поразил нас как громом» [3]. Действительно, здесь разрывалась обширная сеть связей, сложившаяся у «Колокола» в предыдущие годы, уничтожались новые отношения, закреплённые при поездке Кельсиева в Россию.

Тотчас же начались массовые аресты (в том числе Н. Г. Чернышевского и Н. А. Серно-Соловьёвича). Отчёт III отделения с удовлетворением мог потом констатировать, что «в июне из захваченных на границе писем главных русских возмутителей в Лондоне обнаружилось, сколь далеко распространилось уже по всей империи злоумышление и сколь необходимо было принять противу оного решительные меры для отвращения великих несчастий». Перечислив затем всевозможные репрессии, которые были осуществлены, отчёт успокоительно сообщает: «...высоч[айше] учреждённая... секретная

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 398.
[2] «Литературное наследство» № 41—42, стр. 344.
[3] Там же, стр. 297.

следств[енная] комиссия, обнаруживая... революционных деятелей, задержала главных виновников и многих сообщников» [1]. Так было создано «Дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», или «Процесс 32-х» [2].

«Совершилось великое несчастие, чуть ли не единственное политическое несчастие во всей нашей жизни» [3], — со скорбью вспоминает впоследствии Герцен обо всём этом печальном инциденте. Но тогда реакция в России только ещё расправляла крылья, а радикальные круги готовы были, за исключением немногочисленных единомышленников «Молодой России», действовать в тесном контакте с «Колоколом». Следовательно, когда этот внешний удар надломил силы герценовского журнала, ещё была возможность поправить дело.

Но этот удар оказался пробным камнем для таких прежде близких «Колоколу» и лично Герцену людей, как И. С. Тургенев. Бывший постоянный информатор «Колокола» [4], с интересом и сочувствием следивший за его ростом, теперь, будучи привлечён следственной комиссией данного процесса, Тургенев категорически отрёкся от всяких связей с Лондоном. Позже, когда Герцен узнал и о промуравьёвской позиции, занятой Тургеневым в польском вопросе, он поместил в «Колоколе» резкую заметку о раскаянии «седовласой Магдалины (мужского рода)» [5], в которой Тургенев узнал себя. Теперь же, в 1862 г., Герцен ещё не имел точных сведений, на кого раскинулись сети созданного процесса. Его в то же время волновало и другое. Поддерживая постоянную переписку с Тургеневым, Герцен видел, что уже с 1861 г. между ними возникает серьёзное принципиальное разногласие. Оно получило чёткую формулировку в письмах

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 588, примечание Лемке.

[2] См. *М. Лемке,* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 18—231.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 382.

[4] Ср. статью С. А. Рейсера «Тургенев — сотрудник «Колокола» в сборнике «И. С. Тургенев. Материалы и исследования», под ред. Н. Л. Бродского, Орёл 1940, стр. 136—147.

[5] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 25; см. *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 467.

Тургенева лишь к осени 1862 г. Из этих писем видно, что для него были неприемлемы именно отрицательное отношение Герцена и Огарёва к объявленной крестьянской реформе и та критика «Положения», которая систематически проводилась в «Колоколе» и обусловила его новое направление. «Так-ли, сяк-ли... *но земля приняла «Положение»*,—пишет он Герцену 16 октября 1862 г.,—скажу более: она в весьма скором времени сольёт своё понятие о свободе с понятием о «Положении» и будет видеть в его врагах — своих врагов» [1]. Ещё определённее говорит он в письме от 8 октября 1862 г.: «...какие бы ни были последствия от «Положения» для дворян — крестьянин разбогател и, как они выражаются, *раздобрел* от него» [2].

Герцен понимал, что такое диаметрально противоположное отношение к основному вопросу русской жизни приведёт их к полному разрыву, но, как и с Кавелиным, не хотел порвать с Тургеневым молча. И у них начинается длительная дискуссия.

Восемь статей под общим заголовком «Концы и начала» публикует Герцен в «Колоколе» в течение второй половины 1862 г. в форме писем к другу. Тургенев предполагал сперва отвечать также в «Колоколе», но, как он сам откровенно признаётся в письме к Герцену, отказался от этой мысли, так как «...получил, под рукой, *официозное* предостережение не печататься в «Колоколе» [3]. Он стал отвечать Герцену в частных письмах. Герцен, как всегда внимательный к положению своих корреспондентов в России, ничем не выдал своего адресата. В своих ответных статьях в «Колоколе» Герцен констатирует отход своего адресата от сочувственной поддержки развивающегося общественно-политического движения в России, отмечает его желание найти «тихую пристань» в европейском парламентаризме, осуществлённом и в России. Эти вопросы дают повод Герцену снова изложить основные принципы своей «теории «русского»

---

[1] «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 166.

[2] Там же, стр. 151. (Лемке определяет это письмо как адресованное Лугинину.)

[3] Там же, стр. 160—162.

социализма» с обычным противопоставлением «здоровой» России «дряхлому» Западу, пребывающему в безвыходном тупике мещанства.

Пространные возражения Тургенева интересовали Герцена как результат непосредственного наблюдения Тургеневым русской действительности. Едва ли можно сомневаться в том, что именно под влиянием этих писем Герцен вносит небывалую раньше оговорку в заключительную формулировку своих взглядов, в которой констатирует в русской жизни наличие зародышей такой же буржуазии, как и на Западе. Возражая Тургеневу, утверждавшему, что развитие русского народа как одного из европейских должно точно пройти путь Западной Европы [1], Герцен снова говорит, что есть основания допустить существенные самобытные варианты в этом развитии, но заканчивает так: «... в чём же состоит та злая ересь, то отпадение... от всех божественных и человеческих учений и уставов, что я не считаю мещанства окончательной формой русского устройства, того устройства, к которому Россия стремится, и, достигая которого, она, может, *пройдёт* мещанской полосой?» [2]

Но если Герцен в своём споре с Тургеневым и принимал к сведению его анализ русской жизни, то он видел и всю глубину своего расхождения с ним. Он понимал, что в этом споре отражалось столкновение слагавшихся разнородных общественных направлений. Поэтому Герцен и вынес свои ответы Тургеневу на страницы «Колокола».

Либерально-помещичья позиция Тургенева, сказавшаяся в его письмах при оценке крестьянской реформы, ещё ярче выразилась в его характеристике русского народа. «Народ,— пишет Тургенев Герцену,— перед которым вы преклоняетесь, консерватор par exellence и даже носит в себе зародыш такой буржуазии в дублёном тулупе, тёплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности, что далеко оставит за собою все метко-верные черты, которыми ты изобразил

---

[1] См. «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 171—172.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 304.

западную буржуазию в своих «письмах». Далеко нечего ходить,— посмотрите на наших купцов» [1].

Таким образом, Тургенев, верно изобразив в этих словах характерные черты нового социального типа — кулака-собственника, в то же время наделяет этими чертами всё русское крестьянство, не умея диференцированно подойти к нему. Он как типичный либерал-помещик боится революционной активности масс и стремится доказать её невозможность, опираясь на приведённую им характеристику русских крестьян.

Это звучит сильнее, чем домыслы Никитенко и резкие определения Кавелина. Здесь был тот Тургенев, о котором говорит Ленин, что его «тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции» и «ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского» [2].

А «Колокол» как раз в то время всё ближе подходил к этому демократизму [3]. «Процесс 32-х» показал, как значительны были связи редакции «Колокола» с революционно-демократическими кругами в России, с тем революционным активом, из которого вскоре сложилось общество «Земля и воля».

Правительство между тем усиливает меры борьбы. В письме к Стасову от 9 августа 1862 г. Герцен сообщает, что при содействии польских эмигрантов он получил список лиц, которых будут обыскивать на границе (в их числе был и адресат), и прямо указывает ему, что «шпионство усилилось до наглости» [4].

Однако, как ни старались агенты III отделения многочисленными арестами вырвать из революционных кружков наиболее активных деятелей и терроризировать менее устойчивую часть их целым рядом новых мелких процессов,— революционное движение не замирает. По словам А. А. Слепцова, стоявшего в центре революционного движения того времени, к осени 1862 г., после успешной подготовительной работы в провинции по созданию там отдельных комитетов, петербургский центр

---

[1] «Письма», стр. 171 и сл.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXII, изд. 3, стр. 467.
[3] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 467—468.
[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 369.

объединяет их в одно общество, принявшее наименование «Земля и воля»[1]. Первое заседание его центрального органа — «Русского Центрального народного комитета» — происходило 24 ноября 1862 г.

Поскольку в обществе «Земля и воля» было решено из осторожности временно прервать работу по выпуску прокламаций и устройству типографий, выдвинув на первое место устную пропаганду[2], спрос на лондонские издания усилился. Потребность в революционной литературе была так велика, что осенью 1862 г. в среде «молодых эмигрантов», только что прибывших из России, возникает мысль о создании второй зарубежной типографии на континенте. Имеющиеся по этому вопросу исследования выясняют, что проект слить эту новую типографию с Вольной русской типографией, переведя последнюю на континент, не встретил сочувствия Герцена, который не надеялся на силы и способности «молодых эмигрантов» и опасался слиянием погубить уже налаженное дело. Содействие же новому начинанию он оказал и материальное и организационное[3].

Новая типография начала работу под руководством В. П. Бакста в конце 1862 г. и просуществовала до середины 1863 г.[4]

Между тем всё внимание руководителей «Колокола» в течение осени 1862 г. было сосредоточено на восстановлении и налаживании новых связей с Россией. «Мы пришли к заключению,— пишет Огарёв Баксту 15 декабря 1862 г., — что вся задача в путях»[5]. О том же говорит и взволнованная статья Герцена в №.152 от 15 декабря 1863 г. «Пути! Пути!»[6] Отвечая «на постоянно повторяемое обвинение в дороговизне русских книг», он пишет:

«Раз навсегда мы объясним нашим читателям, что цена русских книг зависит не от нас, а *от них*.

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, примечание Лемке, стр. 83 и сл.

[2] Там же.

[3] См. «Литературное наследство» № 41—42, стр. 12—14, 83.

[4] См. там же, стр. 14.

[5] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 568.

[6] См. там же, стр. 569—574.

При заведении типографии в Лондоне не было в виду *торгового оборота:* всё делалось и делается единственно с целью пропаганды...

Печать в Лондоне очень дорога, это — не новость... Зачем мы печатаем в Лондоне? Затем, что в Европе нет верного угла, в котором бы можно было печатать...

Тем не менее, и лондонские издания можно было бы свести на половинную цену. Кто же виноват в том, что они продаются так дорого?

Вы, а не мы.

Открыть новые пути мы не можем, это — ваше дело.. Все русские... уверяли нас, что пути провоза книг через русскую границу устроить *очень легко;* тем лучше, — ...сделайте лёгкое, но *сделайте в самом деле...*

Без верных, правильно устроенных путей не будет дешёвых книг» [1].

Настойчиво призывая читателей быть активными в этом деле, Герцен и сам много делал для улучшения связей с родиной. В октябре 1862 г. с этой целью был направлен в Константинополь, а оттуда в Тульчу, к самой русской границе, В. И. Кельсиев. В 1863 г. к нему присоединился бежавший из России его брат Иван. В Дрезден был послан Н. И. Жуковский. В северной Германии действовал Бакст, в Италии — Лев Ильич Мечников, которому помогал в организации связей с Одессой барон А. Ф. Стюарт, уроженец Бессарабии [2]. А в 1863 г. Бакунин налаживает контрабанду через шведско-финскую границу. Вообще с начала 1863 г. общение эмигрантов с Россией становится легче, так как во время польского восстания и русско-прусская и русско-австрийская границы фактически стали открытыми [3].

Попытки руководителей «Колокола» улучшить связи, повидимому, имели успех, так как уже в середине декабря 1862 г. Герцен пишет Баксту: «Я начинаю верить, что дело сношений устроится очень хорошо. Теперь мы делаем опыты посылок новыми дорогами» [4].

Обращает на себя внимание во всём этом деле один

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 569—570.
[2] См. «Литературное наследство» № 41—42, стр. 10—11.
[3] См. там же, стр. 11.
[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 568.

новый мотив — вопрос о дороговизне зарубежных изданий и стремление редакторов «Колокола» ослабить его остроту. Раньше они жалоб на это не слыхали. Ясно, что появился *новый читатель*. Это уже не читатель «высоких регионов», как в первые месяцы издания «Колокола», не прогрессивные чиновники и либеральные помещики, как в предреформенный период. Появился новый читатель, демократический, который был не в состоянии переплачивать книготорговцам и комиссионерам.. Кто же это был? Ценные сведения об этом даёт нам процесс 1863 г., по так называемому «Делу Андрущенко», полностью опубликованный в «Колоколе», в № 208—215 (1865—1866 гг.). Подобно уже упомянутым процессам в Петербурге в 1862 г., «Дело Андрущенко» вводит нас в среду учащейся молодёжи высших (и даже средних) учебных заведений и начинающих службу молодых чиновников. Их мы и раньше встречали среди самых активных читателей и почитателей «Колокола». Но теперь они здесь занимают иное положение, значимость их сильно возросла: раньше они ловили и передавали единичные экземпляры лондонских изданий между своими товарищами или близко знакомыми соседями (как мы видели из «Дневников» Добролюбова), теперь им необходимы не десятки, а сотни экземпляров, и потому стоимость каждого листка, в особенности по их бюджету, является существенной. Как показывает «Дело Андрущенко», массовое получение бесцензурной литературы было необходимо этим молодым людям для её распространения и для ведения агитации в провинции, куда они попадали или на время каникул, или на постоянную работу, сохраняя революционные связи со столицей.

Центральная фигура этого процесса Иван Андрущенко, ещё будучи студентом Московского межевого института, в 1859 г. через товарищей вошёл в кружок студентов Московского университета, называвшийся «Библиотека казённых студентов» (т. е. казённокоштных); здесь он познакомился с активным членом кружка Юрием Мосоловым. В 1861 г., окончив Межевой институт, Андрущенко уезжает на службу по своей специальности в Чернигов. Но связь с кружком он, повидимому, не порывает, так как при временном возвращении в Мо-

скву в июне 1862 г. он оказывается в центре его деятельности. Здесь он узнаёт, что близкие к кружку студенты Аргиропуло и Заичневский арестованы, но кружок не прерывает работы, имея связь с обществом «Земля и воля», о котором сообщил Андрущенко, Мосолов в конце 1862 г. Андрущенко не остаётся пассивным; он не только посещает собрания кружка, но и много помогает при организации побега за границу студента Ивана Кельсиева: получает для него деньги от общества «Земля и воля», достаёт подложный паспорт и помогает бежать из Пречистенского «частного» дома, где тот находился под арестом. В мае 1863 г. на квартире Андрущенко, по инициативе некоего Якова Сулина, состоялась многолюдная сходка участников кружка. Здесь было решено, что уезжающие из Москвы члены кружка должны распространять запрещённые сочинения и вести пропаганду, переписываясь установленным шифром. Вскоре и Андрущенко уезжает из Москвы. Он снова едет на службу в Чернигов и везёт с собой большое количество агитационной литературы. Распространять её он начинает при содействии своего черниговского приятеля врача Степана Носа и офицеров местного гарнизона. Однако деятельность их вскоре была прервана, но не преследованиями полицейских агентов, а случайным доносом по начальству одного из офицеров. В числе других был арестован и Андрущенко; и тут, несмотря на многолетнее участие в революционном кружке, он не проявил достаточной твёрдости; переведённый вскоре в Петропавловскую крепость, он в августе 1863 г. «раскаялся» и выдал всех своих товарищей, причём о некоторых из них следственная комиссия, как отмечается в её постановлении, не имела никаких сведений до признания Андрущенко. Так создалось «дело», захватившее более двух десятков человек.

При обыске во время ареста в Чернигове у Андрущенко были найдены запрещённые сочинения и воззвания, о которых он показал, что получил их от товарищей в Москве в количестве нескольких сот, а «Колокол» и листки «Под суд» и другие лондонские издания купил у московского книготорговца Эдмунда Кундта. Следственная комиссия, конечно, привлекла Кундта. Из

допроса его выяснилось, что московские книготорговцы «Кундт, Готье, Рено, Арльт и Дейбнер получили выписываемые из-за границы запрещённые сочинения с разрешения цензуры по реверсам, через петербургского купца Шмидекампфа... в виде благодарности книгопродавцы платили в цензуре деньги» [1].

Без сомнения, когда с 1862 г. усилились полицейские преследования, купцам ещё больше приходилось платить «в цензуре» за получение такого опасного товара, а расходы эти они, естественно, возмещали на покупателях. Поэтому цитированная выше статья Герцена «Пути! Пути!» была вполне своевременна. Зная от уцелевших деятелей общества «Земля и воля» об их попытках захватить агитацией провинцию и вполне этому сочувствуя, Герцен и советует своим единомышленникам в России искать способа избавиться от «пошлин» у расчётливых книготорговцев созданием новых путей получения литературной контрабанды.

Интерес к русской провинции давно проявлялся руководителями «Колокола»; в основе этого интереса лежал один из принципов теории «русского» социализма» — о преобладающем значении в предстоящей социальной перестройке периферии, «земли», деревни в противовес городским центрам. Ещё в начале 1861 г. в статье Герцена «Провинциальные университеты» мы встречаем такую оценку поднимающихся сил:

«Везде на Руси закипает жизнь, везде обнаруживается деятельность, иногда нескладная, но здоровая, молодая и самобытная...

Как только пахнёт свежим воздухом, здоровым, обещающим весну, то это, наверное, с Урала или из Казани, из Киева или из Харькова, из Малороссии или из Сибири, но не из Петербурга и не из Москвы» [2].

Теперь же, после петербургских арестов 1862 г., добавлялось ещё одно чисто практическое соображение в пользу развёртывания революционной работы в провинции: там было меньше полицейских ищеек.

---

[1] «Колокол» № 208 от 15.XI 1865 г.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений. т. XI, стр. 21.

В то же время наряду с широкой массовой агитацией в провинции редакторы «Колокола» придают большое значение и революционному воздействию на армию. На этот вопрос Герцен обратил серьёзное внимание ещё осенью 1861 г., когда, после массового применения регулярной армии для подавления многочисленных крестьянских волнений, Александром II был подписан приказ, устанавливающий использование войск против народа как нормальное явление. В этом приказе даже давалась градация применения разных видов вооружения — от шашки до артиллерии — при волнениях разной степени. «Колокол» немедленно откликается на это распоряжение правительства статьёй «Что надо делать войску?». Написана она была Огарёвым и Н. Н. Обручевым при содействии Н. А. Серно-Соловьёвича. Она призывает солдат «...нейти против народа» и тем «спасти Россию от кровавой напасти, не мешать народу спокойно получить землю и волю» [1].

Выпущенная в Лондоне ещё тремя отдельными изданиями, статья эта в большом количестве переправляется в Россию. Насколько она была своевременна, видно из того, что здесь она снова переиздаётся и выходит ещё в четырёх печатных и литографированных изданиях. Опубликованное в «Колоколе» [2] дело Трувеллера, молодого гардемарина, арестованного за агитацию на корабле «Олег» летом 1862 г., показывает, что статья «Что надо делать войску?» была немедленно использована передовыми людьми в армии и во флоте для революционной агитации.

Когда же рост крестьянского движения в 1862 г. снова вызывает усиленное применение вооружённых сил, редакция «Колокола» ищет новых средств воздействия на солдат. В № 4 листка «Общее Вече» [3] публикуется статья Огарёва [4] «Тысячелетие России», где автор, указывая на тяжёлое положение солдата, вынужденного стрелять в

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 320.
[2] «Колокол» № 143 от 1.IX 1862 г. и № 158 от 15.XII 1862 г.
[3] Прибавление к № 147 «Колокола» от 15.X 1862 г.
[4] Как установлено Б. П. Козьминым. См. *Н. П. Огарёв,* Соч., т. I, «Советский писатель», 1937, стр. XLIV, предисловие.

своих, с горячим убеждением обращается к крестьянам: при отправке рекрут «брать с них присягу никогда по народу не стрелять и лучше самому живота лишиться, чем по народу стрелять».

Каждый признак подъёма революционной агитации в армии постоянно с сочувствием отмечается в «Колоколе» [1].

Подводя итог 1862 году, Герцен в своей новогодней статье пишет о появлении сознания близости к интересам народа среди офицеров и солдат, как о совершенно новом явлении в русской жизни [2].

Теперь «Колокол» часто обращается к этой теме как тесно связанной с польским вопросом, который в этот период начинает занимать доминирующее положение в журнале.

4. «КОЛОКОЛ» И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС. ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Положение Польши и сосланных после восстания 1830—1831 гг. поляков давно привлекало внимание Герцена. Он с повышенным интересом следил за ходом восстания ещё из аудиторий Московского университета и сочувственно относился к ссыльным повстанцам, встречаясь с ними в Вятке. Когда же в Лондоне он знакомится с польской демократической эмиграцией, у него создаётся и значительная близость с польскими «выходцами», которые поддерживают его советом и прямым участием в создании Вольной русской типографии.

Но, конечно, не личные симпатии, а глубокие принципиальные соображения заставили Герцена поставить польский вопрос одной из центральных тем своего журнала. Крестьянское дело и польский вопрос сами собой легли в основу русской пропаганды, — говорит Герцен, подводя итог десятилетия работы своей типографии, и заканчивает статью так:

---

[1] См., например, о делах Григорьева, Красовского, Дьяконова и др. в «Колоколе» № 146 от 1.X 1862 г., № 151 от 1.XII 1862 г., № 152 от 15.XII 1862 г., № 155 от 1.II 1863 г. и др. Тогда же издаётся Герценом отдельный сборник «Солдатские песни»; они по своей доходчивости могли служить удобным агитационным материалом.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 6.

«Воля будет у России,
Земля будет у крестьян,
Независимость будет у Польши!»[1]

Так, приравнивая польский вопрос к своему основному политическому лозунгу «Земля и воля», Герцен вскрывает свой взгляд на его значение в предстоящем общественном развитии России — взгляд, многолетнюю давность которого он уверенно мог подтвердить в конце 60-х годов: «Угодно ли знать теперь, каково наше мнение *о сути вопроса*. Если да, пусть дадут себе труд пробежать серию «Писем о России и Польше» в «Колоколе» 1859 и 1860 гг.»[2]

Уже в двух первых из этих упомянутых Герценом статей[3] он даёт ту «*суть вопроса*», которая в дальнейшем лишь развивается и повторяется. «Польша... — писал тогда Герцен, — имеет *неотъемлемое, полное* право на государственное существование, *независимое* от России». Больной вопрос об определении *границ Польши* Герцен решает так: «Естественных границ нет... остаётся искать иных оснований — в самой жизни народа, в его быте... Там, где народ исповедует православие, говорит языком более близким к русскому, чем к польскому, там, где он сохранил русский крестьянский быт, мир, сходку, общинное владение землёй, — там он, вероятно, захочет быть русским. Там, где народ исповедует католицизм или унию, там, где он утратил общину и общинное владение землёй, там, вероятно, сочувствие с Польшей сильнее, и он пойдёт с ней»[4].

«Но, скажите, — восклицает Герцен, — что же мы за наследники Венского конгресса, что будем расписывать, какая полоса земли куда принадлежит, *не спросясь людей, на ней живущих?*» Очень существенно отметить, что эти основные вопросы — о полной независимости Польши

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 135.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XXI, стр. 204.
[3] Статьи, о которых говорит Герцен в 1868 г., были помещены в следующих номерах «Колокола»: № 32/33 от 1.I 1859 г.; № 34 от 15.I 1859 г.; № 56 от 15.XI 1859 г.; № 65/66 от 15.III 1860 г.; № 67 от 1.IV 1860 г.; № 82 от 1.X 1860 г.; № 85 от 15.XI 1860 г.; № 87/88 от 15.XII 1860 г.
[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 463—466.

и о праве народа, заселяющего русско-польские пограничные территории, на самоопределение, — Герцен решает не в узком аспекте одного лишь польского дела:

Он в той же статье говорит об Украине, делает логический вывод практического характера:

«Ну, если после всех наших рассуждений, Украйна... не захочет быть ни *польской,* ни *русской?* По-моему, вопрос разрешается очень просто. Украйну следует в таком случае признать свободной и независимой страной... Что же это будет за шаг к их освобождению (людей, живущих на Украине. — *З. Б.*), когда, снимая московские цепи, им скажут, что они должны *принадлежать* Польше.

Развяжемте им руки, развяжемте им язык, пусть речь их будет совершенно свободна, и тогда пусть они скажут своё слово» [1].

Такое прогрессивное, а по тому времени революционное, решение национального вопроса находится в тесной связи с широким демократизмом воззрений Герцена и его любовью к русскому народу. Герцен считает, что действительной, безусловной свободы русский народ достигнет лишь в случае признания им прав на самостоятельность и свободу за другими народностями: «...*никого* не надобно ни *руссифицировать,* ни *полонизировать*... никому не надобно мешать говорить и думать, учиться и писать, как ему хочется» [2].

В таком решении Герценом национального вопроса нельзя не видеть и общего влияния его теории «русского» социализма», в самое понятие которого необходимым слагаемым он вкладывал инициативу отдельных местностей; в рамках государства это приводило бы к признанию федерации, национальной автономии областей. «Мы признаём, — пишет Герцен, полемизируя с Ив. Аксаковым в 1863 г., — отдельным провинциям полное право на всяческую автономию, на вольное соединение, на полное слитие, на полное расторжение... Разумеется, что мысль федерализации и расчленения, так же, как мысль национальности, можно довести до карикатуры преувеличениями... только те группы, провинции, те части государства и будут добиваться до самобытно-

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 466.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 365.

сти, которые имеют действительные элементы на особность, на самобытность. С какой стати,— добавляет Герцен,— Калужская губерния или Тульская скажет, что она хочет быть *своей,* как Украйна?» [1] Твёрдость Герцена в этих принципах, уверенность его в их правильности возрастали благодаря той поддержке, которую он встретил здесь в читателях-корреспондентах «Колокола», в особенности в практических деятелях национального движения. В том же ответе Аксакову он говорит: «Что наши мнения не совершенно ошибочны, в этом нас удостоверяют три свидетельства. С нами соглашались деятельные передовые представители польского восстания, с нами соглашались русские офицеры и вообще русские независимые... с нами соглашались — и это важнее остального — украинцы».

Статью украинца, анонимно помещённую в «Колоколе», Герцен считает «превосходной», а заключительные слова её — «пусть же *ни великоруссы, ни поляки* не называют *своими* земли, заселённые *нашим народом»,* — Герцен признаёт «сжато представляющими всё воззрение наше» [2]. Это воззрение лежит в основе позиций «Колокола», когда он оценивает положение и прочих национальностей, населявших окраины России и угнетавшихся руссификаторской политикой царизма.

Внимание журнала не минует в этой связи ни жизнь кочевников-киргизов в тисках оренбургской администрации [3], ни эксплоатация эстляндских крестьян немецкими баронами [4], ни притеснения цыган бессарабскими помещиками [5]. Мы встречаем несколько сочувственных статей, посвящённых Финляндии [6] и Грузии. Также не раз ставит

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 387.

[2] «Колокол» № 61 за 1860 г.; автором статьи был Н. И. Костомаров, как указывает Лемке *(А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 387).

[3] См. «Колокол» № 28 от 15.XI 1858 г.

[4] См. «Колокол» № 29 от 1.XII 1858 г.

[5] См. «Колокол» № 48 от 15.VII 1859 г.

[6] См. «Колокол» № 98/99 от 15.VI 1861 г., «Финляндская конституция»; № 165 от 10.VI 1863 г.; № 173 от 15.XI 1863 г.; № 145 от 15.IX 1862 г.; № 147 от 15.X 1862 г.; № 198 от 10.VI 1865 г. и № 199 от 1.VII 1865 г. См. «Колокол» № 30/31 от 15.XII 1858 г., стр. 254; № 85 от 15.XI 1860 г.; № 118 от 1862 г., «Смесь»; № 37 от 1.III 1859 г.; № 39 от 1.IV 1859 г., «Смесь»; № 203 от 1.IX 1865 г.

«Колокол» перед своими читателями вопрос о тяжёлом положении еврейского населения [1].

Давая вполне определённое решение национального вопроса в смысле признания равноправия всех наций, Герцен, естественно, воспринимал теорию национальной исключительности как глубоко враждебную своим принципам [2].

Резко отрицательное отношение Герцена к ограниченному национальному самодовольству немцев, к их «космопатриотизму» [3], как он называл немецкий шовинизм, завуалированный туманными словами о космополитизме, хорошо известно по его первым высказываниям в эмиграции [4]. «Колокол» с первых месяцев своего издания даёт читателям яркие образцы этого выражения убожества немецкой мысли. Конечно, данный вопрос не являлся здесь самоцелью и не мог ставиться в журнале особой темой, когда редакция определённо указывала, что её задачи, её «занятия» — «в русских делах... а не в западных людях и интересах» [5]. Но именно с точки зрения русских интересов «Колокол» и показывает все крайности «Deutschtum»'а. Так, в «Колоколе» были помещены две статьи: «Западные книги» и «Пост-скриптум» к статье о западных книгах. В первой из них Герцен даёт уничтожающую критику брошюры Дитцеля «Russland, Deutschland und die östliche Frage». Автор этой брошюры с тупоумием, типичным вообще для «томпаковой Германии» (слова Герцена), пытался доказывать, что русский народ лишён всяких политических способностей.

Во второй статье Герцен высмеивает не менее дикие высказывания передовицы «Аугсбургской газеты» (от 13 декабря 1857 г.) под заглавием «Russland und Deutschland», которая негодовала на характер русских публикаций последнего времени, видя в них *«возмущение славянского высокомерия против умственного превос-*

---

[1] Одно из своих замечаний корреспонденту, неправильно усмотревшему в статье «Колокола» антиеврейскую тенденцию, редакция заканчивает возмущённым вопросом: «Как мог писавший к нам заподозрить нас в... дикой... христианской нетерпимости?»

[2] См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 70—71.

[3] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 71.

[4] См. «А. И. Герцен. Новые материалы», стр. 33.

[5] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 65.

ходства немцев». Оценивая все эти немецкие писания Герцен иронически замечает: «Наивнее и яснее редко выказывались миродержавные притязания философского Израиля, которыми он невинно утешается в своём раздробленном, бессильном, обойдённом существовании»[1]. Так Герцен подчёркивает здесь ещё и несоответствие между националистическими притязаниями немцев и их тогдашним политическим положением. Но дальше уже без шутки раскрывает он, во что развиваются эти немецкие «невинные утешения», когда та же «Аугсбургская газета», говоря о положении индусов, доказывает, что «это не люди». И тут же, дополняя, Герцен приводит личные воспоминания: «Первое свободное слово, сказанное после веков политического молчания в революционной Германии 1848 г., было не в пользу, а против притеснённых и слабых народностей»[2]. Так публикации немецких националистов о России явились поводом подвергнуть критике на страницах «Колокола» шовинистические измышления авторов этих «теорий».

В дальнейшем эти немецкие «теории» упоминаются в журнале большей частью лишь тогда, когда Герцен использует их как антитезу с целью уяснения своего мнения или как reductio ad absurdum взглядов противника. Так, например, обосновывая перед польским оппонентом своё отношение к различным национальностям, Герцен придаёт своим взглядам особенную рельефность, сопоставляя их с немецкой шовинистической идеологией. «Есть ограниченные умы и узкие народные ненависти, которых убедить я не берусь: они ненавидят, не рассуждая. Возьмите... статьи немецких демократов, кичащихся своим *космополитизмом,* и вглядитесь в их злую ненависть не только ко всему русскому, но ко всему славянскому... всякий успех наш в гражданственности только удваивает ненависть этих ограниченных, заклёпанных умов»[3].

Редакторы «Колокола» не раз подчёркивали, что царское правительство, связанное идеологически и генеалогически с реакционными немецкими дворами, использует

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 78.
[2] Там же, стр. 80.
[3] Там же, стр. 468—469.

немцев как тупую, бездушную машину для укрепления своего административного аппарата, действующего в ущерб интересам русского народа [1]. «Нет! Нам не надо подражать немцам, — пишет Огарёв, критикуя форму освобождения крестьян в Остзейском крае, — будет с нас и того, что они втёрлись в русскую администрацию, в русскую службу, на которой являются самыми хищными чиновниками и самыми бездушными формалистами» [2].

Немцы вносили свои националистические тенденции в любую деятельность, грубо маскируя их иногда лестью и прислужничеством. Герцен указывает на эту «высокомерную ненависть немцев ко всему русскому», на «их отвращение к нам, которое они едва могут скрывать под личиной клиентизма и низкопоклонства, напоминающих рабов... древнего мира» [3]. Остроумно высмеивая в одной из статей «ливрейный язык» официальных газет, Герцен говорит: «Ссылаться в этом на немцев нечего — от них-то мы и заразились вполовину принижающимся сквернословием. Немцы — вообще, люди без такта. Ни Гёте, ни Гегель не умели себя держать с достоинством... Но ведь мы не немцы!» [4] Подобные взгляды, естественно, приводили к тому, что на страницах «Колокола» мы встречаем как синонимы отрицательного характера слова: «немец» — «доктринёр»—«формалист»—«прислужник царского правительства» — «враг русского народа». Отсюда и термин Герцена «внешние и внутренние немцы» в России, встречающийся в «Колоколе» [5], и характерное заглавие серии известных его статей «Русские немцы и немецкие русские» [6].

Однако такое отрицательное отношение Герцена к современным немцам нисколько не мешало ему ценить вклад в мировую культуру, внесённый ранее немецким народом, и с уважением относиться к отдельным талантливым его представителям.

Публикуя в «Колоколе» в порядке предреформенной дискуссии письмо защитника прусского способа осво-

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 413.
[2] «Колокол» № 7 от 1.I 1858 г.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 357.
[4] «Колокол» № 30/31 от 15.XII 1858 г.
[5] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 129.
[6] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. X, стр. 87—126.

бождения крестьян, Герцен в редакционном примечании говорит: «Помещая это письмо с искренним уважением к автору, мы считаем долгом уверить его, что у нас в мысли и не было бросить малейшую тень сомнения на великие заслуги Штейна и его сверстников. Но если автор взглянет на постепенное вырождение в Германии людей, подобных Штейну, на измельчание и гражданственности, и личности, и даже литературы — и на незыблемость бюрократического и казарменного склада Пруссии, склада, к несчастью, целиком перенесённого в правительственную Россию и глубоко отделившего её от настоящей России, — то, вероятно, нам будет прощено наше отвращение от прусской болезни, которое нисколько не мешает нам уважать германских деятелей» [1].

Но «томпаковые» немецкие «патриоты», задетые остротой герценовской критики, не хотели понимать этой положительной стороны отзывов «Колокола» и, перекладывая с больной головы на здоровую, обвиняли самого Герцена в воинственном национализме. В этих обвинениях они доходили до диких утверждений, что Герцен является глашатаем завоевательных стремлений царской России и сторонником того консервативного панславизма Погодина и иже с ним, который мечтал о создании единой всеславянской империи с петербургским царём во главе [2]. Среди этих обвинителей были даже лица, сохранявшие ещё некоторые политические настроения 1848 г. и к тому же лично хорошо знавшие Герцена, как Карл Блинд. Правда, последний не рисковал сильно задевать русского гиганта при жизни; но буквально через несколько дней после смерти Герцена, 9 февраля 1870 г., он поместил статью в «Freie Presse», где протестовал против признания Герцена борцом за «действительный гуманизм и свободу», считая его типичным представителем панславистского движения и, следовательно, «злейшим врагом Германии и всей европейской культуры» [3]. Было ли какое-

---

[1] «Колокол» № 70 от 1.V 1860 г.

[2] Статьи в «The Leader» от 22.IV 1854 г. и в «Morning Advertiser» от 24.IV 1854 г., появившиеся после опубликования Герценом писем к Линтону «Старый мир и Россия» (см. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, примечание Лемке, стр. 561—562).

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 562.

либо основание для подобных утверждений? Правда, Герцен не раз касался славянского вопроса, и «Колокол» во многих номерах подходил к его обсуждению. Но славянская проблема, так же как и вообще национальный вопрос, не занимала в журнале Герцена самодовлеющего места. Она обсуждалась лишь в связи с польским вопросом, имея *принципиальной* базой основные положения теории «русского» социализма».

В одной из своих статей 1864 г. социальное значение принципов славянской федерации Герцен прямо приравнивает к значению других принципов «русского» социализма»: «При словах *«союза федерации славян»* мы предвидим тот взрыв негодования и возгласов людей практических, наторелых дельцов, который встречал некогда наши слова «о праве на землю, об общинном владении»[1]. Свободный союз Польши и России Герцен ещё в 1859 г. считал необходимым началом «вольного соединения всех славян в *единое и раздельное Земское Дело*»[2].

Этому взгляду Герцен остался верен и через пять лет.

«Не видно ли из-за него (из-за польского вопроса. — *З. Б.*), — пишет Герцен в цитированной выше статье 1864 г., — целого ряда других вопросов, выдвигающих на первый план славянскую федерализацию, в которой сохранится народ польский и распустится империя всероссийская в равноправном *славянском совете?* Казённые патриоты кричат с ужасом о *сепаратизме*, они боятся за русскую империю, они чуют в освобождении частей от старой связи и в федеральном их соединении конец самодержавию»[3].

В 1867 г., незадолго до прекращения издания «Колокола», Герцен вновь говорит о славянском и общенациональном вопросе: «Двух мер у нас нет, наши убеждения не зависят ни от географической долготы и широты, ни от патриотической алчности и скопидомства, а потому-то мы так же братски приветствуем греков на Крите, как приветствовали в 1863 году поляков на Висле»[4].

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 408.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 463.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 408.
[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIX, стр. 259—260.

Уже одно такое освещение вопроса показывает, как далеко было решение Герценом славянской проблемы от её постановки царским правительством или монархически-консервативными кругами верхушки русского общества.

В «Колоколе» же ещё задолго до 1863 г. польский вопрос занял особое положение: под влиянием событий, происходящих в Польше, внимание к нему журнала Герцена возрастает. Уже с конца 1860 г. и начала 1861 г. увеличивается количество статей на польские темы и растёт число самых животрепещущих информаций из Польши [1], где репрессии царского правительства приобретают в это время новый характер. Не ограничиваясь отменой тех незначительных льгот, которые были даны Польше с началом нового царствования, и не удовлетворяясь подавлением всякого рода проявлений общественной жизни, местная администрация часто переходит к кровавым расправам. С августа 1861 г. применение вооружённой силы в Польше облегчается высочайшим утверждением положения Комитета министров о правилах на случай объявления каких-либо местностей Западных губерний на военном положении [2].

Ответные демонстрации польского населения вызывают новые репрессии. В результате политическая атмосфера на территории «Царства Польского» из месяца в месяц всё более накалялась.

«Колокол», внимательно следя за польскими делами, не ограничивается сочувственными информациями, ролью расположенного, но стороннего наблюдателя.

Наоборот, сильный верой в правоту и жизненность своих принципов, он становится активным участником развёртывающихся событий. «Колокол» обращается с дружеским сочувствием к полякам весной 1861 г. при известии о первых выстрелах в Варшаве. «Все эти грубые, насильственные соединения, — пишет в своей статье Герцен, — ведут не к единству, а увековечивают

---

[1] «Колокол» № 82 от 1.X 1860 г.; № 85 от 15.XI 1860 г.; № 87/88 от 15.XII 1860 г., а с № 94 от 15.III 1861 г. почти каждый номер «Колокола» говорит о польских делах.

[2] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 234, примечание Лемке.

ненависть... Поглощение Польши царской Россией — нелепость, насилие»[1]. В другой своей статье Герцен пишет, что расстрелы в Варшаве убили радость его праздника по случаю освобождения крестьян: «Праздник наш был мрачен. Я не знаю дня, в который бы разорванность давила беспощаднее и тяжелее, где бы плошки были так близки к слезам... Наша радость побледнела перед вестью о варшавских убийствах»[2].

Такая позиция авторитетного журнала была немедленно учтена деятелями польского движения как его активная поддержка.

Перепечатывая из «Колокола» по-польски статью Герцена «Mater dolorosa», польский орган «Przeglad Rzeczy Polskich» (от 22 мая 1861 г.) подчёркивает, что эта статья доказывает прекращение всякого разномыслия его с «Колоколом». Герцен получает целый ряд благодарственных адресов. Один из них — от польских эмигрантов, живущих во Франции, — прямо называет статьи Герцена в «Колоколе» подвигом: «Да будет благословен ваш подвиг, — подвиг святой и патриотический, ибо рабство, в которое ввергнута Польша, есть рабство, тяготеющее над самой Россией. Мы, с своей стороны, в 1831 г. начертали на наших знамёнах: «За нашу и вашу свободу». — «Vivat Polonia!» — таков с вашей стороны крик, исходящий из глубины вашего сердца.

Спасибо, М. Г., за эту благородную честь, оказанную принципу солидарности народов!»[3]

Показателем признания со стороны широкой общественности активного влияния «Колокола» на польские дела является получение редакцией денежных средств для польских эмигрантов и их организаций. Редакция принимает на себя эти поручения, и Герцен за своей подписью как редактор «Колокола» помещает в своём журнале информации[4], а в польский орган посылает отчёт[5].

---

[1] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 48, 49, «Колокол» № 91 от 15.III 1861 г.

[2] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 67, 69.

[3] Там же, стр. 114, примечание Лемке.

[4] См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 128, 164.

[5] См. там же, стр. 168.

Но, поддерживая своим участием и сочувственными статьями в «Колоколе» революционное настроение в Польше, Герцен не закрывал глаза на то, что лозунг, упомянутый польскими эмигрантами в адресе из Франции — «За нашу и вашу свободу»,— был понятен далеко не всем полякам, что в яром патриотизме многих из них скрывается опасность националистической заразы. Поэтому он ставит «Колоколу» вторую задачу — продолжать разъяснение идеи *двух* России: царской — консервативно-шовинистической, и народной — передовой, дружественной Польше и всем другим народностям Российской империи. В статьях «Колокола» постоянно подчёркивается, что: «Всё наше старание, все наши усилия идут к тому, чтоб *независимость* польского народа и *свободу* народа русского основать на совокупном, братском действии, против петербургского деспотизма. Первое, что для этого надобно, это — тесный союз, это взаимное доверие и уважение между людьми движения обеих стран» [1].

Герцен с удовлетворением отмечает отклики понимания этого принципа среди поляков (например, благожелательное к русским выступление эмигранта Беньевского на митинге в Лондоне [2]) и печатает направленную в польский орган «Przeglad Rzeczy Polskich» благодарность издателей «Колокола» всем полякам, дружески откликнувшимся на статьи журнала [3].

С той же целью сближения передовых борцов обеих наций Герцен тщательно фиксирует выражения сочувствия польскому делу в России (например, панихиды в Петербурге по варшавским жертвам [4]), а также концентрирует в редакции журнала документальные доказательства этого сочувствия.

Публикуя в «Колоколе» № 103 от 15 июля 1861 г. письмо «Русских женщин — женщинам польским», Герцен указывает: «Мы получаем письмо за письмом от русских офицеров и литераторов, от друзей и незнакомых, в которых нам говорят о сочувствии нашему

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 468.
[2] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 49—50
[3] См. там же, стр. 111.
[4] См. там же, стр. 60.

взгляду на польские дела. Наконец, на-днях пришло превосходное письмо *от имени русских жён, матерей и сестёр*. Они нас избирают «посредниками между ними и польскими женщинами». «Скажите им, — пишут они, — о наших чувствах и убеждениях, скажите им, что мы *так же, как и вы,* желаем полной и безусловной свободы и независимости Польши. И пусть наш слабый голос сольётся с печальным звоном вашего «Колокола» и, коснувшись сердца, совести и сочувствия всех русских жён, матерей и сестёр, дойдёт и до Польши» [1].

Ещё более значительны документы, свидетельствующие о начинающемся движении среди русских войск, находящихся в Польше. Помещаемые в «Колоколе» начиная с середины 1862 г. [2] материалы вскрывают ещё одну сторону дела. Сущность её в следующем.

Сложность общественно-политических отношений переживаемого момента выдвигала перед Герценом новые затруднения: он ясно видел, имея в тот период крепкие связи с передовыми кругами России, что там ещё не готовы силы для борьбы с царским правительством. В то же время он сознавал безнадёжность изолированного выступления Польши, без поддержки русской революции [3].

Отсюда возникает новая задача «Колокола» — удержать польских деятелей от преждевременного выступления.

Редакторы «Колокола» многократно обращались к польским деятелям с подобным советом начиная ещё с 1861 г., когда Огарёв в статье «Ответ на ответ «Великоруссу» горячо убеждал поляков не выступать отдельно от революционных сил России [4]. В своём письме И. Цверцякевичу от 28 октября 1862 г. [5] Герцен пытается в последний раз уговорить адресата как представителя активнейших кругов польского движения не начинать восстания,

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 160. Курсив мой. — *З. Б.*

[2] См. «Колокол» № 135 от 1.VI 1862 г.

[3] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 275.

[4] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 534—535.

[5] См. «Колокол» № 108 от 1.X 1861 г.

а употребить 2—3 года на его лучшую подготовку с учётом создания к тому времени сильного союзника в лице русской революционной организации, которой пока ещё нет.

Между тем близость восстания нарастала под влиянием политики царского правительства, прибегавшего без основания к вооружённой силе и тем возмущавшего польскую общественность. Поэтому редакция «Колокола» считает также своим особым долгом обратиться к русским войскам в Польше с призывом не поднимать оружия против поляков.

На первые же выстрелы в Варшаве «Колокол» немедленно откликается статьями Герцена, где он оценивает роль русских войск в Царстве Польском и говорит об их задачах там.

Статья «Vivat Polonia»[1] вся проникнута чувством восхищения решимостью русского офицера, отказавшегося стрелять в безоружных. «С бесконечною гордостью видим мы,— пишет Герцен,— что мы не ошиблись в уповании нашем на молодых офицеров. С гордостью видим, какой огромный успех сделало нравственное развитие (в России.— *З. Б.*) с 1831 и 1849 г.»

Напомнив затем русским воинам в Польше о своём обращении к ним ещё в 1854 г. с советом не поднимать оружия против справедливых требований Польши и «иметь *свою* волю», Герцен восклицает: «Гибнущие братья-искупители! тяжела ваша участь, но идите в арестантские роты, в крепости, казематы, на смерть — только не убивайте ни поляка, который хочет быть самим собой, ни крестьянина, требующего свободы»[2].

Это обращение к войскам было не только напечатано в «Колоколе», но и разослано в пакетах по почте войсковым частям Северо-Западного края[3], — такое значение придавал Герцен своевременной огласке и оценке смелого поступка русского офицера. В статье подчёрки-

---

[1] «Колокол» № 94 от 15.III 1861 г.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 47.

[3] Как установил Лемке на основании архива Министерства внутренних дел. См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 51, прим.

вается, что этот офицер, «отказавшийся исполнить преступный приказ, *спас честь России!*» [1]

Однако для широкой и систематической агитации в войсках, находящихся в Польше, Герцен не имел ещё всех необходимых условий. В отношении позиции польских деятелей у Герцена был ещё ряд сомнений. Только после того, как в конце сентября 1862 г. [2] в редакции «Колокола» было получено программное Обращение «Центрального народного польского комитета в Варшаве гг. издателям «Колокола», Герцен мог заявить: «Тяготившее нас сомнение разрешено. Мужественный открытый язык *варшавского Комитета* снял камень с нашей груди» [3].

Это обращение организации польской партии «красных» Герцен публикует в ближайшем же номере «Колокола» [4] с дружественным приветствием. В следующем номере, который начинается ответом «Центральному Польскому комитету в Варшаве», Герцен поясняет, что́ заставило издателей «Колокола» так оценить это обращение:

«Вы идёте от признания прав крестьян *на землю, обрабатываемую ими; Вы признаёте право всякого народа располагать своей судьбою.*

Это — наши основы, это наши догматы, наши знамёна» [5].

Вот теперь-то, когда влиятельная организация польских демократов официально заявила о поддержке основных принципов издателей «Колокола», журнал не медлит со своим обращением к русским офицерам в Польше и на их повторный вопрос, что же им делать в Польше, даёт ответ, который до сих пор вынужденно задерживался «целые месяцы» [6]. Этот повторный вопрос «от имени многих офицеров» был получен в редакции «Колокола» за подписью Андрея Потебни ещё в начале июня (датирован 7 июня 1862 г.) [7].

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 47.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 505.
[3] Там же, стр. 515.
[4] «Колокол» № 146 от 1.X 1862 г.
[5] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 508.
[6] Там же, стр. 514—515.
[7] Там же, стр. 363, примечание Лемке.

Теперь ответ «Колокола» не может ограничиться стороной негативной — указанием, чего не делать, т. е. не стрелять в поляков; теперь «надобно подумать,— пишет Герцен, — о том, *что делать*». А раз Комитет, «отвергая всякий характер *сословно-шляхетский,* завоевательный... прямо указал на *поземельное право* крестьян и на *самоправность* областей устроиться по их желанию, как на основные начала современного движения», то «на этом основании... земля крестьянам, самобытность областям... *и только на нём* может утвердиться деятельный союз ваш с польскими братьями» [1].

Однако ответ «Колокола» этим не ограничивается. Герцен ставит русским офицерам в Польше ещё другую задачу:

«Не распуститься в польском деле должны вы, а сохранить себя в нём для русского дела; польское восстание для вас случайность, вы её не вызывали, вам нельзя её отклонить... Помните это и старайтесь соединить общим планом польское движение с движением русским. Только от этой солидарности и можно ждать действительного успеха, только тогда вы можете требовать, чтобы поляки приостановились в своём движении. А это — *одна из первых* необходимостей: *преждевременный взрыв в Польше её не освободит, вас погубит и непременно остановит наше русское дело*» [2].

Эти слова особенно характерны для Герцена, который ни в одном ответственном выступлении не забывает интересов русского народа, интересов, понимаемых широко и защищаемых революционно смело на большой принципиальной высоте. Обращает на себя внимание и тот замечательный прогноз, который даёт здесь Герцен развивающемуся польскому движению и который обусловливает его дальнейшую тактику.

Теперь «Колокол» усиливает свои связи с русскими войсками в Польше, в результате чего появляются в ближайших же номерах два важных документа, полученных оттуда: первый — это адрес великому князю Константину Николаевичу от русских офицеров, стоявших в Польше [3],

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 514—515.
[2] Там же, стр. 506—517.
[3] «Колокол» № 148 от 22.X 1862 г.

второй — воззвание к «офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше»[1]. В адресе офицеры обращаются к великому князю с просьбой прекратить угнетение поляков, указывая, что в противном случае неизбежно восстание; и тогда офицеры не ручаются за свои части, так как не только среди офицеров, но и среди солдат возникает сознание несправедливости притеснений и расстрелов как поляков за их любовь к родине, так и русских крестьян (во внутренних губерниях) за то, что не поняли манифеста и «Положения 19 февраля 1861 г.»

Опубликование этого адреса в «Колоколе» вызвало большой переполох среди варшавского начальства. Вел. князь Константин лично обращается с речью к офицерам варшавского гарнизона, после чего там был составлен верноподданнический контр-адрес[2]. А заграничные агенты русского правительства распускают слухи в иностранной прессе о подложности адреса, напечатанного в «Колоколе»; отсюда это сообщение переходит в русские газеты. Вся эта кампания сопровождалась разнообразными слухами, распускаемыми устно. «Колокол» в этом инциденте продолжает принимать самое активное участие: в статьях Герцена опровергались измышления официальных кругов; действительность адреса, опубликованного в журнале, удостоверяется свидетельством руководителей «Колокола» о наличии в редакции «Колокола» подлинника, скреплённого многочисленными подписями и публикацией индивидуального и коллективного протеста[3]. Для ещё более широкого распространения подлинного текста адреса редакция «Колокола» перепечатывает его в «Общем Вече». Там же перепечатывается и второй документ из «Колокола» — воззвание к «Офицерам русских войск»[4]. Этот последний документ снабжён печатью Комитета офицеров с надписью «Земля и воля» и содержит призыв ко всем русским офицерам — «составлять ко-

---

[1] «Колокол» № 151 от 1.XII 1862 г.

[2] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 582.

[3] «Колокол» № 155 от 1.II 1863 г.

[4] Помимо публикации в «Колоколе» и в «Общем Вече» (№ 7 от 15.XII 1862 г.) это обращение было издано отдельным портативным листком.

митеты, подобные нашему», удерживать солдат от стрельбы по народу, так как проведённые и подготовляемые реформы не удовлетворяют назревшим запросам. Комитет офицеров утверждает, что «созвать Земский Собор правительство никогда не захочет... Россия скоро придёт в такое же волнение (как Польша.— *З. Б.*). Неурядица грозит дикой резнёй и страшным кровопролитием. Кто же спасёт Россию? — Войско!» [1]

Распространение этого документа редакторы «Колокола», повидимому, считают ещё более нужным, поскольку в нём высказано уже давно ими пропагандируемое положение о роли армии как необходимого элемента всего революционного движения в России [2].

Редакторы «Колокола» не прекращают агитации среди войск и тогда, когда польское восстание уже началось.

С началом восстания удельный вес польского вопроса в «Колоколе» ещё более поднимается. Начиная с февраля 1863 г. целые номера журнала почти сплошь отводятся событиям в Польше. Статьи Герцена об этих событиях подобно его статьям 1861 г., написанным по поводу «Бездненского дела» и других крестьянских «усмирений», достигают исключительного подъёма.

Обращения к войскам исполнены глубокого волнения. «Друзья, братья, русские воины,— пишет Герцен при известии о рекрутском наборе,— примите новых товарищей с распростёртыми объятиями, покажите им, что русский народ добрее, лучше русского правительства... расскажите им о вашей горькой доле, о двадцатилетней лямке, о голоде, о воровстве начальства, о том, как вас наказывали и как вами наказывали крестьян...

А главное — *полюбите* их, остальное всё само сделается» [3].

Нужно отметить, что, прочтя эту «Братскую просьбу к русским воинам», И. С. Тургенев немедленно отозвался. «Твоё послание к Русским солдатам в последнем

---

[1] «Колокол» № 151 от 1.XII 1862 г.

[2] Ещё в статье «Ответ на ответ «Великорусса» («Колокол» № 108 от 1.X 1861 г.) Огарёв писал: «Без войска вы долго ничего не сделаете».

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 32—33.

Колоколе меня прослезило» [1], — пишет он Герцену 12 февраля 1863 г.

Но если в 1861—1862 гг. агитация «Колокола» среди войск являлась попыткой *предотвратить* кровопролитие в Польше, то теперь это было желание как можно более *сократить* его, не отрекаясь от достижения целей, поставленных восстанием.

Стремясь сделать свою агитацию ещё более действенной, руководители «Колокола» не ограничиваются публикацией в «Колоколе» агитационных статей: они принимают участие в составлении отдельных воззваний, которые печатаются на континенте в Бернской типографии. Это, естественно, делало менее сложной пересылку листов в Польшу.

Личное пребывание в Лондоне создавало тогда для редакторов «Колокола» одно преимущество, важное для данного момента: живя в этом средоточии всеевропейской эмиграции, они были хорошо ориентированы в сложностях политической жизни Европы. Герцен ясно учитывал международную конъюнктуру и потому был уверен, что ни одно европейское государство, ни одно правительство не поднимет оружия в защиту Польши. Эту мысль он высказывает в первом же отклике «Колокола» на вспыхнувшее уже восстание.

«Что-то сделает Европа? Она не допустит? Допустит ли она ещё раз? — спрашивает Герцен в статье «Resurrexit» и с уверенностью отвечает: — Допустит.

Она устами другого монарха (Наполеона III.— *З. Б.*) обеспечит, что «национальность польская не погибнет», и успокоит народные сочувствия известием с трибуны, что «порядок царствует в Варшаве».

В Англии будут ненужные, бессильные, но очень великодушные митинги, и одна Германия примет искреннее участие своей радостью, что славяне, во всяком случае, будут бить славян» [2].

Вскоре Герцен, возвращаясь к этой же мысли, пишет,

---

[1] «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 179.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 27.

что Европа в 1863 г. осталась та же, что и в 1831 г.[1] В то же время Герцен имел полное основание констатировать наличие большого сочувствия полякам со стороны европейской общественности, со стороны народов Европы[2]. Он с гневом и глубокой скорбью обращается к офицерам — участникам подавления восстания: «...кому вы нанесли страшный удар? Польше? Нет, она снова высоко поднялась в глазах всех народов. России нанесли вы его! Имя русское вы сделали снова ненавистным, как при Николае, ненавистным от одного края земного шара до другого»[3].

Но Герцен всё же надеется, что находящиеся в Польше войска своим противодействием приказам из Петербурга ещё могут ослабить позор учинённой ими расправы. Он стремится содействовать этому. «Великий брат,— на помощь! Скажите слово цивилизации», — обращается тогда Герцен к Виктору Гюго. Ответ французского писателя с приложением воззвания к солдатам показывает, что изгнанник наполеоновской Франции ясно понял сложившуюся ситуацию[4]. Воззвание его, помещённое в ближайшем номере «Колокола»[5], заканчивается призывом: «Воины русские, вдохновитесь поляками, не сражайтесь с ними. Перед вами в Польше не неприятель, а *пример*».

Но сознание недостаточной подготовленности в войсках, а отсюда и преждевременности восстания не покидает Герцена: «Туча, которую мы указывали месяцы, разразилась... Большое несчастие, что польское восстание пришло рано; многие, и мы в том числе, делали всё нашим слабым силам возможное, чтобы задержать его...»[6] Так Герцен говорит в «Колоколе»; а в письме к Огарёву тогда же он с волнением пишет: «От Миловича письмо. До сих пор, пишет он, ни одного русского солдата не перешло, ни один офицер не отказался от команды против поляк[ов]. Меня обдаёт ужасом: это хуже расстрелива-

---

1 *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 107.
2 См. там же, стр. 47.
3 Там же.
4 Там же, стр. 64.
5 «Колокол» № 156 от 15.II 1863 г.
6 *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 27.

ния... Хм[елинский Игнатий], прощаясь, мне сказал: «Пот[ебня], да Пот[ебня] превосходнейший человек, — да кроме-то его кто?» [1]

Поскольку у руководителей демократической группы повстанцев, какими являлись Милович [2], Хмелинский, сложилось мнение, что организатор движения среди русских офицеров в Польше, Андрей Потебня, оставался пока что единственным сторонником повстанцев, то естественно, что в их широких кругах держался взгляд на русские войска, как на действительного врага; отсюда — жестокость форм борьбы и успех агитации шовинистических польских кругов.

Герцен с грустью сознавал закономерность этих явлений и поэтому не хотел муссировать тактические ошибки повстанцев в начале восстания (например, нападение на спящих русских солдат) [3]. Он старается объяснить причины этих ошибок, оправдать их. «Тот, кто сколько-нибудь знает, что такое восстание,— восстание в двадцати пунктах, без сосредоточенности, без плана, без правильного ведения, тот поймёт легко, какие несчастные случаи могут совершиться» [4].

Между тем самый ход восстания приводит Герцена к новым печальным выводам: усиление аристократической партии «белых» и компромисс, на который соглашаются демократы, ставят для Герцена под сомнение реальность тех принципов, которые декларировал Центральный народный польский варшавский комитет и которые были опубликованы в «Колоколе» [5]. И тогда ещё, во время переговоров 1862 г. с представителями Центрального народного варшавского комитета, у Герцена не было полной веры в твёрдость их решения, как он сам рассказывает в

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 42.

[2] Милович был одним из трёх делегатов Центрального народного варшавского комитета к редактору «Колокола».

[3] По этому поводу в письме к Огарёву от 15.II 1863 г. Герцен пишет: «...я совершенно был против твоего мнения, что о глупой и отвратительной кондуите их следовало печатать» *(А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 68).

[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 111.

[5] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 503—505.

«Былом и Думах» [1]. Теперь же, казалось, исчезали последние шансы на совместную деятельность.

Но в начале 1863 г. был момент, когда скорбь Герцена сменилась надеждой на одновременное с Польшей восстание в России. Как мы видели, редакторы «Колокола» разделяли расчёт русских революционеров на подъём крестьянского движения в связи с окончательным сроком подписания Уставных грамот.

Деятельность общества «Земля и воля» ещё была на подъёме. В письме от 27 марта 1863 г. Герцен обнадёживает В. И. Касаткина: «Революция не только не погасла, но увеличилась... и наши труды не пропадут даром». Поручая Касаткину усилить выпуск продукции Бернской типографии и распространение «Колокола», Герцен заканчивает так: «Старайтесь пользоваться и поддерживать польскую революцию, чтобы, в свою очередь, они нас поддержали. С весною это примет настоящие размеры» [2].

Однако «с весною» 1863 г. действительность не оправдала предположений Герцена: в России — «освобождаемые» крестьяне, истощив в разобщённых, неорганизованных восстаниях 1861—1862 гг. все свои силы, не могли оказать какое-либо значительное сопротивление властям. Подчиняясь силе, они принимают Уставные грамоты.

В Польше помещичьи тенденции повстанческого правительства сводят на-нет земельную реформу, и отряды инсургентов, теряя всё более и более органическую связь с интересами народных масс, в значительной степени теряют и силу своей сопротивляемости царским войскам.

Эти факты доходят до редакции «Колокола» к концу апреля, когда его руководителям была уже известна трагическая гибель Андрея Потебни, убитого на стороне поляков. Смерть этого выдающегося организатора подрывала надежду на дальнейший успех агитации в войсках, действующих в Польше. И статья Герцена «Первое мая» о расправах с повстанцами вскрывает то глубоко смятенное настроение, которое вызывал у него ход польских событий: «...а тут сердце ломится на-двое под бременем

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 422—441.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 149—150.

любви к жертве и палачу», — восклицает он, сожалея и о неудаче польского восстания, и о темноте русских солдатских масс, способствовавших этой неудаче.

Но сознание величия всего *«русского дела»*, которое стоит на очереди, заставляет руководителей журнала с новой энергией собирать силы на борьбу с царизмом в России.

Этим настроением проникнута статья Огарёва «Надгробное слово», которой откликнулся «Колокол» на известие о смерти Потебни. В тяжёлый момент гибели стольких надежд и ожиданий автор статьи с верой в конечный успех твёрдо звал вперёд. «Друзья юноши! — пишет Огарёв. — Великая скорбь и великое упование нудят меня поговорить с вами. Надгробным словом хочу звать вас к усиленному труду на постройку новой жизни. Память Потебни — ничем лучше не могу почтить. Он погиб ради этой новой жизни... Потебня убит... за дело *чужое* по многой розне в постановке общественных вопросов — но *своё*, потому что оно дело свободы... Друзья! Отслужите по нём такую панихиду, которая его достойна. Дайте друг другу слово продолжать его дело... Дело земли и воли русского народа придётся подготовить ещё не один день...» И далее Огарёв развивает широкую программу революционной деятельности разночинной молодёжи на местах среди народа. Она должна быть устремлена к одной цели — борьбе за «Земский Собор», который «должен быть взят» в противоположность «конституции, которая может быть дана»[1].

Эти мысли, так горячо высказанные здесь Огарёвым, вполне разделялись Герценом[2] и легли в основу всей дальнейшей деятельности редакторов «Колокола». Герцен и Огарёв ставили перед русскими революционерами-демократами задачу *продолжать борьбу* за освобождение России от гнёта царизма, несмотря на всю тяжесть условий, и *собирать для неё молодые силы*, не надеясь на *скорый* успех именно вследствие сложности общественно-исторических условий в России.

---

[1] «Колокол» № 162 от I.V 1863 г.

[2] 2 мая 1863 г. Герцен писал старшей дочери: «В последнем «Колоколе» превосходная статья Ага (—Огарёва) о смерти нашего Потебни» *(А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 243).

Глава IV

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ИЗДАНИЯ «КОЛОКОЛА» (1864—1867)

1. ОЦЕНКА «КОЛОКОЛОМ» ОБСТАНОВКИ, СЛОЖИВШЕЙСЯ ПОСЛЕ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕДАКЦИИ С БАКУНИНЫМ

В декабрьском номере «Колокола» 1863 г., где помещено извещение о продолжении издания журнала в 1864 г. «на тех же основаниях, как и в прошлые годы», в небольшой заметке в «Смеси» встречается как бы мельком брошенное замечание Герцена: «Какой страшный пробный камень этот 1863 г.»

В 1863 г. проверялась не только гражданская твёрдость русских либеральствующих администраторов (о чём непосредственно говорит содержание заметки) — проверялась и незыблемость принципов «Колокола», и прочность связи его с прежними единомышленниками. Герцен писал: «Один период нашей заграничной деятельности явным образом пришёл к своему рубежу. На его-то пределе, вступая в грозное и чёрное время, хорошо было бы приостановиться и проверить себя, сказать ещё раз, кто мы» [1]. О том, что редакторы «Колокола» сохранили при этом верность ранее поставленным задачам, говорит та же статья: «Ошибались ли мы или нет, не знаем, но знаем, что любовь наша равно не изменила ни родным, ни друзьям, что мысль наша ни на волос не отошла от тех оснований, на которых мы жили нашу жизнь, во имя которых говорилось каждое слово наше» [2].

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 426.
[2] Там же.

Наступление «грозного, чёрного времени», о котором говорит Герцен, не явилось для него неожиданностью; ещё в феврале 1863 г., вглядываясь в развёртывающиеся в Польше события, Герцен в письме к Огарёву даёт даже более мрачный прогноз: «Если инсургенция будет подавлена без малейшего участия в России и вся литература будет ругать Польшу... да и крестьяне пропустят желанный день, то не пора ли и нам в отставку».

Теперь, к концу года, стало ясно, что надежды на успешное народное движение ни в России, ни в Польше не оправдались. Но Герцен, пессимистически оценивая общую обстановку, не считает возможным всё же прервать издание. «Положение трудное, — пишет он 25 июля 1863 г. дочерям и Мейзенбуг, — но как-нибудь перейдём и его. Что истина на нашей стороне, я не сомневаюсь, что à la longue она победит, если не совсем, то в главном» [1]. С этим сознанием правильности своего дела, но также и необходимости для его успеха *продолжать работу,* и продолжать à la longue, определяет Герцен новый период в жизни «Колокола»: «...мы *в немилости* не только у Зимнего дворца, но и у большинства читающей России. Мы привыкли к опале, мы всегда были в меньшинстве... но до сих пор нас гнала власть, теперь к ней присоединился хор... Мы признаёмся откровенно, что решительно не боимся оставаться в меньшинстве... мы не отойдём и не замолчим: в русском деле нам недостаточно сознания своей правоты, мы хотим участия в нём. Оно развивается уродливо, безумно, преступно, *но идёт своим чередом»* [2].

В статье «Post scriptum» Герцен уточняет, в чём же состоят те безумно тяжёлые условия, в которых теперь развивается русское дело. «Десять лет тому назад Россия молчала, и перед нами стоял один враг — правительство. Оно не имело защитников в литературе и яростных партизан в обществе» [3]. Напомнив далее, как исчезала либеральная окраска журналистики и дворянского большинства под влиянием петербургских пожаров и в особенно-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 402.
[2] Там же, стр. 473—474.
[3] Там же, стр. 477.

сти польского восстания, Герцен говорит: «И вот перед нами вместо одного Николая, трое врагов: правительство, журналистика и дворянство — Государь, Катков и Собакевич» [1].

Такой вывод делает «Колокол» из тех фактов, которые в течение нескольких месяцев он собирал и выставлял на показ как страшный симптом растущего шовинизма в либеральных и реакционных кругах.

Чтобы писать об этом шовинистическом угаре, который тогда так быстро расползался вширь и вглубь по стране, «Колоколу» не надо было даже ждать специальных корреспонденций, — материал в изобилии находился в русских и иностранных газетах. Конечно, неофициальные сведения и тут приходились кстати, помогая журналу вскрыть ту или иную закулисную деталь, что сразу же разрушало официальную маскировку. Как, например, убийственна была для верноподданнического концерта публикация формы-трафарета для подачи адреса с излияниями чувств преданности престолу, которую для образца рассылали по губерниям из министерства Валуева. Даже одно только умелое сопоставление фактов («победоносное» действие царских войск в Польше, разнообразные «адреса» по этому поводу, обеды и тосты в честь Муравьёва-Вешателя) с кратко-выразительными герценовскими комментариями делали из этих номеров «Колокола» сильное орудие революционной борьбы за свободу России и независимость Польши. А так как редакция «Колокола» не ограничивалась такими информациями, давая кроме них ещё специальные статьи с горячей оценкой и пространным анализом происходящего, то естественно, что против журнала Герцена поднимается бешеная травля.

«В России всё против нас», — пишет Герцен дочерям и Мейзенбуг 17 июля 1863 г., когда даже аксаковский «День» вместе с продажной и рептильной прессой бросил «Колоколу» обвинение в измене.

Новая поднявшаяся против него кампания злобы и клеветы не останавливает Герцена в издании журнала. И «Колокол» продолжает настойчиво защищать свои

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 480.

позиции. Одна из последних статей «Колокола» по польскому вопросу — «Протест» — является образцом гражданской твёрдости и революционной смелости его редактора. «Десять раз клали мы перо, чтобы притти в себя, чтобы подавить горе и негодование, — говорит здесь Герцен.—Слишком много ужаса и позора! Кровь пьянит *их*... *они* глумятся, *они* обругивают идущих на смерть... — и всё это русские, грамотные, *воспитанные*, пищущие в журналах! В нашей литературе ничего подобного не было... Что делается в народе, мы не знаем. Проделка адресов ничего не значит. Но зато знаем, что *общество,* что дворянство, вчерашние крепостники, либералы, литераторы, учёные и даже ученики повально заражены... Как далеко пошёл яд, Москва доказала по-своему, стерлядями. Тост Муравьёву — историческое событие... Перед таким падением молчать нельзя; надобно, чтобы честное меньшинство заявило свое veto, свой протест, чтобы оно заявило свой разрыв с обществом, потерявшим голову и сердце... Если никто не сделает этого протеста, мы одни будем протестовать... На голос человеческого негодования никакого права не надобно, тут нет ни ценза, ни табели о рангах... Если наш вызов не найдёт сочувствия... *мы остаёмся одни с нашим протестом,* но не оставим его... чтоб было свидетельство, что... были же люди, которые чувствовали в себе силу отречься от гниющей империи во имя будущей, нарождающейся России, имели силу подвергнуться обвинению в измене во имя любви к народу русскому» [1].

Здесь снова со страниц «Колокола» звучит зрело обдуманное и твёрдо принятое решение: собирать и беречь все живые силы против главного врага русского народа — царизма, против «гниющей империи».

Возрастающая сложность общественно-политических отношений во время польского восстания лишь усиливает значимость этого решения. Правда, опасность военной коалиции против России не казалась Герцену вполне реальной; он был достаточно осведомлён, как указывалось выше, о состоянии различных европейских прави-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 403—406.

тельств и их взаимоотношениях, чтобы понимать невыгодность для них войны с Россией. Об этом он не раз говорит в своём журнале. Однако в моменты усиления дипломатической переписки, когда пересылаемые «ноты» сгущают международную политическую атмосферу, мысль о возможности военного столкновения появляется у Герцена, и он делится ею с близкими: «Опять потянуло войной... Это постоянное состояние тревожного ожидания морит душу, не даёт времени ни на работу, ни на покой»[1].

Так говорит Герцен в письме к дочери в конце июня 1863 г. Но, несмотря на эту душевную тревогу, Герцен находит в себе силу в самое же ближайшее время выступить с цитированной выше статьёй «Протест» (её окончание помечено 15 июля 1863 г.), «имеет силу подвергнуться обвинению в измене во имя любви к народу русскому». Эта мысль Герцена достаточно ясна и определённа. Значит, даже допуская условно возможность военной опасности, он призывает и теперь не оказывать никакой поддержки царскому правительству, действующему во вред русскому народу. Значит, Герцен считает, что для поступательного развития России в интересах народа (т. е. «во имя любви к народу русскому») временная внешняя военная неудача менее опасна, чем внутренняя поддержка царизма.

Эта позиция приводит редакцию «Колокола» осенью 1863 г. к окончательному разрыву с либералами, которые в недалёком прошлом были верными читателями и корреспондентами герценовского журнала. Зародившись в классово различном понимании крестьянской реформы, трещина в их отношениях росла прямо пропорционально падению силы первого демократического подъёма в России и укреплению революционно-демократических тенденций «Колокола»; польский вопрос стал между ними непроходимой гранью. Либералы ещё летом 1861 г. поняли, насколько классово враждебна им позиция «Колокола», выступившего в защиту крестьянского движения. С этого времени они начинают относиться настороженно и к другим вопросам в трактовке герценовского журнала.

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 369.

Критика «Колоколом» эксцессов политики царизма теперь много теряет в их глазах. А когда правительственная агитация прикрывает приёмы «усмирения» Польши лозунгом борьбы с внешней опасностью, герценовское решение польского вопроса резко отвергается либералами. Они боятся, в сущности, того, что если они лишат своей поддержки царское правительство, то в случае военной неудачи в стране назреет необходимость более радикальной общественной перестройки, чем те угодные им половинчатые реформы, которые были проведены после севастопольского поражения. Маскируется же этот страх декламациями об опасности вражеского нашествия. Правда, среди линяющих либералов были и такие, которые в порыве наивного патриотизма принимали эту агитацию за чистую монету.

Хотя позицию «Колокола» не поколебал ни один из указанных им в статье «Post scriptum» трёх врагов (правительство, журналистика и дворянство), но среди этого озлобленного хора Герцен выделяет аксаковский «День». На пространные статьи самого издателя этой газеты (писавшего сперва под псевдонимом Касьянова) Герцен трижды отвечает в «Колоколе»[1]. Герцен мотивирует такое исключение. Во-первых, он подчёркивает искренность своего оппонента. Аксаков — не продажное перо. «...Вы, если и *на патриотизме,* то всё же не на службе, — говорит он, — и я чрезвычайно рад поговорить с партикулярным соотечественником»[2]. Во-вторых, Аксаков, резко порицая направление «Колокола», как бы изолирует Герцена: он выделяет его лично и выражает надежду, что он раскается в своих заблуждениях, возникших при стороннем влиянии. Наконец, в-третьих, — и это особенно побуждает Герцена к ответу — Аксаков обрушивается на Бакунина, обвиняет в измене России и приписывает исключительно его влиянию перемену, которая так возмущает Аксакова в «Колоколе».

В своём ответе Герцен достаточно мягко, щадя Акса-

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 375, 384, 420.

[2] Там же, стр. 384.

кова, но всё же очень решительно опровергает его домыслы: «Теперь нас называют изменниками... людишки, никогда не знавшие, что такое боль по народной боли, клеветавшие на нашего крестьянина, чтобы оправдать своё безучастие, своё эстетическое far niente и эпикурейское дегустаторство жизни, людишки, таскавшиеся годы из угла в угол Европы, не зная, что делается в России, когда мы рвались страстью и мыслью домой и следили с лихорадкой за каждой подробностью крестьянского дела... и эти-то людишки, туда же, отвернулись от нас с патриотическим негодованием... Нет, не ждите моего раскаяния... Мы не можем изменить нашему воззрению, это сильнее нас, да и не хотим вовсе. Пусть всё идёт прочь... Пусть, читая напамять свежие уроки своих профессоров рабства, идёт прочь часть молодого поколения. Жаль его, но мы знаем, как его воспитали нравственные кастраты, испугавшиеся *слишком большой воли,* захватившей их после смерти Николая, трусы, торопившиеся подтянуть паруса, чтобы избегнуть бурь и кораблекрушений в корыте... Мы останемся в смиренной грусти ждать другого прилива... Придёт он или нет... мы всё же не изменим ни истине, ни русскому народу... и, если не можем ничем другим ему быть полезными, то будем полезны тем, что искупим его и вас в глазах грядущих поколений, свидетельствуя, что были же трезвые люди, когда вы все опьянели на царской попойке от страха перед Европой и от дешёвой поддельной «валуевки»[1]. В том же ответе Герцен защищает Бакунина, доказывая, что ряд фактов дошёл до Аксакова в искажённом виде.

Но имел ли Аксаков действительно какое-либо основание считать серьёзным влияние Бакунина на Герцена и представлять его участие во всей деятельности Герцена значительным?

Надо отметить, что Аксаков в этом своём убеждении не был одинок. Мнение, что Герцен, его издательство и в особенности «Колокол» целиком подпали под влияние Бакунина, приехавшего в конце 1861 г. в Лондон, и резко

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 391—392.

изменили поэтому своё направление, часто высказывается с 1862 г. правевшими либералами, именно бывшими друзьями и почитателями «Колокола». Исконных врагов «Колокола» и лично Герцена, как Катков, Павлов, барон Фиркс (он же Шедо-Ферроти), это мало занимает,— они без различия бранят всех трёх лондонских эмигрантов, обвиняя их во всех смертных грехах, укоряя в тех поступках, которые противоречат их (т. е. врагов) убеждениям.

Но и Тургенев в письме к Герцену от 3 декабря 1862 г. указывает на участие Бакунина в «Колоколе» как на одну из основных причин перемены журнала в худшую, по его мнению, сторону: «Колокол», напечатавший без протеста ½ манифеста Бакунина [1]... уже не Герценовский, не прежний «Колокол», как его понимала и любила Россия» [2].

Письмо Ю. Самарина от 3 августа 1864 г., где он резко укоряет Герцена за новое радикальное направление, прямо заканчивается ссылкой на указанные статьи Аксакова. «Как Аксаков, — пишет он, — я не могу расстаться с мыслью, что рано или поздно вы должны одуматься» [3]. А такой примерный собиратель ходячих мнений современников, как П. Д. Боборыкин, вспоминает в своих мемуарах: «Бакунин... бежал... в Лондон, где состоял несколько лет при Герцене и в известной степени влиял на него, в особенности в вопросе о польском восстании» [4].

Мнение это переходит и за границу. Лемке обращает внимание на следующие слова писателя Юл. Экгардта: «Влияние его (Бакунина) на «Колокол», в редак-

---

[1] «Манифестом Бакунина» Тургенев называет статью Бакунина, помещённую в прибавочном листе к № 122/123 «Колокола» от 15.II 1862 г. под заглавием «Русским, польским и всем славянским друзьям». Показывая в ней слабость официальной императорской России, Бакунин призывает «людей живой мысли и доброй воли» создать общество для борьбы за «пришествие народного царства». Это общество должно «подать братскую руку всем славянам, но прежде всего — полякам для общей борьбы за «холопскую», а не «панскую» Польшу.

[2] «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 176.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 327.

[4] *П. Д. Боборыкин,* За полвека, стр. 323.

цию которого он вступил полноправным членом, было в высшей степени неблаготворно. Именно участию Бакунина в этом органе, основанном Герценом, следует приписать то обстоятельство, что из журнала не радикального... «Колокол» превратился в чисто революционный листок... Чем неудержимее и упорнее делалось влияние Бакунина на направление сообща редактируемого листка, тем решительнее последний становился на точку зрения чистого нигилизма, тем быстрее падали его влияние и власть» [1].

Не ставя себе задачей осветить в полном объёме всю сложность отношений Герцена и Бакунина, здесь существенно для понимания всех стадий жизни «Колокола» выяснить два вопроса, непосредственно связывающих имя Бакунина с «Колоколом»: во-первых, оказывал ли Бакунин на направление «Колокола» значительное влияние и, во-вторых, был ли он членом редакции «Колокола».

С первого же упоминания имени Бакунина на страницах «Колокола», в связи с его побегом из сибирской ссылки, у читателя создаётся впечатление о его исключительной близости к редакции журнала. Герцен восторженно его приветствует. Самое место в «Колоколе», которое отводится почти всем сообщениям о Бакунине (на первой странице, впереди всех других материалов номера), подчёркивает значение, которое придаёт этим сообщениям редакция. После эмоциональной заметки в «Колоколе» [2] «Бакунин свободен» Герцен уже в первом, январском номере 1862 г. спешно извещает: «Бакунин приехал 27 декабря в Лондон» [3]. А в следующем листе [4] помещает статью «М. А. Бакунин», вдохновенно повествующую о всех перипетиях его прошлой революционной деятельности, окружая его ореолом мученичества за убеждения. Январская статья Герцена заканчивается словами: «Бакунин и мы, — агенты *русского народа,* мы работаем для него, ему принадлежат наши силы, наша вера и никакому народу, разве его» [5]. А в № 122/123 от 15 фев-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 573.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 346.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 11.
[4] Там же, стр. 17—21.
[5] Там же, стр. 20.

раля 1862 г., в прибавлении к которому дано обращение Бакунина «Русским, польским и всем славянским друзьям», читаем такое заявление Герцена как редактора «Колокола»: «Мы печатаем в прибавочном листе *первую* статью Бакунина. «Колоколу» по праву принадлежит его слово, молчавшее так долго и не утратившее своей крепости и энергии ни в казематах, ни в снежных пустынях» [1]. Таким образом, Герцен не только поднимает Бакунина на щит, но и как бы солидаризируется с ним, увязывая дальнейшую деятельность редакции «Колокола» с возобновлением революционной деятельности Бакунина.

Нет сомнения, что Герцен здесь был вполне искренен, так как в это же самое время он лично проявляет так много внимания и заботы о Бакунине. Из писем этого периода видно, что Герцен не только сам оказывает большую материальную поддержку Бакунину, но и организует при содействии И. С. Тургенева в его пользу денежный сбор среди старых московских товарищей. На это дело откликнулся даже В. П. Боткин, а сам Тургенев берёт на себя обязательство, как и Герцен, выдавать Бакунину ежегодную субсидию до тех пор, пока не укрепится его материальное положение. Для Тургенева это была лишь дань дружбе юношеских дней. А для Герцена? Верность старым дружеским связям была у него всегда очень сильна. Это постоянно сказывалось в его отношении и к славянофилам. Герцен и сам это признаёт в одном из позднейших номеров «Колокола» по поводу письма к нему, опубликованного Ив. Аксаковым: «Если бы эти строки... писал кто-нибудь, а не И. С. Аксаков, я жёстко отвечал бы на них. Но у меня есть какая-то неискореняемая память сердца и, в силу её, уважение к прошедшему, с которым связаны дорогие воспоминания, и к лицам, соприкасавшимся с ним» [2].

Если это «уважение к прошлому» проявлялось Герценом по отношению к лицам, ставшим его противниками, то в отношении Бакунина оно усиливалось ещё признанием и единства политических целей и тяжести кары, понесённой Бакуниным как революционным бор-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 65.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIX, стр. 269.

цом. Известно свидетельство доктора Белоголового, убедительно доказавшего Герцену во время своего пребывания в Лондоне в начале 1861 г. неправильность позиции Бакунина в деле иркутской дуэли. «Мало того, что с Бакуниным меня связывает старинная дружба, — ответил ему Герцен, — я никогда не могу и даже не должен забывать, что этот человек всю свою жизнь борется за человеческую свободу. ...У меня решительно не поднялась бы рука напечатать что-нибудь против него... Правда — мне мать, — закончил Герцен, — но и Бакунин — мне Бакунин» [1].

Однако вскоре после приезда Бакунина в Лондон Герценом овладевает разочарование. Сперва это лишь дружеское недовольство самым строем жизни бывшего товарища, его отношением к работе. Уже 12 февраля 1862 г. Герцен пишет Тургеневу: «...насчёт Бакунина: будь осторожен; это то же неряшество, Bettina will schlafen... Bettina kann kein Geld zahlen и пр. ...в 50 лет! ...я считаю, что русские должны ему собирать на прожитие, но не больше; ex gr., 3 500 фр.» [2]

Через месяц Герцен снова информирует Тургенева о Бакунине: «А деньги уже выходят. Работает он мало. Ему со всех сторон предложения, а он ни тпру, ни ну» [3].

Конечно, подобное недовольство, создавая некоторую личную размолвку, не имело большого значения, и Герцен в то же время горячо защищает Бакунина от клеветы, распускаемой по его адресу. Он пишет протест редактору «The Frei Presse» Уркхарту; Герцен сообщает ему, что он приготовил об этом же статью и для «Колокола» под заглавием «Ultimatum» [4]. Статья эта была помещена в № 133 от 15 мая 1862 г. с выразительной пометкой «деловых бумаг»: par procuration («по полномочию»). Тон в этом «Ультиматуме» более резок, чем в предыдущем протесте.

«*Мы* протестовали, — пишет Герцен, — так, как протестовали в 1848 и 1854 гг. *Они* продолжают нести свою

---

[1] *П. А. Белоголовый,* Воспоминания, М. 1897, стр. 627.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 53—54.
[3] Там же, стр. 78.
[4] Там же.

галиматью. Наконец, это надоело. Впредь ни за себя, ни за друзей *мы вступаться не будем*! Истина этим людям равнодушна...

Твёрдые нашей чистотой,
Твёрдые святостью нашего дела,
Твёрдые верой в нас, русских,
Мы, молча, будем *вас презирать*» [1].

Таким образом, в этих двух публичных выступлениях настолько подчёркивалась солидарность редакторов «Колокола» с Бакуниным, что полная близость его к редакции журнала могла быть принята вне сомнения широкой общественностью. Однако внутри редакции дело было совсем не так гладко. Можно думать, что уже в первые месяцы по приезде Бакунина начались принципиальные разногласия между ним и его лондонскими друзьями. В письме Герцена к Огарёвой от 1 июня 1862 г. читаем: «С Бакуниным всё нелады; объясняется беспрестанно, — опять-таки скучно» [2].

Характер этих, повидимому весьма нудных, объяснений Бакунина обнаруживается и в его переписке. Рекомендуя Герцену одного поляка, Бакунин пишет в середине июня 1862 г.: «...несмотря на твоё высокомерное, систематическое, в ленивую привычку у тебя обратившееся презрение к моим рекомендациям, считаю, однако, на сей раз обязанностью победить своё отвращение и рекомендовать тебе». «Виноват, Герцен. Прошу тебя, не сердись, — пишет он в следующем же письме. — По врождённой неловкости, с языка сорвалось жёсткое слово, когда в сердце не было жёсткого чувства... я тебя ставлю во всех отношениях гораздо выше себя, по способности и знанию, и... для меня твоё мнение во всяком деле очень важно... хоть бы и существовала между нами второстепенная случайная рознь» [3].

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 130—131.

[2] Там же, стр. 194.

[3] «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огарёву», Спб. 1906, стр. 196—197.

В другом письме эта рознь с редакторами «Колокола» была более точно определена Бакуниным: «В целях — мы, кажется, совершенно согласны, расходимся только, может быть, в путях и средствах».

Попытки найти положительный modus vivendi делаются с обеих сторон; и в середине 1862 г. Бакунин пишет: «Вы правы, друзья, — «*Дружеское* и *союзное возле*». — Вот то отношение, в котором я должен стоять к вам» [1]. Однако совместная работа не налаживается, и Герцен с этой стороны резко отзывается о Бакунине. В письме к Тургеневу от 22 ноября 1862 г. он, защищая Огарёва, говорит: «Почему его (Огарёва) добросовестный труд ты ставишь на одну доску с fatras (пустословием) бакунинской демагогии?» [2]

Когда же в 1863 г. в «Колоколе» всё шире и напряжённее обсуждается польский вопрос, осложнения с Бакуниным нарастают. Бакунин в письме к Н. Н. Жуковскому от 9 июня 1863 г. признаётся: «...год, проведённый с ним (Герценом), прошёл в глубокой семейной борьбе». Считая, что в Герцене «на революционного деятеля... решительно недостаёт материала», Бакунин порицает здесь направление редакторов «Колокола» как слишком отвлечённое, литературное, тогда как «в России наступает теперь пора... дела практического». Он считает, что «Колокол» «должен переродиться теперь, если хочет сохранить своё влияние в России». Он укоряет Герцена за недостаточно решительную политику с «императорством» и указывает, что в спорах с Герценом он «большею частью имел на своей стороне Огарёва». Когда же, пишет он, «встретились мы с польским вопросом... рознь наша стала ещё глубже и яснее» [3]. Суть этой розни, по мнению Бакунина, была в том, что руководители «Колокола» не разделяли его мнения о необходимости «по мере сил и возможности... принять *непосредственное* участие в польском восстании, так как оно есть восстание против нашего общего врага — русского императорства». Но они не разделяли и его приёмов агитации. В сентябре 1863 г. после дема-

---

[1] «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огарёву», стр. 195.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XV, стр. 549.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 231.

гогических выступлений Бакунина в Стокгольме уже не Герцен, а Огарёв пишет ему укоризненное письмо: «Твоё хвастовство об обществе «З [емля] и В [оля]» не принесло ему пользы. Этот обычай — нам не расчёт... Вот почему нам трудно будет ладить. — Ты хочешь, чтобы всё было сейчас, поскорей, и производишь тревогу, а вещи от этого не подвигаются. Не заподозришь же ты меня в консерватизме, но я хочу, чтоб вещи приготовлялись прочно... требую взвешивания обстоятельств. ...приготовления путей, людей, словом, пропаганды, адэкватной времени, пропаганды словом и увеличением общества. Станут обстоятельства иначе, надо и язык изменить... Пора сознать, что мы живём для дела, а не дело для нас. В последнем случае мы бы только производили игру в революцию... Я умоляю тебя, Бак [унин], мы много уже наделали ошибок и зла, — ты во главе их» [1].

Что это за «ошибки и зло», о которых говорит Огарёв, отчасти можно понять из письма Герцена к Бакунину. В нём Герцен говорит: «Болтовнёй ты погубил не одного Налбандова, а и напр. Воронова; твоя ненужная отметка о нём в письме к Налб[андову] свела его из Кавказа в крепость, а потом в ссылку». Дальше Герцен указывает пример небрежной конспирации — инцидент с шифрами: когда Тхоржевский принёс бакунинскую книжку с ключами составленных им шифров, «мы с Ог[арёвым] обомлели; в одной книжке записаны адресы всех порядочных людей в России, с отметками и подробностями, и эта тетрадь ходила по рукам» [2].

Со стороны же Огарёва его приведённое выше письмо было не первым случаем, когда он обращается к Бакунину с укором. Ещё за год до того, осенью 1862 г., Огарёв писал ему: «...я утрачиваю в тебя мою человеческую веру. Не сердись на меня за откровенность... а просто задумайся искренно и спроси себя по совести, прав я или нет». Приведя несколько примеров, Огарёв повторяет:

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 496. Курсив мой. — *З. Б.*

[2] «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огарёву» стр. 252.

«Говорю не в укор, а как мольбу о том, *чтоб ты выше себя поставил дело,* выше себя свою человеческую чистоту... Если ты ищешь себе занятия, — заканчивает он письмо, — хотя бы по дороге погибла надолго русская свобода и рост внутренней организации народа, — я враг тебе.

А покамест твой друг Огарёв»[1].

К концу 1863 г. отношения Герцена и Огарёва с Бакуниным так обострились, что в переписке руководителей «Колокола» прямо ставится вопрос о разрыве с ним. Но Огарёв опасается нежелательного политического резонанса их ссоры. «Разрыв с Бакуниным теперь был бы торжеством для правительства», — пишет он Герцену 18 ноября 1863 г. На это Герцен решительно отвечает: «Видно, кое-что надобно подвязывать в сердце и жертвовать лицами делу. Я Бакунина считаю вредным, и чего ты боишься? Что Будберг[2] узнает о разладе? Лишь бы не мы говорили; а коли узнает, то это только кулирует (утопит) Бакунина, а не нас»[3].

Ясно, что при таких отношениях ни о каком влиянии Бакунина на направление «Колокола» не могло быть и речи, а его участие в качестве сотрудника журнала Герцена было совершенно ничтожно: в «Колоколе» была напечатана одна статья Бакунина «С.-Петербургская нескромность» по поводу опубликования в русских газетах программы тайной польской организации да два обращения к славянским народам. Всё это относится ещё к 1862 г., т. е. к первому времени пребывания Бакунина в Лондоне. В последующие же годы в «Колоколе» не встречается ни одной публикации за подписью Бакунина, за исключением одного из последних номеров журнала за 1867 г. (№ 241 от 15 мая 1867 г.), где помещены два письма его в редакцию «Колокола».

Что же касается возможности влияния Бакунина на «Колокол» в польском вопросе, то об этом можно гово-

---

[1] «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огарёву», стр. 202—204. Курсив мой. — *З. Б.*

[2] Русский посол во Франции.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 538—539.

рить лишь в отношении времени до восстания, т. е. опять-таки о 1862 г., когда Бакунин был ещё в Лондоне (он уехал в Стокгольм 21 февраля 1863 г.), когда у него с руководителями «Колокола» ещё была некоторая близость и он участвовал вместе с ними в переговорах с поляками.

О времени этих переговоров сохранилось точное указание Герцена в письме к Огарёву от 29 апреля 1863 г.: «Вспомни, Огарёв, — писал он, — что с начала до конца я вас предостерегал от шума об офиц[ерах] и солдатах, идущих на помощь Польше. Ты мне всегда говорил, что берёшь это на себя. Как будто у нас речь могла быть об ответственности. Ты ли отвечаешь, или любезнейший неспособник Бак[унин], а дело это нам повредило, лишило нас силы, а сила наша только и зиждется на таланте, да на доверии... Веры, чтоб зародыш был готов, что мы можем... «сделать восстание», у меня ещё нет» [1]. Так отрицательно оценивал Герцен свою уступку настояниям Бакунина, поддержанным Огарёвым, в вопросе о помощи польскому восстанию силами известной части русской армии, которая в действительности не была ещё достаточно подготовлена. Но если эта уступка отразилась на переговорах с поляками, ускорив благодаря личному влиянию Герцена выступление революционно настроенных русских офицеров в Польше, то на страницах «Колокола» единственно, что было сделано, согласно мнению Бакунина, — это публикация особого ответа варшавскому Центральному комитету в № 147 от 15 октября 1862 г. Ответ этот более официально закрепил позицию «Колокола» по отношению к этому руководящему польскому органу, против чего и возражал Герцен. Но и здесь надо отметить одну характерную подробность. Ответ «Центральному польскому комитету в Варшаве» подписан не «тремя именами» (как настаивал Бакунин в письме от 3 октября 1862 г.) [2], а словами: «Издатели «Колокола». Эта деталь приводит нас к следующему вопросу: не заключала ли эта подпись всех трёх имён, т. е.

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 233.
[2] См. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огарёву», стр. 199.

не являлся ли тогда Бакунин одним из руководителей «Колокола»? Основанием для отрицательного ответа на этот вопрос может служить одно заявление Герцена в самом журнале.

Опровергая один из многочисленных выпадов «Московских Ведомостей» против «Колокола», Герцен в примечании к статье «В вечность грядущему 1863 г.» говорит: «...издатели «Колокола» не составляют целую компанию с г. Герценом, их только двое: Герцен и Огарёв» [1]. И когда в той же статье Герцена читаем исполненные глубокого достоинства слова об отношении «Колокола» к польскому делу: «Мы горды тем, что за него лишились нашей популярности», — для нас нет сомнений, что в слове «мы» разумеются лишь постоянные и единственные руководители «Колокола» — Герцен и Огарёв.

То положение, которое создалось для «Колокола», та потеря популярности, о которой здесь говорит Герцен, есть результат не стороннего влияния, в частности не бакунинских тенденций, а смелой защиты тех принципов, которые, как мы видели, незыблемо утверждались «Колоколом» в течение ряда лет, а его руководителями — всю их сознательную жизнь.

С другой стороны, разрыв связей журнала Герцена с Россией усугублялся резким отходом вправо прежних постоянных читателей «Колокола». Спрос на лондонские издания настолько сокращается к середине 1863 г., что в августе Герцен констатирует уже «совершенную остановку типографского сбыта» [2]. Тираж «Колокола» быстро падает и к концу года доходит до 500 экземпляров.

Очень показательно, что к этому же времени прекращается и поток посетителей Герцена. 28 декабря 1863 г. он пишет сыну: «Досуг теперь есть: у нас тихо, нет посторонних» [3].

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 547.
[2] Там же, стр. 433.
[3] Там же, стр. 566.

2. УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ «КОЛОКОЛА» В 1864—1865 гг. ОТНОШЕНИЕ РЕДАКЦИИ «КОЛОКОЛА» К «МОЛОДОЙ ЭМИГРАЦИИ»

Реакция, захватившая русское общество, создала для «Колокола» к концу 1863 г. настолько тяжёлое положение, что у его руководителей мелькала мысль о прекращении изданий. «Были минуты, в которые нам хотелось замолчать», — говорит Герцен об этом времени. Но замолчать было невозможно. Другой мощный голос «громко говорил, что наше будущее выбьется из этой грязи и крови» [1]. Это была вера в творческие, живые силы русского народа; она давала редакторам «Колокола» необходимую энергию для продолжения их дела, несмотря на всю тяжесть общих условий. «Вы видите, что les vieux de la vieille garde (старики и старая гвардия) не совсем утратили дух, — писал Герцен Елизавете Васильевне Салиас, обращая её внимание на очередные статьи в «Колоколе»... — И мы идём, и Россия идёт, страшно идёт. многое щемит, давит сердце, но идёт!» [2]

Эта вера Герцена в русский народ не была каким-то абстрактным домыслом. Наоборот, она исходила из анализа реальных условий жизни России. Одна из блестящих статей Герцена — некролог М. С. Щепкину — позволяет нам уловить самый процесс формирования этих взглядов.

Разбирая творчество Щепкина и Мочалова, процесс развития их дарований, Герцен показывает, к чему приводит его анализ подобных явлений в русском народе. «Оба принадлежат к тем *намёкам,* — подчёркивает он, — на сокровенные силы и возможности русской натуры, которые делают незыблемой нашу веру в будущность России» [3]. Когда «пробный камень» — 1863 год — разбивает сохранявшиеся до тех пор иллюзии редакторов «Колокола» об исключительной общественной роли в России среднего дворянства, Герцен и Огарёв находят новую социальную базу будущего развития страны — разночинцев

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 269.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 16.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 501

Впервые «Колокол» заговорил об этом в статье Герцена «1831—1863»: «Это... новый кряж людей, восставший внизу и вводивший исподволь свои новые элементы в умственную жизнь России», — определяет разночинцев Герцен. «Аристократическая Россия отступала на второй план... Другая сила шла на смену, другая шеренга становилась на место истощившихся вождей и бойцов» [1].

Огарёв горячо поддерживает эту мысль. Обращаясь к молодому поколению с революционным призывом в «Надгробном слове» Потебне, он указывает, что имеет в виду именно «образованную молодёжь разночинцев» [2]. Огарёв верно подмечает близость этой молодёжи к народу: «она... примыкает к крестьянству, идёт в народ. Она должна собрать себя в общество... вырастить это общество в силу, пополняя свои ряды людьми из так называемого «низшего слоя».

Эта статья Огарёва вызвала дружеский отклик из России, и на страницах «Колокола» возникла длительная переписка [3].

В октябре 1863 г. в «Колоколе» появляется статья «Братское слово» [4] по поводу верноподданнических адресов студентов Александру II, с приложением ответного письма к Огарёву. Автор его, разделяя мысль Огарёва о разночинной молодёжи и предстоящей ей роли в русском общественном развитии, говорит затем о том громадном значении, которое имели для молодого поколения обращения «Колокола» и другие издания лондонских эмигрантов; он приводит соображение о том, что лишь незначительная часть молодёжи захвачена верноподданнической эпидемией, и призывает студенческое большинство и в дальнейшем быть верным зову голоса «с того берега».

В ближайшем же номере Огарёв отвечает автору «Братского слова» стихотворением «Сим победиши». В нём Огарёв пишет о той радости, которую вызывает

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 184, 185.

[2] «Колокол» № 162 от 1.V 1863 г.

[3] См. «Колокол» № 171 от 1.X 1863 г.; № 172 от 1.XI 1863 г.; № 189 от 15.IX 1864 г.; № 190 от 15.X 1864 г. и № 196 от 1.IV 1865 г.

[4] Эта статья подписана: «Один из многих (Россия, август 1863 г.)» (см. «Колокол» № 171 от 1.X 1863 г.).

у него отклик и признание молодёжи; заканчивается стихотворение следующими словами:

...И верю, верю я в исход
И в наше светлое спасенье,
В землевладеющий народ
И в молодое поколенье.
И верю я — невдалеке
Придёт, грядёт иная доля,
И крепко держится в руке
Одна хоругвь — Земля и Воля[1].

Для понимания последнего периода в жизни «Колокола» этот отрывок имеет большое значение. В нём, в сущности, уже дана та конкретная программа, с которой подходит редакция «Колокола» к продолжению журнала в 1864 г.

Самый факт положительного отклика на новые призывы «Колокола» придаёт его редакции силы для предстоящей работы; «...средь скорби и негодования мы далеки от отчаяния и протягиваем вам, друзья, нашу руку на общий труд и зовём нашим звоном *к делу и борьбе*»[2],— такими словами начинается новогодний номер «Колокола» в 1864 г.

Залог успеха этой борьбы редакторы «Колокола» видят именно в близости «молодого поколения» разночинцев к «землевладеющему народу».

При этой близости предполагалось взаимодействие двух необходимых элементов «русского дела»: умственного развития разночинной молодёжи и особенностей общинного владения, мирской основы крестьянских масс.

«В их сочетании, — пишет Герцен, — наша сила, наша будущность, наше преимущество. Без предрасположенного народного быта общественная наука теряется в социальном бреде, без всеобобщающей науки народный русский быт возводится в бред славянофильства»[3].

[1] «Колокол» № 172 от 1.XI 1863 г.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 6.
[3] Там же, стр. 4.

Так Герцен и Огарёв, вскрывая эти элементы предстоящих «дела» и «борьбы», считают доказанной осуществимость их социальной теории. Убеждённые в соответствии своих стремлений «с бытом народным» [1], они не замечают того, что реально существующей общине они приписывают социалистические тенденции, а разночинцам — «отречение от буржуазии» [2].

Это заблуждение явилось предпосылкой целого ряда ошибок следующего поколения революционных деятелей. Однако убеждённая речь «Колокола», определённо указавшего, где следует искать нужные силы, сыграла громадную роль в развитии общественного движения.

Редакторы «Колокола» призывали основывать всю подготовку борьбы на сознательной активности народных масс при посредстве передовой на данном этапе социальной группы — разночинцев. Это было тем обращением с революционной проповедью к народу, которая, по словам В. И. Ленина, «не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы» [3].

Редакторы «Колокола» сознавали, что хотя «на сию минуту» их «деятельность заторможена», но «движение русское вовсе не подавлено и, вообще, по сущности своей *неподавляемо*» [4]. Поэтому теперь «Колокол» и ставит своей задачей работать для будущего — звать живых «к самой *обедне*, звать к сознательному делу», «вместе с молодым поколением, которое надобно спасать, во что бы ни стало, от казённых лжеучителей и нравственно-растленных бездельников» [5].

Руководители «Колокола» понимали, что господствовавшая в России общественная реакция грозила подготовке молодых сил к предстоявшей революционной борьбе, грозила сохранению революционной традиции.

Особенно опасным явлением в этом отношении Герцен и Огарёв считают продажность и верноподданническую угодливость русской либеральной журналистики. Зная по

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 6.
[2] «Колокол». № 162 от 1.V 1863 г.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 469.
[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 533, 526.
[5] Там же, стр. 550.

личному опыту силу печатного слова, они начинают отчаянную борьбу против такого положения в России, когда «общество хуже правительства, журналисты хуже общества» [1].

Герцен считает, что если общественная реакция ещё усилится, то «нечего больше ждать от нынешнего поколения и придётся обратиться к юношам и детям» [2]. Герцен в то же время без колебаний заявляет, что, несмотря на «пароксизм безумной реакции», он не имеет ни сил, ни права приостановить «Колокол»: он будет издавать его не для «исправления неисправимых», а для «*новой* России», предшественником которой был «плебей Ломоносов» и которая «становится во весь рост... в Белинском» [3]. Эту новую Россию, эту среду, «затёртую между народом и аристократией», эту молодую поросль разночинцев Герцен находит в современной России в учениках Чернышевского.

«Для этой новой среды, — пишет Герцен, — хотим мы писать и прибавить наше слово дальних странников к тому, чему их учит Чернышевский с высоты царского столба... хотим вместе с ними работать над отысканием путей русского развития, над разъяснением русских вопросов» [4]. Так, увидев новые социальные силы в России, Герцен решительно повернул к демократизму [5] и заявил свою полную солидарность со взглядами Чернышевского.

Вести, приходившие тогда с родины, давали повод редакции «Колокола» высказать своё отношение и лично к Чернышевскому.

С глубоким волнением пишет в своей статье Герцен о гражданской казни великого демократа. Здесь в ярких словах, принципиальное значение которых отмечено Лениным [6], Герцен подчёркивает свой разрыв с либералами: «А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами!..», и заканчивает свою

---

[1] *А. И. Герцен*. Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 57.
[2] Там же, стр. 294.
[3] Там же, стр. 299.
[4] Там же, стр. 299—300.
[5] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. XV, изд. 3, стр. 467—468
[6] Там же, стр. 467.

статью гневным восклицанием: «Проклятие вам, проклятие и, если возможно — месть!» [1]

Слова эти не прошли незамеченными в России. Несмотря на значительную уже оторванность «Колокола» от большинства прежних читателей (которая выражалась, как указано выше, и в падении тиража журнала и в сокращении количества посетителей Герцена), там всё же сохранялся круг его сторонников, которым удавалось систематически следить за журналом, во-время добывать его. Вскоре редакция получает несколько статей о Чернышевском. Автор одной из них так и указывает, что он пишет под влиянием «горячих строк «Колокола» [2].

Отозвались и русские эмигранты. Автор одной из статей, молодой эмигрант [3], заявляет себя «горячим последователем Чернышевского» и со страниц «Колокола» обращается «к братьям-юношам» с призывом итти по пути, указанному «доблестным учителем».

Но редакция «Колокола» не довольствуется этими материалами и обращается к своим корреспондентам с просьбой прислать самый текст сенатского постановления о Чернышевском [4]. Через два номера полученный текст мог быть уже опубликован [5]. Подобным отношением к Чернышевскому журнал Герцена укреплял свои новые тенденции.

Но, как всегда, «Колокол» не ограничивается лишь общими декларациями. Герцен намечает и конкретную программу на дальнейшее время с учётом тех сложных условий, в которых протекала деятельность редакции в 1864 г.

«Мы продолжаем наш путь, а не вступаем в другой. «Колокол» остаётся, чем он был — *органом социального* развития в России» (курсив Герцена). Но «...Пропаганда явным образом разбивается на-двое: с одной стороны, — *слово, совет, анализ, обличение, теория* (курсив мой.— З. Б.), с другой — образование кругов, устройство

---

[1] *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 261.
[2] «Колокол» № 190 от 15.X 1864 г.
[3] Как теперь установлено, — Н. И. Утин (см. Литературное наследство» № 41—42, стр. 18 и 612).
[4] «Колокол» № 190 от 15.X 1864 г.
[5] «Колокол» № 193 от 1.I 1865 г.

путей внутренних и внешних сношений. На первое мы посвящаем всю нашу деятельность, всю нашу преданность; второе не может делаться за границей. Это — дело, которого мы ждём в *ближайшем* будущем» [1].

Таким образом, для революционных деятелей в России Герцен ближайшей задачей намечает организацию местных сил и их связей в стране и с заграницей. Что же он оставляет за собой?

Понять содержание тех пунктов (имеются в виду понятия: «слово», «совет», «анализ», «обличение» и «теория»), выполнение которых Герцен оставляет за редакцией журнала, помогает сама практика «Колокола», сложившаяся к концу 1863 г. — к началу нового периода в деятельности издательства.

В ней надо выделить две стороны.

Во-первых, изложению теоретических вопросов теперь уделяется значительно большее место, чем раньше. При этом каждая статья, посвящённая этим вопросам, представляет собой не отвлечённый трактат, а является разбором актуальных вопросов или новых явлений русской жизни с позиций социально-политической теории редакторов «Колокола» [2]. Здесь мы и встречаем тот «анализ», «теорию», которые указаны в пунктах программы. «Анализ» и «теория» должны были помочь будущим борцам за «русское дело» в выработке *содержания* их социально-экономических планов.

Во-вторых, в пунктах программы «Колокола» были вопросы тактики. По аналогии с 1863 г. их мы можем видеть в понятиях «слово», «обличение», «совет», через которые предполагалось дать на страницах «Колокола» указание молодёжи, как бороться за выработанные планы, каким путём итти к осуществлению намеченных задач. В практике «Колокола» в 1863 г. таким примером прин-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 3.

[2] Например, серия статей Огарёва (из 5 частей) «Финансовые споры», содержащих критический разбор журнальной полемики о состоянии русских финансов, и ряд статей Герцена, объединённых под названием «Письма к будущему другу», где обсуждаются такие ставшие на пути русского развития вопросы, как общественное положение и научное образование женщин, новые проблемы в русской литературе и др.

ципиальной борьбы был польский вопрос. Герцен в последнем своём письме к И. С. Тургеневу пишет об этом: «Придёт время, не «отцы», так «дети» оценят и тех трезвых и тех честных русских, которые одни протестовали и будут протестовать против гнусного умиротворения» [1]. Таков же смысл и другого заявления в «Колоколе»: «...*Мы протестовали*... мы заявили наш голос для того, чтоб он в будущем свидетельствовал, что такой разврат общественного мнения и публичной речи не мог пройти без отпора, без слабого, отдельного, затерянного, но неизгладимого veto» [2].

Прямым тактическим указанием явился отклик «Колокола» на известие о «Казанском заговоре», когда по поводу распространения подложного манифеста Герцен писал: «Путь этот опасен: народ перестанет верить печатному слову» [3].

С другой стороны, даётся «Колоколом» положительный пример — в деятельности общества «Земля и воля» [4].

В перечисленных Герценом пунктах программы «Колокола» упоминается также дело «обличения». Но здесь необходимо сделать оговорку. Обличительство в «Колоколе» после 1861—1862 гг. принимает несколько иной характер, чем раньше. То «демократическое» обличительство (в отличие от либерального обличительства, направленного на улучшение и укрепление существующего строя), обличительство отдельных злоупотреблений в интересах народа, которое было широко представлено в «Колоколе» первого периода, почти сходит теперь со страниц журнала. Тогда оно имело целью облегчить несколько положение народа до общего преобразования строя. После же крестьянской реформы и последующих усмирений и подавлений «Колокол», заняв, как мы видели, твёрдо

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 126.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 268—269.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 334.

[4] Авторитет «Земли и воли» всё время поддерживается «Колоколом»; большое одобрение получает деятельность общества при оценке «Прокламации З. и В.» о польском деле. Публикуя листок «Земли и воли» — «Свобода» № 1, «Колокол» «искренне приветствует» его. (См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 150—151 и 272).

революционную позицию, не считает, повидимому, целесообразным добиваться каких-либо паллиативов в положении народа до окончательного изменения общественно-политических отношений.

К тому же «Колокол» и не верит уже ни в какие реальные результаты обличения отдельных злоупотреблений. В приписке к одной из таких обличительных корреспонденций редакция уверяет корреспондента, что его надежды напрасны, что правительство, прочтя его красноречивое описание злодейств помещиков и администрации, и не подумает послать приказ о следствии по этому делу [1].

Теперь обличительные статьи в «Колоколе» касаются не частных случаев, а основной политики высшего правительства, которое, как пишет Герцен издателю «La Cloche» Фонтэну, «превзошло жестокостью Николая и его предшественников. Кровь льётся... как вода, смертная казнь проникла сквозь маленькую щель в закон» [2].

О кровавой практике петербургского правительства пишется почти в каждом номере «Колокола», и протест журнала против смертной казни принимает тем самым особую значимость, а прежнее обличительство частностей перерастает теперь в безоговорочное разоблачение самой сущности царского строя и пресмыкающейся перед ним журналистики.

Таков круг вопросов, которые выделяет для себя «Колокол» как неотложное дело в рассматриваемый период. Их сумма составляет основную задачу журнала — готовить ряды будущих борцов, поднимая их теоретический уровень для успешного разрешения практических вопросов. Передавая этим борцам *революционную* традицию, Герцен и Огарёв стремятся воспитать в них гражданскую сознательность и чувство ответственности в приёмах боевой тактики.

Чтобы успешно выполнить эту задачу, лондонскому издательству нужно было выйти из того кризиса, который тогда чувствовался во всех его делах.

С падением тиража работа типографии не окупалась; материальные затруднения снова целиком ложились на плечи Герцена. «Типография поглощает теперь более

---

[1] См. «Колокол» № 198 от 15.VI 1865 г.

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 294.

25 фунтов ежемесячно» [1], — сообщает Герцен Мейзенбуг 22 мая 1864 г. При растущей же в Лондоне дороговизне, на которую не раз жаловался Герцен, эти расходы становились ему непосильными тем более, что результаты не оправдывали затрат. «Пропаганда наша идёт плохо» [2], — признаётся Герцен в письме к Таландье.

В одной из статей августовского номера «Колокола» за 1864 г. говорится о сокращении притока корреспонденций из России: «...в «Колоколе», благодаря террору, наложившему печать молчания на большую часть наших корреспондентов, довольно места» [3].

Герцен ещё во время своей поездки по Италии и Швейцарии осенью 1862 г. лично убедился, что большинство эмигрантов сосредоточивается теперь именно на континенте и что отсюда имеются постоянные связи с Россией.

Все эти соображения и привели руководителей «Колокола» к решению перевести типографию на континент. Относительно пункта, где можно было бы организовать издательство, возникали различные предложения. То намечалась Швейцария как географический центр Европы, то — Италия. Но предположение, что Италия вскоре могла стать театром военных действий, вносило колебание, и Герцен начинает обсуждать новый план переезда — в Брюссель, где ему предлагал своё содействие издатель журнала «La Cloche» Фонтэн.

Но большее значение, чем эти внешние условия, для осуществления плана переезда, да и для самого продолжения «Колокола» в принятом направлении, имел вопрос внутреннего, принципиального характера — о взаимоотношении руководителей журнала с так называемыми «молодыми эмигрантами».

Под этим термином известны русские политические эмигранты, появившиеся за границей после арестов и процессов 1862—1863 гг. От «старой», дворянской эмиграции «молодая» отличалась по своему социальному происхождению: это были представители новой общественной силы — разночинцев.

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 175.
[2] Там же, стр. 279.
[3] «Колокол» № 188 от 15.VIII 1864 г.

Но «молодая эмиграция» не была однородной. Здесь были и сторонники радикальных взглядов «молодой России», и более близкие к «Колоколу» деятели «Земли и воли», и люди, не вполне сложившиеся, только что получившие политическое крещение своим участием в студенческом движении. Поэтому в их среде наряду с общим признанием прежних заслуг Герцена часто высказывались мнения, резко критикующие направление «Колокола»; раздавались иногда и не лишённые справедливости порицания его противоречий, его колебаний между либерализмом и демократизмом.

Однако в первое время в среде «молодых эмигрантов» возникает предположение использовать сохранившееся ещё влияние Герцена и его издательства с тем, чтобы совместной работой усилить деятельность революционных групп на родине. Для Герцена и Огарёва также было важно ближе подойти к «молодым эмигрантам», поскольку они только что покинули Россию; многие из них имели практический опыт революционной работы и могли, как полагали редакторы «Колокола», своими молодыми силами содействовать подъёму издательства.

В течение 1863—1864 гг. в этом направлении и делались с обеих сторон попытки создать деловой контакт [1].

Из сохранившейся переписки видно, что «молодые эмигранты» часто обращаются к редакторам «Колокола» с вопросами, просьбами и даже советами. Герцен и Огарёв со своей стороны охотно поддерживают создающиеся связи, оказывают «молодым эмигрантам» всяческую помощь, прислушиваются к их замечаниям о характере публикаций в «Колоколе». Когда Огарёв подготовляет ответ автору статьи «Братское слово», он посылает черновик стихотворения «Сим победиши» в Женеву Ник. Утину. В ответном письме Утин благодарит Огарёва, хвалит стихотворение, но вносит и ряд тщательно мотивированных поправок, заканчивая письмо таким замечанием: «А за хоругвь «Земли и воли» опять-таки целую. Только, когда будете печатать это стихотворение, т. е. в следующем «Колоколе», то ради всего святого скажите,

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр. 540, 542.

чтоб слова «Земля и Воля» были отпечатаны *крупными* буквами. Вы не поверите, как сильно и магически и хорошо действуют эти слова, читаемые в «Колоколе», на передовую молодёжь — она видит всегда в этих *подчёркнутых* словах *отклик* с того берега на свою действительность» [1].

Огарёв полностью принимает замечания Утина. В другой раз Огарёв отказывается от печатания статьи «Что нужно разночинцам» под влиянием такого совета Утина: «...теперь нужно очень и очень обходить многое и... нельзя прямо говорить, что именно нужно делать нашему брату в России...» [2]

«Молодые эмигранты» подчёркивали в своих письмах, что они признают Герцена, так же как и Чернышевского, учителем русской молодёжи. «Мы учились у Вас, — пишет Герцену Утин, — и в то же время, будучи в России, учились у другого учителя — Чернышевского». А молодой эмигрант М. Гулевич, только что приехавший из России, пишет Огарёву: «Только теперь, добравшись до сего берега, имею возможность высказать своё безграничное уважение и глубокую любовь первым учителям русской молодёжи» [3].

Мысль о совместной работе с редакторами «Колокола» усиленно занимает «молодых эмигрантов» в то время. Герцен также, встречаясь с некоторыми из них, не отвергает возможности сотрудничества; он даже помещает в «Колоколе» статью Н. Утина о суде над Чернышевским [4]. Но возникший было у него проект — объединить силы «молодых эмигрантов» в своём издательстве с переводом последнего на континент — Герцен осуществить не решается: он не согласен со многими взглядами и поступками «молодых эмигрантов», у него нет веры в их силы и способности. Однако в ответ на повторные предложения из Женевы о совместной работе Герцен решает разъяснить все сомнения в личных переговорах. И по

---

[1] Архив Октябрьской революции. Русск. заграничн. коллекц., ф. 5770, арх. № 176.

[2] Там же.

[3] А. О. Р., ф. 5770, арх. № 176.

[4] «Колокол» № 189 от 15.XI 1864 г.

взаимному соглашению намечается на конец декабря 1864 г. съезд в Женеве.

Для понимания позиции эмигрантской молодёжи в тот момент очень показательно письмо Н. И. Утина к Герцену от 16 декабря 1864 г. Утин здесь выступает от лица всех съехавшихся в Женеву эмигрантов. Отметив, что среди них «есть и весьма *способные* для труда личности», он говорит: «От Вас, уважаемый Александр Иванович, зависит сойтись или разойтись со всеми этими людьми — для посильной работы и совокупного в ней участия — во имя той же желанной цели, прямое и свободное развитие которой, мы услышали в своей юности от Вас же...»

Указав, что собравшиеся молодые люди считают себя учениками и Герцена и Чернышевского, Утин говорит: «случайность выбросила нас за борт действия революционного в самой России, но наше желание и наша готовность остались те же... итти на прямое, *активное* дело». Исходя из этой безусловной, общей для всех эмигрантских групп задачи — революционной борьбы, — Утин намечает и подлежащий обсуждению «практический план» из 4 пунктов: «*пропаганда,* организация *путей,* организация *связей* с людьми, увеличение *фонда*».

Пропаганда — в первую очередь; поэтому, естественно, Утин и переходит к вопросу о «Колоколе».

Считая, что программа «Колокола» «должна быть расширена, категорически определена», Утин настаивает на превращении журнала в общеэмигрантский орган, что доказало бы «солидарность... людей, которые и здесь и ещё более в России *хотят действия*... За каждым словом *такого* «Колокола», — подчёркивает он, — чувствовалась бы *сила, сплочённая* из всего, что есть живого и революционного в России», с которой «пришлось бы *считаться*». Утин выражает уверенность, что Герцен будет с этим планом согласен. В противном случае — неизбежен разрыв, дающий торжество врагам, — «*разрыв* между учителем и учениками... Но ответственность мы не приняли бы в таком случае на себя, она откинулась бы и на Вас...»

Категорический тон этого письма вызывает у Герцена настороженное отношение к предстоящему съезду. Действительность подтвердила его опасения: вся неделя его

пребывания в Женеве прошла в жесточайших спорах, которые часто перерастали в резкие столкновения.

Посылая 30 декабря 1864 г. Огарёву отчёт о первой встрече, Герцен достаточно точно определяет суть разногласий: «Главное предложение вот в чём — сделать «Колокол» обширнее, берутся («молодые эмигранты». — *З. Б.)* за корреспонденции и статьи; денег не дают ни гроша (да и нет их) и хотят сделать не редакцию, а совет для обсуживания статей... Эти господа ещё, быть может, — составят связи и кружок, но ждать от них серьёзной помощи в деле переезда — безумие...» А в конце письма, вероятно, под влиянием горького раздумья, Герцен выдвигает такой проект: «А что ты думаешь о том, чтоб передать птенцам совсем «Колокол» и остаться при «Полярной Звезде»? ...Желание доброе есть, и, хотя всё изгажено чудовищными самолюбиями, но, может, им и удастся. Пиши ответ скорее...» [1]

Однако, и не получив ещё ответа Огарёва, Герцен, повидимому, тут же отказывается от этого проекта, не доверяя силам молодёжи.

К концу съезда отношения ещё более обостряются. Наиболее радикальная группа «молодых эмигрантов» ультимативно требует от Герцена уступок, на которые он не пошёл, и соглашение не состоялось. Как отмечает новейшее исследование, и общий строй их жизни и их политические убеждения помешали им сблизиться. Разночинцы принесли с собой глубокую ненависть к дворянству и резкое отрицание всей дворянской культуры, а в Герцене и Огарёве они обнаружили слишком много черт, напоминавших об их социальном происхождении.

Вина в неумении сработаться в видах общей борьбы за дело революции падает на обе стороны. Если Герцен неприязненно и даже враждебно отнёсся к вполне естественным особенностям того общественного слоя, из которого вышли представители «молодой эмиграции», то и последние также несут ответственность за разрыв, поскольку они, не понимая важного значения идейного «наследства», «не хотели взять из дворянской культуры даже того, что было в ней безусловно ценного. При таких

---

[1] А. О. Р., ф. 5770, арх. № 143.

условиях даже мелочи... приобретали часто в глазах обеих сторон чрезмерную важность» [1].

Правда, неудача женевских переговоров не привела ещё пока к полному разрыву между Герценом и «молодыми эмигрантами». С некоторой частью этой молодёжи он продолжал поддерживать личные и литературные связи [2]. Но о систематической, широкой совместной работе не могло быть и речи. Поэтому Герцен намечает теперь перевод издательства на континент, ничем уже себя не связывая с «молодыми эмигрантами».

Однако взаимоотношения с ними его глубоко волновали. Из переписки Герцена этого времени видно, как беспокоила его невозможность найти с ними общий язык, хотя часто его сообщения Огарёву о переговорах с «молодыми эмигрантами» переходили в очень резкую критику их: «... я больше уступал возможного и справедливого, но они всё что-то хлопочут и интригуют» [3], — пишет он Огарёву 2 января 1865 г. «Мне с ними ужасно скучно — всё так узко, ячно, лично, и ни одного интереса ни научного, ни в самом деле политического; никто ничему не учится, ничего не читает» [4], — возмущается он.

И всё же в «Колоколе» того времени, несмотря на всё значение для Герцена и Огарёва этих переговоров и на их продолжительность, нет ни одного намёка на этот инцидент. Более того, буквально в те самые дни, когда женевские споры доходили до резких столкновений, Герцен готовит в очередной номер своего журнала статью «2-е письмо к противнику», где, возражая Ю. Ф. Самарину (который и был этим анонимным противником), горячо защищает то поколение русской революционной молодёжи, с представителями которого у него в это самое время возникали такие разногласия.

Конечно, этот факт не случайный. Он доказывает, что Герцен видел в характерных, отрицательных с его точки

---

[1] «Литературное наследство» № 41—42, стр. 23.

[2] Одного из наиболее даровитых, Александра Серно-Соловьёвича, он привлекает впоследствии к непосредственным занятиям и издательстве, поручая ему одно время держать корректуры в «Колоколе».

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 5.

[4] Там же, стр. 6.

зрения, чертах «молодой эмиграции» лишь временное, переходное отклонение от нормального, здорового развития. И если под горячую руку Герцен иной раз и приписывал недостатки «молодой эмиграции» всему молодому поколению в России, то, повидимому, в спокойном настроении он сознавал, что это не так, что эти недостатки — лишь частный случай. Как бы велики ни были разногласия, Герцен всё же видел в «молодых эмигрантах» «своих».

Чтобы не причинить ущерба общему делу, Герцен и не хотел публично оглашать свои раздоры с ними.

Лишь много лет спустя, в 1868 г., Герцен счёл возможным говорить в печати о своём отношении к «молодой эмиграции» в течение первой половины 60-х годов [1].

Но «Колокол» в это время уже не издавался.

3. ОБЩЕСТВЕННОЕ ОЖИВЛЕНИЕ В РОССИИ 1864—1865 гг. ПЕРЕЕЗД ИЗДАТЕЛЬСТВА ГЕРЦЕНА НА КОНТИНЕНТ И ЕГО КРАТКОВРЕМЕННЫЙ ПОДЪЁМ. ПРЕКРАЩЕНИЕ ИЗДАНИЯ «КОЛОКОЛА»

Окончательное решение о переводе «Колокола» на континент принято было в связи с событиями в России.

Новая полоса реформ вносит значительное оживление в русскую общественную жизнь 1864—1865 гг. Подготовка к выборам земских гласных, первые земские собрания и введение новых судебных установлений — всё это всколыхнуло не только крупные центры, но и глухую провинцию. «Чёрная полоса в русском настроении проходит» [2],— пишет один из корреспондентов «Колокола» осенью 1864 г. В опровержение слухов о прекращении журнала редакторы ещё в октябре 1864 г. помещают объявление об издании «Колокола» на 1865 г. Вероятно, говорится в объявлении, «русская полиция облекла скромное желание своё в выдуманный факт. Сойти со сцены теперь значит окончательно усумниться в России. Такого торжества

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 411—421.

[2] «Колокол» № 190 от 15.X 1864 г.

мы не дадим ещё закоснелым врагам свободного слова в России»[1].

В частном письме Герцен говорит более определённо и прямо связывает усиление правительственных гонений на лондонские издания с оживлением общественного настроения: «В гиперборейских умах произошла большая перемена... и русское правительство нападает на нас с совершенно нелепой яростью и значительно обостряя свои нападки»[2]. Поэтому усилить, поднять издательство Герцен считает настоятельно необходимым в предстоящем году. Но поскольку для него было ясно, что «Колокол» «издавать в Лондоне при новом взмахе в России нельзя»[3], — переезд был решён окончательно. Последним номером «Колокола», изданным в Лондоне, был № 196 от 1 апреля 1865 г. Следующий, № 197, вышел 25 мая 1865 г. уже в Женеве, где всё же было решено разместить издательство, как на перекрёстном пункте европейских путей[4].

При подготовке работы издательства в новых условиях Герцен имел в виду не только перемещение типографии; он предполагал по-новому организовать и самое руководство делом, превратив типографию в акционерное предприятие[5].

12 января 1865 г. он писал Огарёву: «Заведывать морально буду я, голландской сажей, — Чернецкий, Касаткин associé (компаньон)»[6]. Этот проект представлялся Герцену единственным средством, чтобы все финансовые и хозяйственные дела не ложились только на его плечи. Акционерное общество было организовано тогда же. Учредителями его кроме Герцена и Огарёва были: В. И. Касаткин, Л. Чернецкий, П. В. Долгоруков и В. Ф. Лугинин.

Немедленно были выпущены акции стоимостью в 200

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVII, стр. 346.
[2] Там же, стр. 397.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 6.
[4] Там же.
[5] Об этом, повидимому, также велись переговоры на женевском съезде с «молодыми эмигрантами»; но и в этом пункте Герцен с ними не договорился, однако самую идею решил осуществить (ср. «Литературное наследство» № 41—42, стр. 24—25).
[6] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 14.

франков [1]. Но расходились они, повидимому, плохо, так как уже в марте Герцен был обеспокоен их распространением. «По очень дельному совету Тхорж(евского), посылаю две акции тип(ографии), — писал он Огарёву из Парижа, — передай их кн. Долг(орукову) на всякий случай: может и подвернётся кто» [2]. А в одном из апрельских писем Герцен всё ещё мечтательно замечает: «если б можно было всю экономич(ескую) часть передать Касаткину, я был бы счастливейший смертный» [3].

Как показало ближайшее время, превращение типографии в акционерное предприятие не поправило её дел, и мечты Герцена не осуществились.

Но этот небольшой факт из жизни Вольной русской типографии нам важен с другой стороны. Он показывает, с какими планами, с каким настроением переводит Герцен на континент свой журнал. Учитывая всю сложность условий, в которые попал «Колокол», почти совершенно оторванный от России, Герцен хочет освободить себя, насколько это было возможно, от хозяйственных и технических забот по издательству и всецело заняться разработкой идеологических вопросов на страницах журнала.

Описывая Огарёву те впечатления, которые он вынес от встреч и рассказов ряда осведомлённых лиц в Париже, Герцен говорит: «...нам снова открывается место и, следственно, надобно сильно приняться за работу... и снова рвануться в ряды живых. Для всего для этого надобно быть на месте. К половине апреля всё должно успокоиться» [4].

Главной задачей Герцена в начале женевского этапа издания было нащупать снова среду своих читателей, создать среди них сеть постоянных корреспондентов; и тогда «Колокол» мог бы снова получить прежнюю силу.

Первое же обращение из Женевы к «Нашим читателям» показывает, как Герцен мыслил осуществить это дело.

Заявляя читателям о необходимости присылки не

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 58, прим. Лемке.
[2] Там же, стр. 57.
[3] Там же, стр. 82.
[4] Там же, стр. 61.

только статей, но и (в особенности) корреспонденций, так как «при всех наших усилиях, при всех общих статьях... мы не сделаем «Колокола» живым русским органом *без корреспонденций из края»,* — редакция главное внимание обращает на те вопросы, которые должны трактоваться в журнале [1].

Опыт прежних лет доказал, что только правильно выбранные актуальные вопросы русской действительности обусловили активное участие «Колокола» в жизни родины.

И теперь редакция на первый план выдвигает вопрос, который ей кажется актуальным для данного момента: *«Теперь на череду ударять к Собору,* к Земскому бессословному Собору. До чьего-нибудь слуха звон наш дойдёт и разбудит мысль о нём. Если бы мы думали, что он бесплоден, мы сложили бы руки» [2].

Из нескольких статей как предыдущих, так и последующих номеров «Колокола» видно, что его руководители отправным пунктом берут действительно актуальный вопрос русской жизни — введение земских учреждений — и рассматривают их как естественную ступень к Земскому собору, стремясь в новых явлениях русской жизни найти опору своей революционной агитации.

Давая оценку новых земских учреждений в последнем лондонском номере «Колокола» (от 1 апреля 1865 г.), Огарёв приветствует новые органы самоуправления, признавая в то же время в «Земском положении 1864 г.» серьёзные недостатки. «Не думайте,— пишет он,— чтобы я земские учреждения начинал ставить выше их значения... Чем больше вы всмотритесь в них, тем больше убедитесь, что они сами по себе плохонький перевод французских conseils d'arrondissements [3]; но их постановка в России даёт им иное значение. Они представляют у нас возможность — а в настоящую минуту единую возмож-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 139—142.

[2] Там же, стр. 139.

[3] «Conseils d'arrondissements» («Советы округов») во Франции первой половины XIX века, «состоящие из депутатов городов и деревень... были полностью подчинены... администрации департамента» (La grande Encyclopédie, inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts par une société de savants et de gens de lettres. Paris. H. Lamirault et Cie editeurs, v. III, p. 1118).

ность — для встречи разночинства с народом, для их сближения, для их союза... Этот общий союз разночинства и народа слишком естественен, чтобы не состояться. Поэтому-то так важно ввести в земские учреждения людей, работавших в своём понимании над вопросом народного представительства и самоуправления. Тем важнее, что земские учреждения ставят вопрос, не разрешая его, т. е. возбуждая в массах стремление к его иному, лучшему, действительному разрешению».

Таким образом, Огарёв, правильно понимая недостатки земств в их слишком большой зависимости от администрации, всё же считает, что земские учреждения могут сыграть положительную роль в поступательном развитии общественной жизни России тем, что, во-первых, *дают единственную возможность для встречи разночинства с народом;* во-вторых, они «ставят вопрос народного представительства и самоуправления, не разрешая его, т. е. *возбуждая в массах стремление к иному, лучшему, действительному разрешению*» [1]. Это самоуправление Огарёв противопоставляет конституционным стремлениям дворянства (тогда выразившимся в московском адресе) как «олигархическим», не имеющим корней в народе и потому лишённым силы.

В этой трактовке Земский собор уже терял характер того *всесословного* объединения под руководством передового дворянства, о котором говорил «Колокол» ещё в 1861 г.

Дворянству теперь «Колокол» отказывает в каком-либо общественном значении. После верноподданнического раболепствования 1863 г. дворяне «остаются» в глазах редакторов «Колокола» не более, как «родовым потомством Ноздрёва, детьми Собакевича и внучатами Фамусова». «*Как сословие,* — пишет Герцен о дворянстве, — оно не может пережить верную подругу свою — крепостное право; ему приходится зачахнуть в бесплодных усилиях овладеть движением (если нельзя остановить его), или... выйти из залы благородного собрания простым смертным на чистый воздух» [2].

---

[1] Курсив мой. — *З. Б.*

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 104, 106.

Поэтому «Колоколом» и выдвигается теперь идея *бессословного* Земского собора.

Как программа будущей деятельности эта идея была уже развита Огарёвым в обращении к разночинной молодёжи в 1863 г.[1] Земский собор в этой программе никак не является самоцелью — идеалом представительного учреждения для улучшения настоящего строя.

Здесь имеется в виду лишь его учредительный, временный характер, с широкой возможностью коренной перестройки. Очень чётко, даже образно выражена эта мысль в последнем номере «Колокола»: «В нём (в Земском соборе) мы видим не больше, как *ворота*, но ворота отворенные, и это очень важно, — до сих пор русское развитие пробирается тайком через забор, пока сторожа не смотрят или спят»[2].

Так руководители «Колокола», исходя из нового явления русской жизни — земских учреждений, усматривают в них новую возможную форму деятельности передовых сил разночинцев среди народа. Целью этой деятельности редакторы «Колокола» считают подготовку народных масс к борьбе за Земский собор как демократическое Учредительное собрание для создания нового социально-политического строя. Участие разночинцев в местном самоуправлении должно было, по их мнению, содействовать этой подготовке.

В такой переоценке демократических и революционных возможностей земских учреждений сказалось непонимание редакторами «Колокола» основного социального факта пореформенной России — прогрессирующего развития буржуазно-капиталистических отношений. Они не замечают расслоения внутри крестьянской общины; они не понимают буржуазного характера проводимых в России реформ. Редакторы «Колокола» не видели и того важного факта, что эти буржуазные реформы, несмотря на все дворянско-правительственные урезки, всё же удовлетворяют широкие круги разночинства, которые ни в коем случае не сливают своих интересов с интересами обезземеленного крестьянства.

---

[1] «Колокол» № 162 от 1.V 1863 г. «Надгробное слово».
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIX, стр. 379.

Огарёв же в своей статье пишет: «К потребности народного представительства остальное разночинство (выше он выделил «крупное купечество», сближая его интересы с влиятельным чиновничеством. — *З. Б.*), т. е. среднее купечество, мещанство, не попавшее в рясу духовенство и меньшинство действительного духовенства — примкнёт с первого слова и передаст эту потребность в народную массу гораздо легче, чем люди сословия, вышедшего у народа из веры» [1]. Поэтому свою задачу «Колокол» понимает теперь как активное содействие этим местным деятелям, которым предстоит большая и практическая и теоретическая работа, так как «Собор не должен нас застать врасплох» [2]. «Хотелось бы и нам, по мере сил, участвовать в этом разъяснении вопросов», — заявляют руководители «Колокола» в том же первом обращении из Женевы, осведомляя читателей о расширении теоретической части своего журнала. Это желание активного сотрудничества в предстоящей борьбе *местных* сил тем более понятно, что в ней редакторы «Колокола» видят борьбу за второй принцип своей социальной теории — принцип широкого демократического самоуправления, вплоть до выборности верховной власти. (Первый принцип — признание права народа на землю — считается ими уже частично входящим в жизнь через крестьянскую реформу.)

Предполагая, таким образом, иметь в местных деятелях земства свою читательскую и корреспондентскую среду, «Колокол» в дальнейшем уделяет много внимания земским учреждениям. Более трети номеров журнала из вышедших до конца издания затрагивают тот или иной вопрос, важный с точки зрения интересов земства, или же дают критику существующего положения земских дел на местах.

Наиболее тщательно здесь разбирается вопрос о земских финансах. В статье корреспондента за подписью «Русский» доказывается необходимость создания земских банков и отмечаются препятствия этому со стороны правительства [3].

---

[1] «Колокол» № 196 от 1.IV 1865 г.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 141.
[3] «Колокол» № 227 от 1.IX 1866 г.

Развивая далее эту же мысль, Огарёв детально разбирает условия организации народного кредита и считает земские учреждения действительно возможными центрами «для сближения вкладчиков и заёмщиков» [1].

В особой статье, говоря о праве земства на самообложение, анонимный автор доказывает вред правительственного вмешательства и урезывания этого права [2]. Ставится в «Колоколе» и вопрос о хозяйственной компетенции земских учреждений, причём предлагается передать в их руки часть государственных недвижимых имуществ, а также некоторые государственные предприятия (например, Николаевскую железную дорогу и постройку новых железнодорожных путей) [3].

Масштаб той роли, которая отводится в «Колоколе» земству, вскрывается в одном из примечаний «От издателей», которое предваряет статью о беспорядках и грабежах на Николаевской железной дороге; издатели заявляют: «От петербургского правительства ждать нечего, и потому такие материалы не для него. Мы думаем, что они нужны нашему земству, от которого так заботливо утаивают всё, что может навести на мысль об истинном положении дел в России. Мы готовы печатать их, уверенные, что их обнародование поможет русскому земству» [4].

«Колокол» внимательно следит также за ходом первых земских собраний, отмечая главным образом те условия, в которые попадали там гласные из крестьян. Остроумными сопоставлениями цитат из ряда местных «Губернских ведомостей» журнал показывает, как эти официальные сообщения стараются «вообще представить крестьян оторопелыми, непонимающими» [5], а факты, приводимые тут же, это опровергают.

Горячо реагирует «Колокол» на слухи о правительственных проектах сократить деятельность земских учреждений почти тотчас по их создании: «Чиновники испугались первых проявлений живого духа в земских собра-

---

[1] «Колокол» № 240 от 1.V 1867 г.
[2] «Колокол» № 241 от 15.V 1867 г.
[3] См. «Колокол» № 228 от 1.X 1866 г. и № 239 от 15.IV 1867 г.
[4] «Колокол» № 217 от 1.IV 1866 г.
[5] «Колокол» № 196 от 1.IV 1865 г.

ниях и конспирируют в своих канцеляриях против земства...», но «...репрессивными мерами... правительство само вызовет и приготовит почву для насильственного переворота» [1].

Вскоре редакторы «Колокола» получили сведения о том, что в связи с политическими выступлениями в земском собрании петербургского дворянства правительство предполагает временно приостановить деятельность земства этой губернии; вместе с этим из провинции приходят вести об аресте полицией гласных-крестьян [2]. Под влиянием этих известий Герцен помещает статью, озаглавленную «1789», в которой констатирует возникающее в земской среде недовольство распоряжениями правительства (что отражалось даже и в русской легальной прессе) и расценивает его как нарастание революционного движения в России. Герцен приветствует это движение и считает, что главная роль в нём принадлежит народу: если дворянство, отрекаясь от монополий, сделает из своего дела дело общее, дело «народное, земское», тогда правительство должно будет уступить; или же, если правительство поддержит народную волю, его право на землю, то оно подорвёт «олигархические притязания дворянства». Не веря ни той, ни другой стороне, Герцен свою позицию определяет так: «...если мы не со стороны дворянства и не со стороны правительства, то безусловно со стороны *движения. Всё,* что может подмыть, смыть казарму и канцелярию... всё это будет принято нами с радостью и восторгом — *чьими бы руками ни было сделано.* Ломайте, господа, ломайте пуще всего друг друга. На эту ломку уйдёт вся ваша и вся наша жизнь... Дети наши потом сосчитаются. Революции, вообще, оставляют не майораты, а полудостигнутые идеалы и вновь раскрытые горизонты» [3].

Так понимают в эти годы редакторы «Колокола» очередные вопросы общественного развития в России. Если они и ошибаются, надеясь найти в среде тогдашнего земства возможную опору широкой народной революционной организации, то попрежнему верно указывают главного

---

[1] «Колокол» № 214 от 15.II 1866 г.
[2] «Колокол» № 217 от 1.IV 1866 г.
[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 365.

врага русского народа — царизм и вдохновенно зовут на борьбу с ним.

Но вопрос об отношении Герцена к царю и оценке Герценом революционного метода действия в женевский период издания «Колокола» требует особого рассмотрения.

До сих пор Герцен не может всё ещё отказаться от каких-то надежд на добрую волю Александра II и считает возможным снова обратиться лично к нему с советом изменить реакционный курс политики правительства. Первый женевский номер и открывается «Письмом к императору Александру II»[1], где Герцен в связи с событиями, тяжёлыми лично для царя (смерть наследника), призывает его прекратить преследования за убеждения — «прежде всего остановить руку палача».

И хотя здесь уже нет и помину о возможности какого-либо контакта с царским правительством, как это было в письмах до 1861 г., письмо всё же носит тот «слащавый» характер, который был резко осуждён Лениным[2]. Да и самый факт обращения к царю шёл настолько вразрез с общим тоном «Колокола», что письмо это вызвало недоумение в среде читателей журнала. Редакторы почувствовали необходимость объясниться, и вскоре Огарёв выступил со специальной статьёй «По поводу письма Искандера к государю»[3]. В ней Огарёв опровергает различные предположения корреспондентов — и то, что письмо является уступкой правительству, и то, что оно может, оскорбив Александра II, отрицательно повлиять на дальнейшие реформы. Он указывает, что в основе письма лежало желание Герцена остановить бесчисленные казни и преследования.

Ещё менее уместно было последнее письмо Герцена к Александру II — в мае 1866 г. Протестуя против казней, Герцен переносит всю ответственность за них на лиц, окружающих царя; он пишет, что царь другими вовлечён «в тот исторический грех, в ту страшную неправду, которая совершается возле». А так как письмо это появи-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 96—100.

[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 467.

[3] «Колокол» № 200 от 15.VII 1865 г.

лось после выстрела Каракозова, то оно могло быть расценено как «авансы» «Колокола» консервативным кругам.

Тактическая ошибка этих обращений была немедленно учтена читателями, что видно и из памфлета А. Серно-Соловьёвича, и, конечно, могла лишь отрицательно повлиять на положение «Колокола».

Эти обращения самим Герценом расцениваются как остатки прежних взглядов: «...пусть меня называют сумасшедшим и слабым, — говорит он в последнем «Письме», — я пишу к Вам — так трудно мне окончательно расстаться с мыслью, что Вы вовлечены другими в тот исторический грех, в ту страшную неправду, которая совершается возле Вас» [1].

Эти взгляды Герцена органически связывались с его убеждением о надклассовом характере царской власти, с убеждением, что царская власть и дворянство — два различных элемента. Это заставляет Герцена выделять, изолировать личность царя, на которую он стремится воздействовать исходя из мысли, несколько ранее сформулированной им на страницах «Колокола»: «Человек очень силен, человек, поставленный на царское место, ещё сильнее, но тут опять старая штука: силен-то он только *с течением,* и тем сильнее, чем он его больше понимает; но течение продолжается и тогда, когда он его не понимает и даже, если противится ему; запруженный поток обходит плотину, низвергается порогами, вертится круговоротами, увлекает в омуты, бросает на отмели» [2]. Герцен и надеется своими обращениями доказать Александру II силу «течения» и убедить его, что все «плотины», сооружаемые им, не остановят этого течения, но лишь гибельно отражаются на всей стране. А благо страны, как он всё ещё продолжает считать, не может быть безразлично для царя.

Однако, как ни долго сохранялись эти взгляды Герцена, наступивший с лета 1866 г. период «белого террора» заставил и его изменить своё отношение к Александру II, понять бесполезность всяких обращений к нему. Статья Герцена в июньском номере по поводу царского рескрипта

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 407.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVI, стр .430.

кн. Гагарину отмечает решительный, окончательный поворот политики к полной реакции и определяет рескрипт как «исторический пограничный столб... межевой знак» [1]. В статье особенно подчёркивается полное единение царя с дворянами. На этот раз Герцен отказывается от всяких надежд на царя. «А вы, — обращается Герцен к революционным борцам, — ...мужайтесь. — Мы дожили с вами до великого времени. Недаром вы страдаете, не даром и мы работали целую жизнь. *Это — заря страдного дня, но дня, который мы ожидали...* Это — начало борьбы... это — начало войны. Конца её мы не увидим... вряд увидят ли младшие из юных» [2].

Но какими методами рекомендовал Герцен вести ту борьбу против политического строя России, к которой он призывал? Не было ли у него в этом вопросе колебаний, подобных тем, которые он переживал в своём отношении к царской власти?

В литературе имеется указание, что «Герцен... до конца своей жизни не понял, что революция является единственным средством изменения существующего социально-политического строя в интересах трудящихся» [3]. Это подтверждается ссылкой на слова Герцена в его статье «Порядок торжествует!»: «Мысль о перевороте без кровавых средств нам дорога» [4]. Но, обратив внимание как на полный текст цитированной статьи, так и на другие статьи Герцена и на весь комплект номеров «Колокола» женевского периода, нужно внести решительный корректив в это указание. Нельзя согласиться с тем, что Герцен мыслит возможность двух путей коренной перестройки социального и политического строя России: один — революционный, другой — мирный, и колеблется в выборе между ними. Что касается выше цитированной статьи по поводу рескрипта князю Гагарину, то она не вызывает никаких сомнений при определении позиции Герцена в тот период. В этой статье совершенно ясно говорится о наступлении тяжёлого, но *неизбежного, давно ожидаемого времени революционной борьбы.* Но и рань-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 424.
[2] Там же, стр. 427.
[3] «Литературное наследство» № 41—42, стр. 28.
[4] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIX, стр. 126.

ше, в течение всего последнего периода издания «Колокола» (с конца 1863 г. до начала 1864 г.), мы не встретим в нём ни одной статьи, где высказывалась бы надежда на полную перестройку социально-политической жизни в интересах народа при помощи реформ. Даже в статье Огарёва, оправдывающей первое женевское письмо Герцена к Александру II, определённо говорится о полной неспособности царского правительства создать необходимые для народа условия жизни.

Как же в таком случае понимать указанную мысль Герцена — о перевороте без кровавых средств — в статье 1867 г.? С ней встречаемся мы на страницах «Колокола» не впервые. В статье «К концу года» (1865) Герцен цитирует своё же высказывание, относящееся ещё к 1857 г.: «...от души предпочитаем путь мирного человеческого развития пути развития кровавого», — и продолжает свою мысль: «Но, с тем вместе, также искренно предпочитаем самое бурное и необузданное развитие застою николаевского status quo» [1].

Но этого мало. В той же статье, проследив все перемены правительства Александра II и указав, как разрослась реакция в казнях и усмирениях, Герцен продолжает: «Если так, то, без сомнения, было бы лучше, чтоб кровь лилась за дело и люди гибли бы, сделав больше тайно напечатанных прокламаций и шиллеровских professions de foi» [2].

Так же дело обстоит и со статьёй 1866 г. Подчеркнув вначале, что ему дорога «мысль о перевороте без кровавых средств», Герцен далее пишет: «Дикая реакция, гадкая реакция... жертвы падут направо и налево... Но, — спрашивает Герцен, — где же великий тормоз, чтоб остановить движение?» И, признавая, что передовое движение не может быть ничем остановлено, Герцен заявляет, что он на стороне движения, даже несмотря на то, что «история идёт такими грязными и глухими просёлками». Он зовёт «сосредоточиться, собраться с силами», и, уверенный, что на место павших борцов с царским строем встанут новые, кончает статью боевым призывом —

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 264.
[2] Там же, стр. 266.

крепко держать «знамя «Земли и воли»... против знамени Зимнего дворца» [1].

Таким образом, считая «переворот без кровавых средств» прекрасным идеалом, Герцен для русской действительности признаёт необходимость другого, революционного пути. «...он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» [2], — говорит о Герцене Ленин.

Твёрдо держать революционное знамя Герцену помогла его вера в народные массы; его «беззаветная преданность революции» опирается на уверенность, что «обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы» [3].

И не вина Герцена, что в это время он не мог ещё увидеть в России «другого народа», кроме крестьянства. Анализ общественного развития Западной Европы уже натолкнул Герцена на мысль о новых социальных силах. «Я думаю, — пишет Герцен в «Дневнике», — что есть силы у Запада, пробуждающиеся к свету, которые могут оплодотвориться разумом и спасти организм... Силы эти... уже подняли голову; это уже не Гарибальди, и не 93 год, и не июньские дни — работничьи лиги и фенианизм» [4]. И глубокая убеждённость в действенности этих сил вскоре заставляет его писать: «А вокруг буря, всё растущая буря — вот это утешает. Мы кое-что ещё снова увидим» [5].

Но для России в качестве движущей силы этой «бури» Герцен признаёт лишь крестьянство. Вместе с тем он понимает, что силы русского крестьянства разобщены, не организованны. Поэтому он в первую очередь призывает разночинную молодёжь к настойчивой и, по условиям времени, длительной подготовке массового движения.

Однако, переоценивая общественное значение и классовый состав земских учреждений, Герцен ошибочно счи-

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIX, стр. 133.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 468.
[3] Там же, стр. 469.
[4] Эта запись датирована 13.VII 1866 г. (*А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIX, стр. 29).
[5] Там же, стр. 103.

тает их возможной формой такой массовой революционной подготовки.

В женевский период издания «Колокола» необходимый контакт журнала с читателями в России так и не был налажен. Русские либералы, напуганные выстрелом Каракозова, определённо приняли сторону правительства и молча переносили растущую реакцию. Революционно-демократическое движение, лишённое руководства Чернышевского и с распадом общества «Земля и воля» потерявшее организующий центр, сохраняется лишь в разрозненных группах (группы Ишутина и Худякова); после же разгрома этих групп оно ещё более слабеет.

Снижение идейно-теоретического уровня этого движения, отразившееся в статьях «Современника» последнего периода (1866), сокращение массовых выступлений крестьянства и оторванность от масс приводят некоторых революционеров на ложный путь политического террора.

Выстрел Каракозова был резко осуждён «Колоколом» именно как проявление вредной для революционного движения тактики индивидуального террора. Но эта тактика находила сочувствие отдельных лиц, что обнаружилось затем в болезненном рецидиве этой тактики — в нечаевских организациях. Однако были тогда и другие группы революционных разночинцев, правильно понимавших очередную задачу революционного движения в широкой опоре на народные массы, к чему звал и «Колокол». Однако они, в лице «молодых эмигрантов» за границей и их единомышленников в России, не доверяют твёрдости революционной позиции журнала Герцена даже в конце 1866 г. Верно критикуя его бесчисленные колебания прежних лет, они и теперь, под влиянием случайных столкновений и размолвок, усматривают в редакторах «Колокола» лишь дворянских революционеров, не сознавая значительности их поворота на революционно-демократический путь.

В итоге под влиянием указанных внутренних причин спрос на «Колокол» продолжает падать. Причины внешние — усилившиеся преследования заграничной литературы и трудности её распространения — имели второстепенное значение. И тогда были отдельные читатели «Колокола», которые умели обойти эти препятствия

и даже в провинциальной дали могли доставать, распространять и хранить номера журнала и другие издания Герцена. Но теперь такие читатели насчитывались единицами, в лучшем случае — десятками, вместо сотен в прежние годы. Особенно наглядным показателем сокращения связей «Колокола» с Россией было самое содержание журнала. Документальные материалы ещё поступали из России [1], статьи и письма — гораздо реже, и почти совсем нет корреспонденций. В результате самый живой прежде раздел «Смесь» изменяет свой характер; не имея достаточной информации от своих читателей-корреспондентов, Герцен для составления «Смеси» использует информации русской легальной прессы, а иногда и прессы иностранной. Правда, он обрабатывает эти материалы попрежнему блестяще и остроумно, но всё это не заменяет исчезнувшей близости с читателями.

Деятельность всего издательства ослабевает. Типография едва существует. Желая помочь и хоть несколько обеспечить положение Чернецкого, связавшего свою жизнь с его типографией, Герцен пытается усилить коммерческую сторону дела. В № 212 от 15 января 1866 г. было помещено объявление о приёме заказов в типографии не только на русском, но «и на польском, сербском, французском и английском языках». Так фактически Вольная русская типография превратилась в интернациональную. А вскоре Герцен передаёт типографию в собственность Чернецкого, продолжая оказывать ему материальную помощь. В конце апреля 1866 г. он пишет сыну: «Дела типографии идут очень дурно, она вся снова упала на мои плечи»[2]. Чем дальше, тем больше беспокойство Герцена. «Сейчас получил письмо Чернецкого, — пишет он из Ниццы в начале января 1867 г. Тхоржевскому. — Плохо идут дела типографии, и я не придумаю, что сделать» [3]. А через три дня он уже более решительно пишет

---

[1] Например, «Дело Андрущенко» (полный текст показаний арестованных и решений суда) в «Колоколе» с № 208 от 15.XI 1865 г. по № 215 от 1.III 1866 г. или большая рукопись «Белый террор» с текстом многих документов комиссии Муравьёва по делу, связанному с покушением Каракозова (с № 231/232 от 1.I 1867 г. по № 235/236 от 1.III 1867 г.).

[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 373.

[3] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIX, стр. 180.

Огарёву: «...дела типографии идут плохо. Пора и её сдать в архив. Подумай об этом» [1].

Ещё больше волнует Герцена издание «Колокола». Безнадёжность положения журнала для него вполне ясна. Ещё весной 1866 г. он пишет сыну: «Колокол» может выходить раз в месяц, но выходить *должен;* это — honneur du drapeau (честь знамени) и якорь спасения всего сделанного.., Покинуть «Колок[ол]» теперь, значит подать в отставку» [2]. Через неделю Герцен приходит к такому заключению: «Всё, что можно сделать для «Колокола», это издавать его *ежемесячно».* К этому Герцен и переходит: с 1 сентября 1866 г. «Колокол» стал выходить один раз в месяц. Но недостаток материалов даёт себя постоянно чувствовать. В распоряжениях Герцена по изданию чувствуется вся острота положения. «Двойного (номера «Колокола». — *З. Б.*) не издавать ни под каким видом... — пишет он Огарёву из Ниццы 9 января 1867 г.— Как можно нам (без читателей) бросать материал?» [3] А когда снова из надёжного источника приходят сведения об отсутствии спроса на «Колокол» в России [4], Герцен приходит к определённому решению прекратить издание журнала. «Решено, — пишет он Огарёвой из Женевы 12 мая 1867 г., — «Колокол» не издавать от *1 июня до 1 января* (это — тайна, и должно остаться тайной до 15 июня)».

Однако предположение Герцена лишь на полгода прекратить издание журнала, о чём сообщалось и в Обращении издателей в последнем (№ 244/245) номере «Колокола», не оправдалсь.

Условия общественной жизни в России за это время не изменились к лучшему, и издание «Колокола» на русском языке не возобновилось.

«Мне всегда казалось, что во-время остановиться есть дело необходимое, без «memento mori» со стороны хора, — говорил впоследствии Герцен об условиях своей

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIX, стр. 181.
[2] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XVIII, стр. 358—359.
[3] *А. И Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XIX, стр. 183.
[4] Там же, стр. 225.

работы ко времени прекращения «Колокола. — Не ожесточение наших врагов заставило нас решиться завязать язык нашему колоколу, а равнодушие наших друзей, отсутствие всякой моральной опоры. Я боролся один с 1853 года, потом вдвоём, — теперь пора, чтобы другие испробовали свои силы. Мы будем продолжать нашу работу, — готовы также снова взяться за «Колокол», но при других условиях» [1].

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XXI, стр. 272—273.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце 1867 г., оценивая только что прерванную издательскую деятельность, Герцен писал Огарёву: «Я своё сделал... Наше слово сказано и даже услышано. Другого у нас нет» [1]. Но действительное значение для России вольного слова «Колокола» намного переросло эти рамки, скромно очерченные Герценом.

Близко связанный с родиной «Колокол» быстро завоёвывает громадное влияние благодаря тому, что в ответ на насущные требования русской жизни журнал не только предоставлял возможность свободного обсуждения самого актуального тогда вопроса — освобождения крестьян, но и поднимал массы на революционную борьбу.

Оценивая каждое явление русской жизни в интересах народа, призывая следовать революционной традиции декабристов и вскрывая гнилость не только крепостнического, но и буржуазного общества, «Колокол» «поднял знамя революции».

Правда, в первые годы издания (1857—1861) редакция «Колокола», ещё не видя революционного народа, допускает ряд противоречий, идёт на некоторое сближение с либералами, не понимая классовой сущности либерализма, выступает с «слащавыми» обращениями к царю, «которых теперь нельзя читать без отвращения».

Все эти противоречия и колебания «Колокола» вызывали критику со стороны революционных кругов, а затем и недовольство либералов.

---

[1] *А. И. Герцен,* Полное собрание сочинений, т. XX, стр. 122.

Положение значительно меняется с середины 1861 г., когда «Колокол» после обнародования крестьянской реформы резко становится в оппозицию дворянской политике царского правительства, требуя полного надела бывшим крепостным и протестуя против вооружённого подавления крестьянских волнений.

Революционность «Колокола» возрастает и получает более определённое выражение в новых задачах, которые ставит себе журнал: *поднимать активность масс* и содействовать их *организованности* для борьбы с царско-дворянским строем. С этой целью «Колокол» выдвигает лозунг «в народ» перед студенческой молодёжью, движение которой было сочувственно им поддержано и как защита принципа свободы науки и как протест против антикрестьянской реформы. Лозунгом «в народ» «Колокол» ставит перед молодёжью задачу упорной работы по организации и поднятию сознательности народных масс посредством личной агитации и издания популярной литературы.

С той же целью — влияния на народные массы — редакция «Колокола» публикует ряд популярных статей на страницах самого журнала и начинает издание прибавления к «Колоколу» — листка «Общее Вече». В то же время журнал связывается с революционно-демократическими кругами («Великорусс»), а затем и с революционной организацией «Земля и воля».

Меры правительства против революционного движения и распространения лондонских изданий в России в 1862 г. создают серьёзные внешние препятствия общению «Колокола» с родиной. Чёткая революционная позиция, которую занимал «Колокол» по отношению к польскому восстанию, и твёрдая защита прогрессивного решения национального вопроса приводят его к *окончательному разрыву* с либеральными кругами, поддерживавшими шовинистическую политику царского правительства.

Отказавшись от надежд на дворянство, даже либеральное, редакторы «Колокола» признают теперь основой социального развития России народные массы, организованные революционно-демократическими группами *разночинцев*.

Отсутствие надежд на широкое крестьянское движение весной и летом 1863 г., ликвидация польского восстания,

а также усиление правительственной реакции благодаря поддержке её влиятельными общественными кругами дворянства и журналистики приводят редакторов «Колокола» к сознанию необходимости всю работу по подготовке революционной борьбы рассчитывать на *длительный* период времени, не имея надежды на быстрый успех. С таким решением «Колокол» подходит к 1864 г., который, таким образом, является началом третьего и последнего периода в издании журнала.

Первое время растущая изоляция от России и катастрофическое сокращение корреспонденций создают для «Колокола» исключительно тяжёлое положение. Журнал хотя и не прекращается, но становится фактически почти ежемесячным. Однако некоторый общественный подъём, который наблюдается в России в связи с проведением первых буржуазных реформ (земства и суда), и попытка издателей «Колокола» возродить связь с русскими читателями путём перевода издательства на континент поднимают несколько деятельность «Колокола»: увеличивается приток корреспонденций, и журнал снова становится двухнедельным. В центре внимания журнала оказывается актуальный для России вопрос — о самоуправлении. Новые земские учреждения «Колокол» расценивает при условии их демократизации как желательную форму народной самодеятельности, как подготовку к Земскому собору, который, по мнению «Колокола», должен быть *«взят»* революционным народом, а не получен от царской власти как конституция.

Но этот подъём журнала не мог быть длительным. Политическая реакция в России снова нарастает и переходит после выстрела Каракозова в правительственный террор. Поэтому внешние связи «Колокола» снова сокращаются. Изоляция «Колокола» от русских читателей усиливается: либеральные круги удовлетворены новым судом и полученным самоуправлением; они боятся требований дальнейшей демократизации, которые выдвигает «Колокол», и охраняют земские учреждения от «революционной заразы». С радикальными группами революционных разночинцев «Колокол» в эти годы, как мы видели, не смог укрепить контакт.

Всё это обусловило прекращение издания в 1867 г.

«Колокол» должен был замолкнуть. Он возник в дни большого общественного подъёма в России, вырастал вместе с нарастанием революционной ситуации в стране, опираясь на сотни читателей-корреспондентов, и в момент спада «первого демократического подъема» [1], лишённый непосредственной связи с родиной, не мог уже иметь необходимых сил.

Прекращая свою деятельность, «Колокол» не опускает революционного знамени. Ни о каком соглашении с правительством нет и речи. Но сознание глубины общественной реакции, с одной стороны, а с другой—понимание разобщённости революционных групп в России заставляют редакцию «Колокола» признать необходимость ещё более длительной подготовки массовой, действительно народной революции, для которой минувшая деятельность журнала оценивается лишь как предварительная ломка препятствий.

«Колокол» Герцена встаёт перед нами как один из этапов и в то же время как один из факторов развития национального самосознания русского народа.

С прекращением издания «Колокола» его влияние на общественное сознание передовых сил России не прекратилось. «Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению разночинцев, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии... Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности» [2]. Листки «Колокола» передавались из поколения в поколение как ценная реликвия революционной традиции, принятой от первых русских революционеров и продолженной Герценом — писателем, сыгравшим «великую роль в подготовке русской революции» [3].

---

[1] *В. И Ленин,* Соч., т. XXX, изд. 3, стр. 192.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XVII, изд. 3, стр. 341.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. XV, изд. 3, стр. 464

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Классики марксизма-ленинизма

Маркс К., Письмо к Зигфриду Мейеру (в Нью-Йорк) 21. I 1871.
Маркс К. и *Энгельс Ф.*, Соч., т. XXVI.
Ленин В. И., Памяти Герцена, Соч., т. XV, изд. 3.
Ленин В. И., Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. XXV, изд. 3.
Ленин В. И., «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, изд. 4.
Ленин В. И., Крах II Интернационала, Соч., т. XVIII, изд. 3.
Ленин В. И., От какого наследства мы отказываемся? Соч., т. 2, изд. 4.
Ленин В. И., Политические партии за 5 лет третьей Думы, Соч., т. XV, изд. 3.
Ленин В. И., Гонители земства и Аннибалы либерализма, Соч., т. 5, изд. 4.
Ленин В. И., Карьера, Соч., т. XXX, изд. 3.
Ленин В. И., Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. XVII, изд. 3.
Ленин В. И., Очередные задачи Советской власти, Соч., т. XXII, изд. 3.
Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. 1, изд. 4.
Ленин В. И., Что делать? Соч., т. 5, изд. 4.
Ленин В. И., Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии, Соч., т. XV, изд. 3.
Ленин В. И., Демократия и народничество в Китае, Соч., т. XVI, изд. 3.
Ленин В. И., О народничестве, Соч., т. XVI, изд. 3.
Ленин В. И., Роль сословий и классов в освободительном движении, Соч., т. XVI, изд. 3.
Ленин В. И., Не демократично, гражданин Керенский! Соч., т. XX, изд. 3.
«История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, (М.) 1946.

II. Источники и исследования

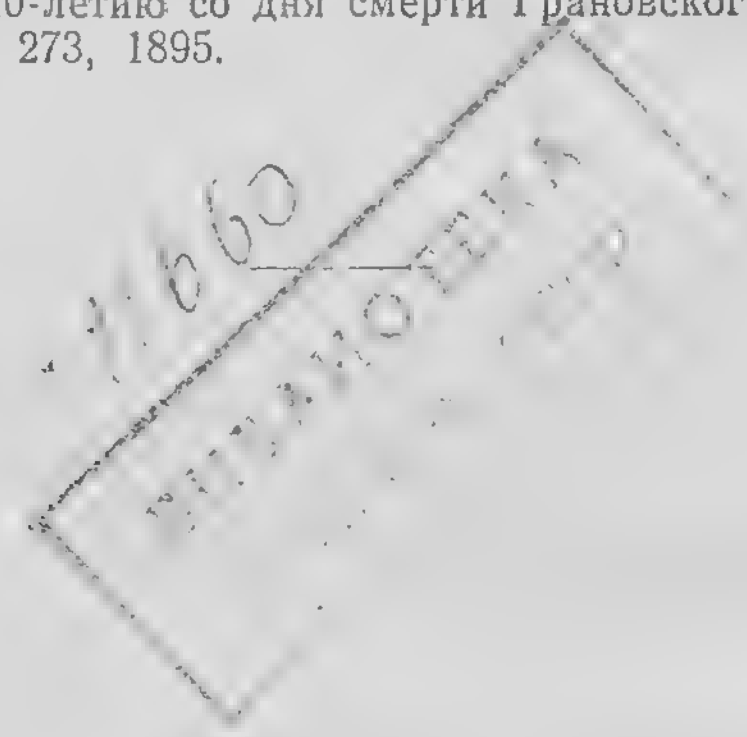
Алексеев В., Воспоминания, «Исторический вестник», 1894, XI.
Анненков П. В., Литературные воспоминания, Спб. 1909.
Антонович М. А., Воспоминания, «Шестидесятые годы», 1933.
Арсеньев К. К., Законодательство о печати, Спб. 1903.
Ашевский С., Освобождение крестьян и «Колокол», «Современный мир», 1906, кн. XII, отд. II.
Ашевский С., Реформы Александра II и «Колокол» Герцена, «Современный мир», 1907, кн. I, II, III, отд. I.
Ашенбреннер М. Ю., Воспоминания, «Былое» № 4/16, 1907.
Барсуков Н., Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XVIII, Спб. 1901.
Белинский В. Г., Взгляд на русскую литературу 1846 г.
Белинский В. Г., Взгляд на русскую литературу 1847 г.
Белоголовый Н. А., Воспоминания, М. 1897.
Белозерский Н., Герцен и молодое поколение, «Вестник всемирной истории», кн. 2, 1901.
Бестужев-Рюмин Н. К., Воспоминания, Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. LXVII, Спб. 1901.
Бестужев-Рюмин Н. К., Биографии и характеристики («Погодин»).
Боборыкин П. Д., За полвека. Воспоминания, 1929.
Ветринский Ч., «Колокол» и крестьянская реформа, «Великая реформа», т. IV, М. 1911.
Ветринский Ч., А. И. Герцен, «Светоч», Спб. 1908.
Ветринский Ч., Грановский Т. Н. и его время, изд. 2, Спб. 1905.
Ветринский Ч., Щепкин и Герцен, «Голос минувшего», кн. VIII, 1919
Водовозов В., Статья в сборн. «А. И. Герцен», 1920.
«Вольное Слово» № 57 (Громеко С., Письмо к Герцену), № 58, 1883 (Мельгунов Н. А., Письмо к Герцену), № 61—62 (Переписка Герцена с Чичериным).
Воронцов Ф., Воспоминания, «Вестник Европы», т. IV, 1904.
Вырубов Г. Н., Революционные воспоминания, «Вестник Европы», 1913, кн. I.
Галахов А. Н., Сороковые годы, «Исторический вестник», 1892, ч. II.
«Герцен А. И. Новые материалы». Сборн. под ред. Н. А. Мендельсона, М. 1927 (Труды Публ. б-ки им. Ленина).
Герцен А. И., Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX и XXI, 1915—1925.
Герцен А. И. Сочинения и переписка с Н. А. Захарьиной, т. I—VII, изд. Павленкова, Спб. 1905.
Гиляров Ф. А., Дневник, «Русское обозрение», т. XLIX, 1898.
Гиляров-Платонов Н. П., Воспоминания, «Современные известия», 11.I 1870 г.
«Голоса из России», Сборники статей, полученных Герценом из России, кн. 1, 2 и 3.
Горький М., Избранные литературно-критические статьи, Гослитиздат, М. 1941.
Горький М., Неопубликованная статья об А. И. Герцене, газ. «Известия» № 75 от 28.III 1937 г.

Даль В. И., Письмо к Головнину от 22.I 1855 г., «Русская старина», 1889, кн. IV.
Драгоманов М., Герцен, Бакунин и Чернышевский и польский вопрос, Казань 1906.
Деркачёв И. П., Из московских студенческих воспоминаний, Сб «Воспоминания о студенческой жизни», М., О-во распространения полезных книг, 1899.
«Десятилетие Вольной русской типографии», Сборн., ч. I и II, изд. Академии наук СССР, М.—Л. 1935.
Добролюбов Н. А., Дневники [1851—1859], изд. 2, М. 1932.
Евгеньев-Максимов, «Современник» при Чернышевском и Добролюбове, Гослитиздат, 1936.
Евгеньев-Максимов, «Современник» в 40-е и 50-е годы, Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.
«За много лет. Из записок неизвестного», «Русская старина» 1894, IX.
Заславский Д., Вольное русское слово, «Правда» № 95 от 5.IV 1937 г.
Заславский Д., Царизм в борьбе с Герценом — к публикации документов в журн. «Красный архив» № 2/81, 1937.
«Звенья», Сборн. III—IV и VI, «Academia».
Зеликин Е. М., Отношение Герцена к Чернышевскому, Сб «Н. Г. Чернышевский 1889—1939 гг.», Л. 1939 («Труды научной сессии Ленинградского ун-та к пятидесятилетию со дня смерти»).
Зотов В. Р., Воспоминания, «Исторический вестник», кн. IV, 1890.
Иванюков, Роль правительства, дворянства и литературы в крестьянском вопросе, «Отечественные записки», 1880 г., № 9, 10 и 12 и 1881 г., № 1—6.
Кавелин К. Д., Записка об освобождении крестьян в России, Собр. соч., т. II, Спб. 1898.
Кельсиев В. И., Исповедь, «Литературное наследство» № 41—42.
Клевенский М. М., Герцен-издатель и его сотрудники. «Литературное наследство» № 41—42.
Ковалевский П. М., Стихи и воспоминания, Спб. 1912.
Ковалёв И., Герцен и царская цензура. Вступит. статья к публикации документов, «Красный архив» № 1, 1940.
Козьмин Б. П., Был ли Чернышевский автором письма «русского человека» к Герцену, «Литературное наследство» № 25—26.
Козьмин Б. П., Герцен, Огарёв и «молодая эмиграция», «Литературное наследство» № 41—42.
Козьмин Б. П., П. Г. Заичневский и «Молодая Россия», М. 1932.
Козьмин Б. П., Из публицистического наследия Огарёва, «Литературное наследство» № 39—40.
Козьмин Б. П., Примечания к воспоминаниям Боборыкина «За полвека», 1929.
Колмаков Я. М., Воспоминания, «Русский вестник», кн. XII, 1887.
«Колокол», журнал, издававшийся Герценом с 1857 по 1867 г.
Корнилов А. А., Крестьянская реформа, Спб. 1905.
Кошелев А. И., Записки, Берлин 1884.
Кропоткин П. А., Записки революционера, М.—Л. 1933.

«Крестьянское движение 1827—1869», Сборник Центрархива, под ред. Е. А. Мороховца, т. I и II, Соцэкгиз, М.—Л. 1931.
Лебедев К. Н., Дневник, «Русский архив», т. III, 1911.
Лебедев К. Н., Из записок сенатора К. Н. Лебедева, «Русский архив», 1889, т. I.
Лемке М. К., Политические процессы 60-х годов, Госиздат, М.—Л. 1923.
Лемке М. К., Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия, Спб. 1904.
Лемке М. К., Очерки освободительного движения «шестидесятых годов» по неизданным документам с портретами, Спб. 1908.
«Литературное наследство» № 39—40 и № 41—42, 1941.
Любимов Н. А., Первые политические обеды в России, «Русский вестник», сентябрь 1888.
Мазуренко Н. Н., Воспоминания, «Исторический вестник», кн. IX, 1907.
«Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России», т. I, Берлин 1860.
«Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати», ч. I, Спб. 1870.
Мещерский В. П., Мои воспоминания, Спб. 1897.
Михайлов М. И., Записки, «Былое», Петроград 1922.
М-ский А., Герцен и его корреспонденты, «Русский вестник» № 4 и 5, 1889.
Муханов, «Из дневных записок Муханова», «Русский архив», 1896, № 10.
Неведенский, Катков и его время, Спб. 1888.
Неизданная переписка В. П. Боткина и И. С. Тургенева, 1851—1860 гг., Сборн. под ред. Н. Л. Бродского, «Academia», М.—Л. 1930.
Нечкина М. В., Восстание в Бездне, «Красный архив» № 4 (35), 1929.
Нечкина М. В., Н. П. Огарёв в годы революционной ситуации, «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. IV, № 2, 1947.
Никитенко А. В., Записки и дневник, т. II, Спб. 1905.
Новоселов Вл., Отзвучавший «Колокол», «Слово» № 189, 1907.
«Общее Вече», прибавление к журналу «Колокол» (с № 1 по 29, 1862—1864).
Овсянико-Куликовский Д. Н., История русской интеллигенции, Спб. 1906.
Овсянико-Куликовский Д. Н., Герцен, Спб. 1908.
Панаев В. А., Воспоминания, «Русская старина», кн. V, 1904.
Панаева А. Я., Воспоминания, «Academia», М. — Л. 1933.
Пассек Т., Из дальних лет. Воспоминания, т. I—III, Спб. 1878—1879.
«Первое собрание писем И. С. Тургенева 1840—1883», Спб. 1884.
Переписка А. С. Хомякова с А. Н. Поповым, «Русский архив» № 4, 1884.
Пирогов Н. И., О минувшем.
Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену, изд. М. П. Драгоманова, Женева 1892.

Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огарёву, Спб. 1906.
Письма А. И. Кошелева к Ив. Аксакову, «Голос минувшего» № 1—2, 1918.
Плеханов Г. В., Собрание сочинений, т. XXIII.
Плеханов Г. В., «Литературное наследие Плеханова», т. VI.
Плоткин Л. А., Писарев и литературно-общественное движение 60-х годов, изд. Акад. наук СССР, М. 1945. Вводная глава «Шестидесятые годы».
Погодин М. П., Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, М. 1874.
Покровский М. Н., Русская история с древнейших времён, т. IV, 1934.
Покровский М. Н., Предисловие к статье Герцена «Русский заговор 1825 г.», 1926.
Полное собрание законов, т. XXXI.
«Полярная Звезда», Сборник изданий Вольной русской типографии.
Попов И., Воспоминания, «Путь», кн. V, 1912.
Де-Пуле, Воспоминания, см. Сочинения Никитина, 1908.
Пыпин А. Н., Мои заметки (изд. его дочери), 1918; статья о Некрасове в журн. «Вестник Европы», кн. XI, 1903.
«50-летие гражданской и учебной службы М. П. Погодина», М. 1872.
Рейхель М. К., «Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель и письма к ней Герцена», М. 1909.
Родичев Ф. И., Годовщина, газ. «Речь» № 155 от 4 июня 1907 г.
Романович-Словатинский А. В., Воспоминания. Журн. «Вестник Европы», 1903, III.
«Русская подпольная и зарубежная печать», Библиографический указатель, сост. М. М. Клевенским, Изд-во политкаторжан, 1935.
Салиас Е., Воспоминания, «Историч. вестн.», 1898, кн. I.
Семёнов Н. П., Освобождение крестьян в России в царствование императора Александра II, т. I, Спб. 1889.
Серно-Соловьёвич А. А., Наши домашние дела, Веве 1867.
Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России, т. II, М. 1929.
Слепцова М. Н., Штурманы грядущей бури, «Звенья», т. II, 1933.
Смолин И. С., «Колокол» (1857—1861), Учёные записки Ленинградского государственного педагогического ин-та, т. XXXIX, 1941.
Соловьёв Е. А. [Смирнов В. Д.], А. И. Герцен. Его жизнь и литературная деятельность. Биографич. очерк, Спб., изд. Павленкова, 1898 (Серия «Жизнь замечательных людей»), изд. 2, 1905.
Соловьёв С. М., Записки, кн-во «Прометей».
Станкевич А. В., Т. Н. Грановский. Биографич. очерк, «Т. Н. Грановский и его переписка», М. 1897.
Суворов П. П., Записки о прошлом, ч. I, М. 1899.
Сухомлинов, Из литературы 50-х годов, «Исторический вестник», кн. 2, 1880.

Т. О книге Барсукова «Жизнь и труды Погодина», «Вестник Европы», апрель 1897.
Татищев С. С., Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. I, Спб. 1903.
Тихомиров Л. А., Предисловие к сборн. «Колокол», «Избранные статьи А. И. Герцена», изд. «Библиотека социальных знаний», Женева 1887.
Толстой Л. Н., Декабристы, Соч., часть третья, М. 1911.
Тучкова-Огарёва Н. А., Воспоминания, «Academia», 1939.
Тютчева А. Ф., При дворе двух императоров (воспоминания, дневник), ч. I и II, изд. Сабашникова, М. 1929.
Ужанский А. М., Записки, «Русская мысль», кн. VI, 1906.
Фоконистов Е., За кулисами политики и литературы, Л. 1929.
Чернышевский Н. Г., О новых условиях сельского быта, «Современник», т. LXVII, 1858.
Чернышевский Н. Г., О причинах падения Рима, «Современник», кн. V, 1861.
Чернышевский Н. Г., «Литературное наследие», т. II, М.—Л. 1928.
Чичерин Б. Н., Несколько современных вопросов. Сборник статей, изд. Солдатенкова, М. 1862.
Чуковский К., Люди и книги 60-х годов, ГИХЛ, Л. 1938.
Шевченко Т. Г., Дневник, М. 1939.
Шелгунова Л., Из далёкого прошлого. Воспоминания, Спб. 1901.
Шелгунов Н. В., Воспоминания, М.—Л. 1923.
«Шестидесятые годы», сборн., изд. Академии наук СССР, 1940.
Штакеншнейдер Е. А., Дневник и записки (1854—1886), М.—Л. 1934.
Штрайх С., А. И. Герцен, Указатель литературы, М., Гос. библиотечно-библиографическое изд-во НКП РСФСР, 1941.
Якушкин В., К 40-летию со дня смерти Грановского, «Русские ведомости» № 273, 1895.



СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава I. **Создание Вольной русской типографии и её работа до возникновения «Колокола» (1853—1857)**

1. Предпосылки создания вольной русской прессы 14
2. Организация Вольной русской типографии в Лондоне и её задачи 17
3. Создание крепкой связи с русским читателем 22
4. Рукописная бесцензурная литература России 50-х годов; её роль в деятельности лондонского издательства 38

Глава II. **Возникновение «Колокола» и первый период его издания**

1. Общественно-политическое положение в России после Севастопольской кампании 50
2. Состояние Вольной русской типографии к 1857 г. 53
3. Начало издания «Колокола». Его редакция. Основные периоды в издании «Колокола» 59
4. Первый период издания «Колокола» (1857—1861) 72

Глава III. **Второй период в издании «Колокола» (1861—1863)**

1. Внутриполитическое положение России после реформы 19 февраля 1861 г. 163
2. Изменение программы «Колокола». Рост революционности журнала. Расхождение его с либералами 169
3. Нарастание общественной реакции в России. Окончательный разрыв «Колокола» с либералами. Ухудшение связей «Колокола» с Россией 183
4. «Колокол» и национальный вопрос. Польский вопрос 212

Глава IV. **Последние годы издания «Колокола» (1864—1867)**

1. Оценка «Колоколом» обстановки, сложившейся после польского восстания. Взаимоотношения редакции с Бакуниным 235
2. Условия издания «Колокола» в 1864—1865 гг. Отношение редакции «Колокола» к «молодой эмиграции» 252
3. Общественное оживление в России 1864—1865 гг. Переезд издательства Герцена на континент и его кратковременный подъём. Прекращение издания «Колокола» 267

Заключение 285
Указатель литературы 289

Редактор *М. Рыбаков*
Ответственные корректоры *Е. Вайнберг* и *М. Важнин*
Технический редактор *А. Данилина*

Подписано в печать 25 января 1949. А. 00260.
Объём 18½ п. л. Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 30 000 экз.
Заказ 1006. Цена 5 руб.

3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

5 руб.